ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р С Ф С Р

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ШЕСТОЙ (ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ)

1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

★
ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГР. ГОСИЗДАТА.
МОСКВА, Пятницкая, 71.
Главл. А-30667. П. 12. Гиз 29806.
Заказ 3495. Тираж 2 250.

Replacement
Harv. (Paris)
8-13-38
3075-3

Дневник министерства иностранных дел за 1915—1916 гг.

В IV томе «Красного Архива» за 1923 г. была опубликована «Поденная запись», которая велась в министерстве иностр. дел в дни так называемого «кризиса» 1914 г.

Публикуемый ныне «Дневник министерства иностр. дел» за 1915—1916 гг. представляет собою материал тождественного происхождения и по формальной природе своей аналогичен опубликованному. Здесь мы имеем ту же систему поденных записей, отмечающих всю совокупность дипломатических действий за определенный день в их хронологической последовательности. В архивных дипломатических материалах довоенной эпохи таких явлений мы не встречаем. Это — несомненно продукция исключительно военного времени, когда в той же канцелярии министерства, где велись «дневники», и текущая телеграфная дипломатическая переписка систематизировалась в порядке поденных «коллекций». Особенности эпохи определяли собою характер и формы министерского делопроизводства.

«Поденная запись» 1914 г., как известно, обрывается на 19 июля. Никаких следов ведения записей в течение последующих дней 1914 г. в Архиве Внешней Политики установить не удалось. То же следует сказать и о первых месяцах второго года войны.

Настоящий «Дневник» открывается 9 апреля 1915 г. и заключает в себе записи, относящиеся к тем или другим дням указанных выше годов, причем далеко не все дни получают в записях нужное отражение — перерывы отмечаются частые и глубокие. Является ли это следствием того, как велась в министерстве эта работа или значительные части «дневников» по каким-либо причинам не сохранились — вопрос этот приходится сейчас оставить открытым.

Несмотря на всю отрывочность данных, заключающихся в публикуемом «Дневнике», материал этот нельзя не признать материалом первоклассного значения. Если те или иные секретные телеграммы или депеши или письма, которые в архиве обычно являются составными частями одновременно и «нарядов» и тематических досье, — благодаря существовавшей в министерстве системе размножения документов путем литографирования, отнюдь не могут претендовать на значение уникумов (тем более, что, являясь в архивном фонде министерства в качестве входящих бумаг, они оказываются в делопроизводстве соответствующего заграничного установления министерства в положении отпусков исходящих), — настоящие записи, не предназначавшиеся для распространения, не подвергавшиеся дублированию в литографии, являются уникумами в буквальном смысле этого слова.

Поскольку автор настоящих записей не обнаруживает тенденции к выделению фактов крупной исторической значимости и отсеиванию фактов, относительно маловаж-

ных, поскольку он далек от стремления объяснять явления, подходить к ним с критическою оценкою, постольку читатель должен рассчитывать на значительную пестроту и в смысле сюжетности и в смысле значимости сообщаемых записью данных.

Немаловажное значение приобретает поэтому вопрос о степени компетентности самого автора.

В «Дневнике» нет никаких указаний на то, кто является автором данных записей. Вместе с тем «Дневник» этот представлен в Архиве машинописным экземпляром, не дающим возможности установить авторство по почерку.

Тем не менее об этом нетрудно построить догадку. Во-первых, это — лицо, стоящее в курсе в с е й текущей дипломатической переписки и близко знакомое не только с кругом вопросов, затрагиваемых этой перепиской, но и с техническими операциями, с нею связанными. Во-вторых, это — лицо, знакомое с общим содержанием тех дипломатических бесед, которые ведет министр с иностранными дипломатами, в третьих, это — лицо, исключительно хорошо осведомленное в содержании тех бесед, которые ведет с иностранными представителями начальник канцелярии министерства. Есть все основания полагать, что авторство «Дневника» принадлежит никому иному, как именно начальнику канцелярии министерства, бар. М. Ф. Шиллингу, рукою которого написано большинство черновых отпусков телеграмм, шедших за подписью Сазонова.

Перед читателем пройдет пестрою вереницей множество вопросов, составлявших предмет дипломатической работы эпохи войны: уже близкий к разрешению вопрос о вступлении Италии в войну, долгие переговоры с Румынией, занимающие в «Дневнике» первое место, попытки вмешательства во внутренние русские дела со стороны английской дипломатии, шейлоковские предложения Франции, сцены из подпольных переговоров о сепаратном мире, завязка русско-японской дружбы, урегулирование вопроса о северных проливах, частичное отражение польского вопроса и отзвуки вопроса болгарского.

Во всяком случае несомненно одно, что читатель найдет здесь такие детали закулисных дипломатических переговоров, которых он не найдет больше нигде. Это можно сказать и по поводу признаний, делавшихся министру итальянским посланником. Это в особенности можно сказать о тех данных, какие приводятся в «Дневнике» по поводу приезда в Петроград Филипеско.

Во всяком случае несомненно и то, что своею фактичностью, достоверностью и точностью устанавливаемых фактов настоящая запись во много раз превосходит все те данные, какие мы обычно встречаем в мемуарной литературе, и является хорошим проверочным орудием для данных дипломатической переписки.

Приводя все те интимно-официальные беседы, какие велись иностранными представителями в стенах министерства иностр. дел, а также те соображения, которые высказывали высшие чины министерства перед принятием определенных решений, при составлении текстов тех или иных документов, известных или еще неизвестных читателю, давая указания на хронологическую последовательность тех или иных дипломатических актов, сообщая не только о делавшихся дипломатами высказываниях, но и об эмоциональном тоне, в какой те или иные суждения бывали окрашены, «Дневник» дает читателю такой материал, без которого не может обойтись ни один историк эпохи мировой войны.

Приходится сожалеть о том, что не все дни эпохи войны отражены в сохранившемся экземпляре поденной записи. Но не может быть двух мнений относительно ее исторической ценности.

«Дневник» мин. иностр. дел за 1915 г., равно как и «Дневник» за 1916 г. представляют собою тетради, хранящиеся в «Секретном архиве министра» соответственно под инвентарными №№ 300 и 301 (Архив Революции и Внешней Политики в Москве). Каждая запись, имеющая в заголовке определенную дату, воспроизведена на отдельном листе. В отличие от «Поденной записи» 1914 г. мы не находим здесь в приложениях текстов документов, имеющих ближайшее отношение к вопросам, затрагиваемым в самом «Дневнике».

Поэтому, публикуя «Дневник», мы по возможности воспроизводим в подстрочных примечаниях тексты тех документов, о которых в нем идет речь и которые до сего времени остались неопубликованными; в тех же случаях, когда изложение касается опубликованных уже документов, в примечаниях даются лишь указания о месте их опубликования.

Текст «Дневника» подготовил к печати А. Л. Попов.

Редакция.

1915 ГОД.

9 апреля.

Итальянский посол прочел барону Шиллингу [1]) полученные им телеграммы, в которых между прочим были приведены две формулы, одна — предложенная французским послом в Лондоне, другая — итальянским министром иностранных дел,— для удовлетворения требований России, чтобы путем нейтрализации побережья не были нарушены верховные права Черногории. Согласно этим телеграммам, французский посол в Лондоне предложил дополнить статью 5-ю итальянского меморандума касательно нейтрализации черногорского побережья следующею формулою: «... sans préjudice des avantages concédés au Monténégro par la note des puissances en date du... 1909» [2]). Итальянский министр иностранных дел в свою очередь предложил для той же цели следующую прибавку к вышеупомянутой 5-й статье: «... tout en respectant la situation spéciale faite au port d'Antivari par les declarations des puissances en 1909» [3]). Барон Шиллинг разъяснил послу, почему эти формулы не отвечают нашим пожеланиям, а, именно, первая из них недостаточно ясно устанавливает высказанную С. Д. Сазоновым мысль, а вторая прямо таки основана, вероятно, на недоразумении, так как в ней как будто делается уступка в пользу сохранения п р е и м у щ е с т в, принадлежащих Антивари, тогда как известно, что в 1909 году, когда были уничтожены все ограничительные постанов-

---

[1]) Барон Шиллинг, Маврикий Фабианович — начальник канцелярии министерства ин. дел.

[2]) «Не нарушая преимуществ, предоставленных Черногории нотою держав от... 1909.»

[3]) «Принимая во внимание то особое положение порта Антивари, которое создалось в результате декларации держав в 1909 г.»

ления 29-й статьи [1]) Берлинского договора, то именно только в отношении Антивари были установлены известные ограничения [2]).

15 апреля.

Посещение министра итальянским послом и разговор о взаимодействии между Италией и державами Согласия и об Румынии.

В это первое свидание с министром по подписании Лондонского соглашения [3]) итальянский посол не без волнения выразил министру свое живейшее удовольствие по поводу установившихся отныне между Россией и Италией союзнических отношений. Министр в свою очередь высказал послу свое удовлетворение, напомнив, что он уже давно работал в этом направлении и что, если сближение между обоими государствами не состоялось раньше, а, именно, уже со времени итало-турецкой войны [4]), то вина за это падает не на него. При этом С. Д. Сазонов отдал полную справедливость маркизу Карлотти [5]), личные качества которого и искреннее стремление к осуществлению означенного сближения сыграли видную роль в этом деле, явившись во многие трудные минуты полезным противовесом направленной в другую сторону политики итальянского кабинета при маркизе ди Сан-Джулиано [6]).

Обсуждая предстоящую новым союзникам задачу, итальянский посол обратил внимание на желательность побудить и Румынию выступить одновременно с Италией. Упомянув о полученных им в этом

---

[1]) Согласно ст. 29-й акта Берлинского конгресса от 1(13) июля 1878 г. Антивари присоединялся к Черногории; вместе с тем Черногории воспрещалось иметь военные суда и пользоваться военным флагом. Антивари и все, вообще, воды Черногории объявлялись закрытыми для военных судов всех наций. Укрепления между озерами и прибрежьем на черногорской территории должны были быть срыты. Полицейский, морской и санитарный надзор вдоль всего черногорского побережья возлагался на Австро-Венгрию.

[2]) Вопрос об отмене ограничительных постановлений 29-й ст. акта Берлинского конгресса стал предметом дипломатических переговоров между державами непосредственно за последовавшим со стороны последних согласием на отмену 25 ст. акта того же конгресса. Переписка по данному вопросу относится к февралю-маю 1909 г. Согласно декларации черногорского правительства, переданной сообщением итальянского посольства в Петербурге от 26/III 1909 г., за портом Антивари сохранялся характер торгового порта (Архив Рев. и Внешней Пол., дело Полит. Арх. «Пересмотр Берлинского трактата», инв. №№ 1173 и 1176).

[3]) Имеется в виду секретное соглашение союзных держав с Италией, заключенное в Лондоне 13(26) апреля 1915 г. и подписанное уполномоченными от Великобритании — Грэем, от Франции — П. Камбоном, от России — Бенкендорфом и от Италии — Империали. Текст соглашения был опубликован в «History of the peace conference of Paris» ed. by W. V. Temperley. London, 1920, v. V; в книге «Царская Россия в мировой войне», Центрархив — Гиз, 1926 г., стр. 289—292; также в сб. «Раздел Азиатской Турции», изд. Литизд. НКИД, 1924.

[4]) Итало-турецкая война была объявлена 29/IX (н. ст.) 1911 г.; закончилась подписанием мирного договора в Лозанне 18/X 1912 г. (н. ст.).

[5]) Маркиз Андреа Карлотти — итальянский посол в Петербурге в 1913—1917 гг.

[6]) Маркиз ди Сан-Джулиано — министр ин. дел Италии в 1910—1914 гг.

отношении указаниях, он предложил свои услуги в качестве посредствующего звена между императорским правительством и румынскими дипломатами на случай, если бы, по ходу переговоров, такое посредничество могло оказаться иногда желательным. С. Д. Сазонов поблагодарил посла и сказал, что, со своей стороны, желая привлечь на сторону союзников Румынию, он готов вести переговоры с последней в самом примирительном духе, под условием, чтобы и румыны считались со справедливыми пожеланиями России.

15 апреля.

15 апреля вечером отъезд министра иностранных дел на несколько дней в деревню.

16 апреля.

Утром возвращение румынского посланника в Петроград.

Итальянский посол прочел барону Шиллингу полученную им телеграмму, в которой ему указывалось, что Румыния готова присоединиться к державам, воюющим против Австрии, под условием предоставления ей по окончании войны Буковины по Прут, Трансильвании и Баната по Тейсу [1]). Маркизу Карлотти предписывалось поддержать румынские пожелания перед императорским правительством.

16 апреля.

Посещение итальянским послом барона Шиллинга и более подробный разговор о Румынии и Швеции.

16 апреля.

Возвращение в Петроград румынского посланника и его разговор с Палеологом.

17 апреля.

Итальянский посол передал барону Шиллингу текст полученной им из Рима телеграммы короля итальянского на имя государя императора, которую ему поручено передать по высокому назначению тем способом, который он найдет наиболее удобным. Барон Шиллинг предложил послу передать его величеству, находящемуся на юге России, текст телеграммы во французском переводе с отправляемым каждый день фельдъегерем и, кроме того, для ускорения передать тот же текст по телеграфу, но в русском переводе, за неимением в походной канцелярии его величества французского шифра. Посол принял это предложение, причем вызвался доставить французский перевод телеграммы, прося однако считать итальянский текст официальным. На это барон Шиллинг возразил, что в таком случае официальный текст ответа должен будет быть на русском языке с приложенным французским переводом. Посол предпочел условиться считать для обеих телеграмм французский текст официальным и обещал прислать французский текст

[1]) Так в подлиннике, следует: «Тиссу».

телеграммы итальянского короля. Что касается содержания телеграммы по существу, то барон Шиллинг заметил, что, не считая себя в праве подвергать критике слова короля, он тем не менее не может скрыть, что первая часть телеграммы, содержащая любезные слова по поводу заключенного союза, ему нравится более, нежели вторая, в которой несколько много места уделено советам, как относиться к пожеланиям Румынии.

По этому поводу разговор перешел на вопрос о переговорах касательно присоединения Румынии к союзникам. Маркиз Карлотти уже успел повидать накануне г-на Диаманди [1]), от которого услышал о больших требованиях, выставляемых Румынией для своего вступления в борьбу. Вместе с тем итальянский посол сказал, что ему поручено его правительством поддержать румын в Петрограде и приложить все старания к тому, чтобы переговоры с русским правительством как можно скорее привели к заключению соглашения. Барон Шиллинг возразил, что, по его сведениям, Диаманди предупредил как французского, так и английского послов, что и они получат от своих правительств подобные же указания, но что как г-н Палеолог, так и сэр Дж. Бьюкенен разъяснили румынскому посланнику, что в качестве представителей союзных держав они в данном случае могут поддерживать лишь точку зрения России. Барон Шиллинг указал маркизу Карлотти на то, что именно такое отношение со стороны испытанных старых союзников было особенно оценено в Петрограде, и что поэтому он позволил бы себе обратить внимание на желательность, чтобы и новые союзники вдохновились этим примером, так как едва ли здесь произведет благоприятное впечатление, если Италия на другой же день по заключении с нами союза станет оказывать на нас какое-либо давление, чтобы побудить нас сделать уступки Румынии, несогласные с нашими интересами.

В то время как итальянский посол был еще у барона Шиллинга, вошел румынский посланник. После нескольких минут общего разговора маркиз Карлотти уехал, и Диаманди сразу заговорил о заключенном между Италией и союзниками в минувший понедельник соглашении. Видимо, он был застигнут этим врасплох и остался весьма недоволен тем, что, по его выражению (в его разговоре с итальянским послом), у него этим была выбита из рук хорошая карта. Относительно главного предмета возложенных на него ныне поручений он сказал только, что не считает удобным входить в подробное обсуждение отдельных пожеланий, которые Румыния выставляет условием своего присоединения к союзникам против Австрии, так как считает нужным прежде всего изложить эти условия самому министру иностранных дел. Он может лишь прибавить, что привез из Румынии самые лучшие вести, вполне подтверждающие его постоянный оптимизм насчет предстоящего выступления Румынии. По его словам, теперь все дело за Россией,

[1]) Диаманди К. — румынский посланник в Петербурге в 1913—1918 гг.

которая сама может указать любой срок для выступления Румынии, причем, если бы она назначила срок слишком отдаленный, Румыния сама потребует его сокращения. «Мне поручено, — сказал он, — только выхватить у вас (vous extorquer) еще несколько ружей и патронов».

19 апреля.

Утром возвращение С. Д. Сазонова в Петроград. Свидание днем с английским и французским послами и согласование мнений относительно Румынии.

Осведомившись о происходивших за последние дни между румынским посланником и здешними союзными послами, а также начальником канцелярии переговорах, министр признал, что привезенные Диаманди из Бухареста румынские требования являются сильно преувеличенными, а приданный румынским правительством этим требованиям ультимативный характер подает мало надежды на возможность соглашения.

При посещении министра английским и французским послами было решено просить союзные правительства оказать соответствующее воздействие в Бухаресте, а пока, не отвергая румынских предложений, постараться добиться существенного исправления первоначальных требований Братиано [1]).

20 апреля.

Посетив министра, румынский посланник начал с того, что ему поручено передать предложения своего правительства немедленно выступить против Австрии, если державы согласятся вперед признать за Румынией право на присоединение части Австро-Венгрии в пределах, указанных в письменной заметке, которую посланник при этом вручил министру. В общих чертах этими пределами являются: линия Прута в Буковине, граница между Галицией и Мармарош-сигетским комитатом, линия, идущая от Васарош-Намени приблизительно до Сегедина, а затем линии Тиссы и Дуная. Диаманди заявил, что, если державы согласятся на эти румынские пожелания, то от России будет зависеть указать самый день выступления Румынии, так как последняя не только готова, но считает в своих интересах необходимым возможно быстрое нанесение первого удара Австро-Венгрии. Он однако упомянул, что румынским войскам понадобится еще пополнение запасов патронов и ружей, которые в Бухаресте надеются получить от России [2]).

---

[1]) Братиано И. К. — председатель совета министров и военный министр Румынии в 1914—1918 гг.

[2]) О посещении Сазонова румынским посланником сообщалось в секр. тел. того же Сазонова за № 2038 от 21/IV 1915 г. на имя директора дипл. канцелярии: «Только сегодня я виделся впервые с вернувшимся сюда румынским посланником, который сказал мне, что Румыния готова в ближайшем времени выступить в союзе с нами против Австрии, если ей будут обеспечены по окончании войны известные земельные приращения. В отношении последних посланник так наметил пожелания Румынии: Буковину по Прут, всю Трансильванию, Банат по Тиссу, которая

С. Д. Сазонов не скрыл от посланника своего удивления по поводу необыкновенно широких притязаний Румынии и обратил внимание Диаманди на то, что России нельзя будет согласиться ни на линию Прута в Буковине, ни на предоставление Румынии всего Баната, ввиду необеспеченности в таком случае стратегического положения Белграда. Он напомнил посланнику, что уже с сентября месяца между Россией и Румынией существует соглашение, ставящее будущее распределение земель в зависимость от состава населения, и заявил, что, по его мнению, необходимо придерживаться и ныне этого начала.

Диаманди возразил, что соглашение 18 сентября [1]) имело в виду нейтралитет Румынии, между тем, как за военное содействие Румыния в праве получить нечто большее.

С. Д. Сазонов не согласился с этой точкой зрения, сказавши, что соглашение 18 сентября не обещало также Румынии военного содействия со стороны России, между тем, если теперь Румынии удастся увеличить свою территорию, то лишь при военном содействии России, которое также имеет свою цену.

Во избежание разрыва переговоров с первого же свидания, министр просил посланника доставить ему карту, на которой были бы намечены румынские требования, а тем временем сообщить Братиано сделанное им общее возражение, в надежде, что последний снабдит румынского посланника новыми указаниями.

24 апреля.

Посещение итальянским послом барона Шиллинга и разговор относительно испортившихся румыно-итальянских отношений. Диа-

---

служила бы границей от своего впадения в Дунай до Сегедина, откуда граница шла бы восточнее Добречина до слияния Сопоша с Тиссою, чтобы потом итти по нынешней границе, отделяющей Галицию от Венгрии и Буковины. Я сразу заявил Диаманди, что на этой почве соглашение невозможно и что я не допускаю даже и речи о границах в Буковине по Пруту и в Банате по Тиссе. Посланник обещал мне представить на-днях точную карту с обозначением румынских пожеланий. Несмотря на коренную разницу в наших взглядах на будущее разграничение, наш разговор носил вполне дружелюбный характер, и я не заметил в Диаманди той непримиримости, которую он, говорят, выказал в своих беседах с французским и английским послами».

[1]) Русско-румынское соглашение от 18/IX (1/X) 1914 г. зафиксировано последовавшим того же числа между Сазоновым и Диаманди обменом нот. В ноте Сазонова значилось: «Россия обязуется противиться всякому покушению против территориального status quo Румынии на протяжении ее теперешних границ. Она одновременно обязуется признать за Румынией право присоединить к себе те местности австро-венгерской монархии, которые населены румынами. В отношении Буковины принцип большинства населения должен составить основу территориального разграничения между Россией и Румынией. Это разграничение будет совершено после специальных исследований на месте, для чего между министерствами будет образована комиссия, которой будет дана инструкция, составленная в том примирительном духе, которым одушевлены оба правительства...»

В ответной ноте Диаманди заявлялось, что «Румыния со своей стороны обязуется хранить до того дня, в который она займет населенные румынами территории австро-венгерской монархии, дружественный нейтралитет по отношению к России.»

манди говорил маркизу Карлотти о возможном уходе Братиано в том случае, если Россия не примет условия, поставленные Румынией.

Одновременно свидание министра с французским и английским послом. Предложение Палеолога выработать условия, которые Россия и ее союзницы могли бы предложить Румынии с тем, чтобы, в случае, если Братиано, который, видимо, ведет дело к разрыву переговоров, постарался свалить вину в подобном исходе на неуступчивость России, можно было бы путем обнародования переговоров показать румынскому общественному мнению, что, если они окончились неудачно, то лишь благодаря тактике Братиано.

24 апреля.

После обеда у министра иностранных дел, за котором в числе других дипломатов был и румынский посланник, последний имел продолжительный разговор с С. Д. Сазоновым и старался вновь убедить его в справедливости румынских притязаний. Министр возражал и особенно обращал внимание Диаманди на опасность слишком резкой постановки вопроса, так как: «si Bratiano insiste que c'est á prendre ou á laisser, cela pourrait bien devenir précisement á laisser» [1]).

27 апреля.

Отъезд товарища министра А. А. Нератова в ставку верховного главнокомандующего.

Предъявленное румынским правительством требование в отношении земельных приращений столь значительно расходилось с пожеланиями, высказанными насчет будущей русско-румынской границы нашим военным ведомством, что министр счел полезным предварительно дальнейших переговоров по этому поводу еще раз сговориться с верховным главнокомандующим. С этой целью он решил отправить в ставку, для личного доклада и выяснения положения, начальника канцелярии, барона Шиллинга, но телеграмма, извещавшая об этом кн. Кудашева, скрестилась с телеграммой великого князя, лично приглашавшего министра самому приехать в ставку, и только в случае совершенной невозможности сделать это прислать вместо себя товарища министра Нератова [2]). Так как через день у министра был назначен очередной всеподданнейший доклад у государя императора, а дальнейшая отсрочка переговоров на ставке считалась нежелательной, С. Д. Сазонов поручил А. А. Нератову отправиться на другой же день к верховному главнокомандующему.

29 апреля.

Румынский посланник передал министру обещанную карту, на которой обозначены земельные притязания Румынии. Диаманди при

[1]) «Если Братиано будет настаивать на том, что надо или полностью принять его предложение или отвергнуть его, то очень возможно, что придется именно отвергнуть».

[2]) Имеются ввиду телеграммы Сазонова Кудашеву от 25/IV 1915 г. за № 2141 и вел. кн. Николая Николаевича Сазонову от того же числа за № 228.

этом сказал, что им до сих пор не получено от Братиано никаких новых указаний касательно возможных изменений изложенных ранее румынских требований. Министр обещал изучить карту, но не скрыл от посланника, что, так как нанесенная на ней линия для России очевидно неприемлема, он надеется, что Братиано найдет возможным ее пересмотреть. Он прибавил, что всякие переговоры по существу своему возможны лишь при обоюдных уступках: предъявление же требований в почти ультимативной форме, как это делает румынское правительство, оставляет мало надежды на возможность достигнуть соглашения.

Разговор был непродолжителен, и собеседники расстались холодно.

От министра румынский посланник отправился к итальянскому послу и сказал ему, что сегодняшнее свидание с С. Д. Сазоновым не привело ни к какому результату. Итальянский посол, повидимому, убеждал Диаманди в необходимости сойти с усвоенного им непримиримого положения и, путем сокращения своих требований, дать возможность русскому правительству, в свою очередь, пойти навстречу румынским пожеланиям.

Свидевшись вечером с бароном Шиллингом, маркиз Карлотти передал содержание своего разговора с Диаманди и, вместе с тем, сообщил полученную им телеграмму, согласно которой, по сведениям итальянского посла в Берлине, фон Ягов [1]) убеждал румынского посланника Бельдимана спешно отправиться в Вену для переговоров с австрийским правительством, которое, по словам германского статс-секретаря, будто бы готово заключить с Румынией соглашение на почве уступки Румынии Буковины и обязательства даровать Трансильвании автономию. Боллати [2]) уведомляет, что румынский посланник отказался от этого, сказавши, что не считает возможным достижение подобного соглашения.

Барон Шиллинг заметил, что, если бы Румыния, действительно, примкнула теперь к Германии и Австрии, и Братиано только для того предъявил неприемлемые требования, чтобы найти в нашем отказе удобный предлог для перехода на сторону наших противников, Россия никогда не простит Румынии подобного вероломства, и это неминуемо отразится на дальнейшей судьбе королевства.

Согласившись с этим, итальянский посол выразил сомнение, чтобы Румыния могла решиться на такой шаг, ибо она должна помнить, что, во всяком случае, она и впредь останется соседкой России, и потому для нее наиболее важно наладить хорошие отношения именно с последней.

Зная, что маркиз Карлотти передает Диаманди слышанное им в министерстве иностранных дел, барон Шиллинг счел полезным прибавить, что, в случае упомянутого поворота Румынии, Россия, разумеется, тотчас найдет способ прийти к соглашению с Болгарией, которая,

---

[1]) Статс-секретарь по иностранным делам Германии в 1913—1916 гг.

[2]) Итальянский посол в Берлине.

вероятно, не откажется воспользоваться создавшейся обстановкой для нападения на Румынию. Так как итальянский посол поставил вопрос, не согласится ли Румыния предварительно с Болгарией, барон Шиллинг продолжал, что не верит возможности такого соглашения, ибо Румыния ни в каком случае не может предложить Болгарии всего того, что могли бы дать последней Россия и ее союзницы, а именно: если Румыния и решилась бы отдать за нейтралитет Болгарии присоединенную в 1913 г. часть Добруджи, то за содействие России против Румынии Болгария несомненно могла бы рассчитывать на всю Добруджу с Констанцей, не говоря о других намеченных приращениях во Фракии и Македонии [1]).

29 апреля.

Вернувшийся со ставки товарищ министра Нератов сообщил, что, по всестороннем обсуждении вопроса о румынском выступлении с великим князем Николаем Николаевичем и начальником его штаба, при участии генерал-квартирмейстера Данилова, было признано возможным в значительной степени отступить от первоначальных предположений и согласиться на границу в Буковине по реке Сучаве, допуская даже возможность дальнейшей уступки вплоть до течения Серета. Что касается Баната, то великий князь вполне разделил мнение о невозможности уступок за счет сербов, которые могли бы создать опасное положение для их столицы. Итог принятых решений был запечатлен в памятной записке, врученной А. А. Нератову, а также нанесен на соответствующую карту [2]).

---

[1]) О происходивших в апреле 1915 г. переговорах союзников по вопросу о привлечении Болгарии на сторону согласия см. «Константинополь и проливы», изд. Литиздата НКИД, 1926. стр. 273—279. Обращение к Болгарии державами Согласия было сделано 16(29) мая 1915 г. Ответ Болгарии, составленный в уклончивых чертах, последовал лишь 2(15) июня 1915 г.

[2]) В Архиве Внешней Политики хранится машинописная копия составленной в ставке записки, датированной 28 апреля 1915 г. В ней, наряду с уступкою румынам в пользу сербов юго-западной части Баната, предусматривалось: «I Если нельзя выговорить будущую границу в Буковине по этнографическому рубежу между русским и румынским населениями, с оставлением за нами района Кирлибаба, то было бы желательно провести границу от г. Серета на г. Селетин и далее... до главного хребта Трансильванских Карпат. Таким образом первоначальная уступка делается нами в области стратегических интересов в силу современного политического и военного положения. II. При несогласии румын на предыдущую границу им может быть уступлен, сверх того, весь район между рр. Сучава и Бол. Серет до г. Селетин.

Эта уступка является крайней, при которой за нами сохраняется чисто русское население северной Буковины с ближайшими окрестностями Черновцов.

Было бы желательно означенные уступки делать не сразу, а, выговаривая, если это представится возможным, участки территории, с целью подойти ближе к наименьшему из указываемых здесь районов».

В конце цитированной записки имеется собственноручная приписка А. Нератова, в которой между прочим сказано: «... с своей стороны я должен отметить, что в своих объяснениях я указывал, что не усматриваю необходимости уступок в силу «политического» положения».

4 мая.

Посетивший министра иностранных дел итальянский посол прочел телеграмму итальянского посланника в Бухаресте, который, сходясь в этом отношении с Поклевским, выражал опасение, что русская памятная записка [1]) произведет дурное впечатление в Румынии, и потому советовал своему правительству убедить С. Д. Сазонова воспользоваться остающимися двумя днями до возвращения Братиано для того, чтобы остановить передачу означенной памятной записки и ограничиться простым заявлением о неприемлемости румынских притязаний. Сам маркиз Карлотти не разделял мнения барона Фашотти [2]) и только сообщил содержание его телеграммы, на настаивая на принятии изложенного в ней совета.

Вместе с тем Карлотти вновь высказал свои личные опасения насчет возможного соглашения между Румынией и Болгарией. Хотя у него и нет определенных данных, позволяющих судить об условиях, на которых могло бы состояться подобное соглашение, ему тем не менее внушает сильное подозрение недавняя поездка в Бухарест генерала Савова [3]).

Министр передал послу полученные им утром от французского и английского послов сведения о том, что согласно сообщению, сделанному генеральным секретарем итальянского министерства иностранных дел английскому и французскому послам в Риме, между Италией и Румынией существовало соглашение, в силу которого выступление обеих стран против Австро-Венгрии должно было состояться одновременно. Посол, в свою очередь, подтвердил это известие.

---

[1]) Телеграммою от 1/V 1915 г., за № 2231, Сазонов сообщал Поклевскому текст памятной записки, которую последний должен был передать румынскому правительству в ответ на сделанные им в Петрограде через Диаманди предложения.

В своей телеграмме Поклевскому от того же числа за № 2235, посвященной вопросу о русском ответе, Сазонов между прочим писал: «... Военное сотрудничество Румынии было бы, несомненно, встречено у нас с удовольствием, и я по-прежнему придаю значение налаживанию между Россией и Румынией прочных добрососедских отношений, но нельзя требовать, чтобы мы для этого пожертвовали своими соплеменниками и справедливыми чаяниями союзного нам сербского народа только потому, что Братиано вздумалось широко очертить вожделения Румынии, которая еще недавно и не мечтала о подобных приращениях. Образ действия Братиано начинает внушать подозрение, что он нарочно предъявляет заведомо неприемлемые требования, чтобы сделать соглашение с нами невозможным и уклониться от войны, свалив вину за неуспех переговоров на нас. Если это предположение подтвердится, нам не останется ничего другого, как огласить то, что мы были готовы предоставить Румынии, дабы общественное мнение страны решило, прав ли был Братиано, чрезмерной притязательностью оттолкнув державы и помешав осуществлению румынских народных пожеланий».

Русская памятная записка от 1/V 1915 г., переданная Поклевским Братиано, опубликована в сб. «Царская Россия в мировой войне», стр. 186—188.

[2]) Бар. Фашотти, К. — итальянский посланник в Бухаресте в 1911—1919 гг.

[3]) Савов, М. — генерал болгарской службы, во время 2-й балканской войны (1912—1913 г.) — главнокомандующий болгарскими силами.

Вечером того же дня маркиз Карлотти, встретившись в клубе с бароном Шиллингом, рассказал, что его перед самым обедом посетил румынский посланник, весьма недовольный оборотом, который приняли переговоры с державами касательно выступления Румынии. Диаманди жаловался на то, что ответная нота дает повод думать, что предложение союза исходило от Румынии, тогда как на самом деле у него, Диаманди, есть доказательства, что уже с июля месяца Россия сама призывала Румынию к общим действиям против Австро-Венгрии. Затем, решительно отвергая возможность для Румынии согласиться на предложенные ныне Россией границы, Диаманди говорил, что, по его мнению, главное было бы вызвать скорейшее выступление Румынии. «Au lieu de cela on fait maintenant de la litterature diplomatique et le temps passe». [1])

Карлотти сознался, что в этих последних словах, как ему показалось, звучала некоторая досада на промедление — из-за опасения Диаманди, как бы, если не удастся добиться от России желаемого теперь, что [2]) австро-германцы подступили под самый Перемышль, то впоследствии, в случае улучшения военного положения, Россия тем менее согласится на нынешние румынские притязания. Диаманди сетовал также, по словам Карлотти, на создавшуюся дипломатическую обстановку, при которой Франция и Англия, вместо того, чтобы поддержать Румынию, тесно сплотились с Россией, благодаря чему Румынии приходится чувствовать свою зависимость от воли трех великих держав.

Вообще румынский посланник казался попеременно то весьма раздраженным, то разочарованным и упавшим духом. Маркиз Карлотти старался доказать своему собеседнику необходимость считаться с условиями времени и удовольствоваться достижимым. Он подчеркивал то обстоятельство, что ответ С. Д. Сазонова на румынские притязания открывает дверь дальнейшим переговорам, а потому советовал Диаманди не обострять положения, а, напротив того, убедить Братиано добровольно пойти на неизбежные уступки.

На вопрос барона Шиллинга, какие у него имеются сведения о заключенном будто бы между Румынией и Италией соглашении касательно совместного выступления, маркиз Карлотти ответил, что он на этот счет весьма мало осведомлен. В одной из своих телеграмм к нему Соннино ссылался на подобное соглашение, будто бы заключенное еще в сентябре минувшего года, но ни словом не обмолвился о содержании соглашения. С другой стороны, Диаманди однажды сказал маркизу Карлотти, что, по его сведениям, румынское и итальянское правительства согласились в минувшем ноябре по возможности приурочить возможное выступление против Австро-Венгрии к одному сроку и обязались, во всяком случае, взаимно уведомить друг друга о предстоящем своем выступлении не позже, как за 5 дней до последнего.

[1]) «Вместо этого занимаются писанием дипломатических бумаг, а время идет».

[2]) Так в подлиннике.

5 мая.

Не имев возможности лично видеть министра, бельгийский посланник посетил барона Шиллинга, чтобы сделать предписанное ему заявление приблизительно в следующих выражениях: «По сведениям бельгийского представителя в Бухаресте, державы Тройственного Согласия не расположены удовлетворить пожелания Румынии, выполнением коих последняя обусловливает свое выступление против Австро-Венгрии. Бельгия, бескорыстно несущая все тяготы нынешней войны и наиболее страдающая от таковой, придает большую цену всему, что могло бы содействовать успеху союзников в их общем деле. Поэтому она позволяет себе выразить надежду, что императорское правительство найдет возможным отнестись, по возможности, благосклонно к пожеланиям Румынии в видах привлечения ее к общим действиям с союзниками».

Передавая выше изложенное, граф Бюиссерэ казался весьма смущенным и счел нужным извиниться, что, по поручению своего правительства, позволил себе давать непрошенные советы, быть может, особенно неуместные ввиду того, что они исходят от маленького государства и обращены к России.

Ввиду существующего к Бельгии всеобщего расположения и уважения, заслуженного выказанною ею доблестью, барон Шиллинг нашел нужным успокоить графа Бюиссерэ насчет впечатления, которое должно произвести на нас его выступление. Барон Шиллинг сказал ему, что в данном случае разница в объеме государств не имеет значения, и что подобно тому, как мы уверены в искреннем дружелюбии, подсказавшем Бельгии сделанное посланником заявление, так и он может быть уверен, что мы столь же дружелюбно принимаем его слова. По существу вопроса барон Шиллинг может от имени министра заявить ему для передачи бельгийскому правительству, что Россия, вполне сознавая необходимость сделать все возможное для подкрепления положения союзников, не теряет из виду значения содействия, которое может представить Румыния. С целью заручиться последним, Россия готова самым внимательным образом отнестись к румынским пожеланиям, под условием, чтобы последние не шли вразрез с лежащими на России обязательствами по отношению к русскому населению Австро-Венгрии и к неоспоримым правам давнишней и доблестной союзницы держав Согласия — Сербии.

Около 6-ти часов вечера французский посол попросил министра его принять и, приехав к С. Д. Сазонову, прочел ему полученную им телеграмму, в которой Делькассе, ссылаясь на вероятие отказа Братиано принять намеченную в русском контр-предложении границу, спрашивал, не согласится ли Россия сделать дальнейшую уступку, допустив, чтобы в Буковине границей послужила река Серет, а в Банате Румыния получила Торонтальский уезд. Палеолог приложил все старания, чтобы убедить министра согласиться на это предложение. С. Д. Сазонов обещал дать ответ лишь на следующее утро.

6 мая.

Утром министр дал знать французскому послу, что он в общем принимает предложения Делькассе, под условием, чтобы почин соответственного видоизменения границы исходил от румынского правительства и чтобы Румыния выступила одновременно с Италией, т. е. не позднее 13(26) мая. При дальнейшем обсуждении сделанных Палеологом предложений выяснилось, что в ответ министра едва не вкралось недоразумение из-за того, что французский посол говорил о Торонтальском уезде, между тем, как в представлении С. Д. Сазонова речь могла идти лишь о северо-восточной части названного комитата. Во избежание недоразумений в переговорах с Румынией по этому поводу было решено спешно оговорить, что обещаемая С. Д. Сазоновым уступка может коснуться лишь означенной части комитата. Равным образом, было установлено, что в Буковине пограничная линия должна пойти от истоков Серета до Надбании в Мармарошском комитате не по прямой линии, а по линии, указанной в русской памятной записке от 1 мая [1]).

Уже около 7-ми часов вечера к барону Шиллингу приехали итальянский посол вместе с итальянским военным агентом полковником Ронполо, которые сообщили, что последний получил разрешение подписать военное соглашение. Ронполо уже успел переговорить по прямому телеграфному проводу с генералом Янушкевичем. (Содержание беседы сообщено кн. Кудашевым при письме от 7 мая) [2]).

Посол обсуждал с бароном Шиллингом вопрос, в какой форме ему следовало бы сделать заявление Спалайковичу, согласно пожеланию великого князя, о том, что хотя Италия и не принимает на себя формального обязательства доставить продовольствие, однако сделает все от нее зависящее для удовлетворения в этом отношении нужд сербской армии. Было решено, что посол испросит по этому поводу указаний из Рима.

---

[1]) В телеграмме от 6/V 1915 г., за № 2320, Сазонов сообщал Поклевскому: «По поручению Делькассе французский посол спросил меня, нельзя ли найти среднее решение между крайними требованиями Румынии и моим ответным предложением. При этом Палеолог указал на линию Серета в Буковине и на возможность уступки румынам северо-восточной [в отпуске «северо-восточной» — надписано сверху рукою составителя текста телеграммы, бар. Шиллинга] части Торонтальского округа в Банате. Я ответил, что после моих недавних предложений слово теперь за Братиано, но что, если последний сделает мне новое предложение в намеченном смысле, я готов буду вновь доказать нашу сговорчивость и принять примирительное решение на указанной почве...» В телеграмме от 6/V 1915 г., за № 2321, сообщая Извольскому о своем разговоре с Палеологом, Сазонов отмечал, что, поскольку русское правительство приняло примирительное предложение Делькассе, он со своей стороны надеется на то, что французы облегчат положение русской армии в Галиции усилением начатого ими наступления на их восточной границе (см. «Царская Россия», стр. 190). По поводу переговоров с Румынией в рассматриваемое время см. также Дж. Бьюкенен «Мемуары дипломата», Гиз, стр. 132—133.

[2]) Письмо Кудашева от 7/V 1915 г. см. «Красный Архив», т. XXVII, стр. 20—21. Запись разговора по прямому проводу Ронполо с Янушкевичем в деле отсутствует.

12 мая.

Английский посол сообщил министру, что, согласно полученной им телеграмме, влиятельный венгерец явился на-днях к великобританскому послу в Риме и старался от него узнать, согласились ли бы Англия, Франция и Россия заключить отдельное соглашение с Венгрией на почве отделения последней от Австрии и Германии взамен обеспечения ей державами ее нынешних владений. Сэру Д. Бьюкенену было поручено Грэем осведомиться о точке зрения императорского правительства на этот счет.

С. Д. Сазонов высказал мнение о необходимости отнестись крайне осторожно к означенному предложению, так как, если даже оно и оказалось бы серьезным, следовало бы принять во внимание возможные последствия подобного соглашения, а именно, есть известная опасность, что в таком случае Румыния, против которой главным образом было бы направлено соглашение с Венгрией, немедленно перейдет на сторону Германии и Австрии, и, таким образом, прежде всего, России пришлось бы испытать существенное неудобство от появления нового противника на своей границе, тогда как отложение Венгрии от своих нынешних союзниц не даст достаточно осязательных результатов [1]).

[1]) Переговоры на тему о возможности заключения сепаратного мира с Венгрией Бьюкенен вел с Сазоновым еще в январе 1915 г. В памятной записке, переданной Сазонову английским послом 8(21) января 1915 г., читаем: «Сэр Эдуард Грэй поручил послу его величества довести до сведения г. Сазонова, что выдающийся член венгерской оппозиционной партии, говоря якобы от имени своих коллег, дал понять правительству его величества, что возможно заключение сепаратного мира с Венгрией. Страх перед угрозою вступления Румынии в войну на стороне союзников побудил, повидимому, вышеуказанное лицо сделать эти заявления. — Предполагалось, что Венгрия объявляет себя независимой от Австрии, сохраняя с ней только личную унию, и заключает мир с союзниками на основе неприкосновенности ее границ. — Буковину предполагалось передать в качестве компенсации Румынии. — По мнению сэра Грэя, этот проект несовместим с надеждами Румынии, вызванными данными ей обещаниями. — Поэтому сэр Грэй предполагает ответить в том смысле, что определение степени зависимости Венгрии — вопрос, ее внутренней политики, и венгерский народ должен сам согласно своим интересам решить его. Однако прежде чем ответить, сэр Грэй был бы рад узнать, совпадает ли взгляд Сазонова на этот вопрос с его взглядом». (Перев. с английского сдел. в Архиве Вн. Пол.)

В памятной записке, врученной Бьюкенену Сазоновым 10(23) января 1915 г., значится: «Ознакомившись с памятной запиской, в которой его превосходительство английский посол любезно сообщает ему о представлениях, сделанных в Англии членом венгерской оппозиции, г. Сазонов думает, что было бы трудно найти реальную основу для соглашения между державами Тройственного Согласия и Венгрией с целью отделения этой последней от Австрии и заключения с нею сепаратного мира. В самом деле, казалось бы, Венгрия заинтересована была бы в заключении подобного соглашения лишь поскольку оно гарантировало бы ей неприкосновенность ее территории. А этого-то как раз державы Согласия и не могли бы ей предложить как вследствие обещаний, данных Румынии, на что указывает сэр Э. Грэй, так и вследствие необходимости для России считаться с национальными стремлениями славян, в данное время подвластных Венгрии. — Министр

Румынский посланник просил приема у министра, но последний, будучи принужден ехать в Совет Министров, ответил, что примет посланника лишь на другой день. Тем не менее, заехав после Совета Министров, уже в седьмом часу, к итальянскому послу, как к новому союзнику, и встретившись у него с румынским посланником, С. Д. Сазонов пригласил г. Диаманди, несмотря на позднее уже время, приехать к нему в тот же день, что Диаманди и сделал. Румынский посланник передал министру маленькую записку, в которой указывалось на согласие Братиано: 1) уступить Болгарии часть Добруджи по линию Добрич — Бальчик, 2) обязаться не укреплять местности в Банате против Белграда и 3) отказаться от притязаний на течение Верхней Тиссы выше впадения в Виссу.

С. Д. Сазонов обратил внимание посланника на крайнюю ничтожность делаемых Братиано уступок и на опасность для Румынии усвоенной ее первым министром несговорчивости. Он напомнил Диаманди, что только в союзе с Россиею, Францией и Англией Румыния может надеяться на получение Трансильвании, и выразил сожаление, что переговоры, которые могли привести к наилучшим результатам, имеющим важное значение и для будущего, ныне приняли столь неблагоприятный оборот благодаря тем способам их ведения, которые применяет Братиано. Чтобы не порывать сейчас же означенные переговоры министр сказал, что сообщит, на всякий случай, содержание записки верховному главнокомандующему и доложит об ней государю императору.

15 мая.

В числе прочитанных в этот день итальянским послом барону Шиллингу телеграмм из Рима была одна, исходившая от итальянского посланника в Бухаресте, в которой г. Фашотти высказывал мысль, что поспешное сообщение французского посланника о могущих быть сделанных Россиею новых уступках, прежде чем румынское правительство успело ответить на русскую ноту 1(14) мая, явилось тактической ошибкой, укрепив румын в убеждении, что, упорствуя в своей непримиримости, они могут добиться еще дальнейших уступок. Поэтому, по мнению Фашотти, в настоящее время наилучшей тактикой со стороны держав было бы намеренное выказывание полного равнодушия к вопросу о выступлении Румынии.

иностранных дел полагает, однако, что не следовало бы слишком сильно охлаждать попытки к сближению, проявляющиеся в Венгрии, так как попытки эти могут оказать благодетельное действие на нерешительность нейтральных держав. Г. Сазонов думает поэтому, что было бы желательно передать представителю венгерской оппозиции, что державы Согласия благожелательно относятся к стремлению венгерского народа к независимости и что, если бы ему удалось провозгласить себя независимым, они выслушали бы с доброжелательством те представления, которые им сделало бы Будапештское правительство». (Перев. с франц., сдел. в Архиве Вн. Пол.)

20 мая.

За отсутствием министра, французский и английский послы посетили барона Шиллинга, причем г. Палеолог передал содержание своего разговора накануне с румынским посланником. Повидимому, г. Диаманди выказывал некоторую нервность ввиду того, что державы как будто воздерживаются от дальнейших переговоров с Румынией. Он особенно сетовал, по словам французского посла, на Англию, говоря, что она поддерживает в русских несговорчивость и слишком близко принимает к сердцу интересы сербов в Банате.

Английский посол, в свою очередь, сообщил, что накануне у него также был румынский посланник, который в разговоре с ним сильно бранил Францию, обвиняя ее в неудачном для румын обороте ведущихся переговоров.

Обоих послов Диаманди старался уверить, что, в случае принятия румынских требований, Румыния выступит «немедленно».

По этому поводу барон Шиллинг высказал сомнение в основательности утверждения румынского посланника. Барону Шиллингу, наоборот, представляется, что румыны стремятся только заручиться нашим согласием на удовлетворение их требований с тем, чтобы потом, под всякими предлогами, отсрочить свое выступление. По всем вероятиям, они начнут с того, что, по заключении политического соглашения, потребуют предварительного соглашения военного, причем как присылка румынского уполномоченного в ставку, так и ведение там переговоров и, наконец, вопрос о пополнении боевых припасов даст им целый ряд удобных предлогов для затягивания дела, на которое потребуется не менее нескольких недель.

21 мая.

Ввиду настояний союзных послов, указывавших на желательность дать Румынии какой-нибудь ответ на переданную посланником Диаманди записку, чтобы отнять у Братиано возможность утверждать, что переговоры прерваны Россиею, министр иностранных дел решил вручить румынскому посланнику ответную памятную записку с указанием на недостаточность предложенных Румынией уступок в области Верхней Тиссы и с намеком на возможность дальнейших уступок с нашей стороны, если румыны обнаружат намерение действительно вести серьезные переговоры. Для передачи таковой памятной записки министр вызвал Диаманди, разговор с которым, впрочем, был весьма кратковременным и не внес ничего нового в переговоры.

В тот же день барон Шиллинг высказал итальянскому послу те же предположения насчет срока выступления Румынии, как накануне французскому и английскому послам.

23 мая.

После торжественного заседания, устроенного русско-итальянской торговой палатой по случаю присоединения Италии к союзникам, маркиз Карлотти заехал к барону Шиллингу и прочел довольно инте-

ресную телеграмму итальянского посланника в Бухаресте, рисующую общую картину нынешнего политического положения в Румынии. По словам барона Фашотти, политические партии, по своему отношению к войне, распределяются следующим образом: за выступление Румынии против России на стороне Австро-Германии — незначительная кучка консерваторов, с Карпом [1]) во главе, которая однако по своей малочисленности не имеет никакого значения. За выступление на стороне России против Австро-Германии — консерваторы-демократы под руководством Таке-Ионеско [2]). К ним примыкает группа консерваторов, последователей Филипеско [3]), а в последнее время также и часть либеральной партии, объединившаяся вокруг Ивана Лаговари. За невмешательство в настоящую войну — остальная часть либералов, оставшаяся верной Маргиломану [4]). Наконец правительственная партия, подчиняющаяся руководству Братиано и хотя и высказывающаяся за войну против Австро-Венгрии, при известных условиях и в известную минуту, однако, в душе поддерживающая политику невмешательства. Повидимому, даже и среди кабинета есть министры — сторонники войны, но Фашотти уверен, что Братиано останется хозяином положения, главным образом потому, что почти все румынские государственные и общественные деятели погрязли в темных денежных делах, которые хорошо известны Братиано, имеющему возможность благодаря этому держать их в своих руках. Фашотти утверждает, что даже Костинеско, если не сам, то вследствие причастности к подобным делам его многочисленных родственников, находится в известной зависимости от Братиано.

26 мая.

Личный доклад министра в Царском Селе, на котором последовало высочайшее соизволение, ввиду данного верховным главнокомандующим отзыва о желательности скорейшего привлечения Румынии на нашу сторону, сделать еще новые уступки румынским требованиям.

27 мая.

Итальянский посол, по поручению своего правительства, настоятельно просил министра пойти на дальнейшие уступки Румынии ввиду первостепенного значения, которое придается выступлению последней Италией.

---

[1]) П. Карп — один из лидеров германофильской части консервативной партии Румынии; был председателем совета министров в 1900—1901 и 1911—1912 гг.

[2]) Таке-Ионеско — бывший нац.-либерал, впоследствии консерватор, антантофил; был министром вн. дел в кабинете Майореско 1912—1914 гг., министром ин. дел в кабинете Братиано в 1916—1918 гг.

[3]) Н. Филипеско — консерватор, антантофил, министр землед., торг. и госуд. имущ. в кабинете Карпа в 1900—1901 гг., министр вероисповед. в кабинете Карпа в 1912 г.

[4]) А. Маргиломан — бывш. нац.-либерал, впоследствии один из лидеров консервативной партии, сторонник германской ориентации; мин-р ин. дел в 1900—1901 гг., мин-р внутр. дел в 1911—1912 гг., мин-р финансов в 1912—1913 гг.

2 июня.

В субботу 30 мая великая княгиня Мария Павловна по телефону сказала барону Шиллингу, что ею получено для пересылки румынской королеве ответное письмо государя императора. Так как еженедельное отправление казенной почты из министерства иностранных дел в миссию в Бухаресте уже состоялось как раз накануне, великая княгиня спрашивала, каким образом поступить, чтобы письмо не слишком долго задержалось и, вместе с тем, могло быть отправлено без того, чтобы на таковое отправление было обращено внимание. По обсуждении этого вопроса, было решено отправить означенное письмо обычным казенным пакетом, но не дожидаясь следующей пятницы. Письмо государя императора, вложенное в письмо великой княгини на имя королевы, было вслед за тем доставлено барону Шиллингу и отправлено в Бухарест, как было условлено, в понедельник 1 июня.

На докладе 2 июня государь император прочел министру черновой набросок своего письма, которое было составлено в дружественных выражениях и, не входя в подробное обсуждение вопроса, указывало в общих чертах на желание достигнуть соглашения с Румынией при условии необходимого ограждения и законных русских интересов [1]).

12 июня.

По окончании обычного заседания Совета Министров, все министры были около 6-ти часов предупреждены по телефону о полученном председателем Совета Министров высочайшем повелении всем членам Совета явиться на ставку верховного главнокомандующего, где имел свое пребывание государь император и куда все министры, за исключением отсутствовавших из Петрограда морского министра и министра юстиции, выехали в тот же вечер.

13 июня.

За отсутствием министра, французский посол посетил барона Шиллинга, у которого встретился с итальянским послом. Оба посла, ознакомившись с содержанием данного русскому посланнику в Бухаресте ответа Братиано [2]), высказали сомнение, чтобы их правительства

---

[1]) В деле: «Вопрос о выступлении Румынии. Телеграммы и общая переписка», (секр. арх. министра, инв. № 130/476) хранится черновой отпуск письма министра от 1/VI 1915 г. № 480 на имя Поклевского (писанный рукою бар. Шиллинга); в тексте отпуска говорится о препровождении через Поклевского писем царя и вел. кн. Марии Павловны к румынской королеве.

[2]) Ответ Братиано на переданное ему 10/VI 1915 г. русское предложение был записан с его слов Поклевским и послан в министерство ин. дел телеграммой от 12(25) VI 1915 г. за № 356. В передаче Поклевского ответ этот носил следующую редакцию: «Я счастлив был узнать, что императорское правительство склонно признать Прут на всем его протяжении будущей границей между Россией и Румынией. Если же, как я надеюсь, удастся войти в соглашение и по другим пунктам, то и Румыния ограничит свои требования в Мармароше руслом Тиссы, начиная с ее

согласились доставить боевые припасы в Румынию еще до выступления последней.

Ввиду новых сетований итальянского посла на бездействие сербского войска, барон Шиллинг не скрыл от маркиза Карлотти, что, по мнению нашего поверенного в делах в Нише, одной из главных причин усвоенного ныне Сербией образа действий является растущее недоверие последней к намерениям Италии. Французский посол присоединился к барону Шиллингу, чтобы указать итальянскому послу на желательность осведомить сербов в том, чего они могут ожидать от держав на основании заключенного с Италией соглашения относительно Адриатического побережья, а также разъяснить ей судьбу Албанских земель согласно тому же договору с Италией.

Английский посол передал барону Шиллингу памятную записку с новым предложением Великобританского правительства касательно ответа держав Болгарии.

14 июня.

Бельгийский посланник сообщил товарищу министра Нератову, что его правительство обеспокоено слухами о намерении Франции по окончании войны присоединить к себе Люксембургское герцогство. Хотя президент республики г. Пуанкарэ сказал однажды бельгийскому посланнику в Париже, что он признает давнишние права Бельгии на это герцогство, оторванное от нее в 1839 г., тем не менее во многих влиятельных французских кругах, повидимому, поддерживается мысль о присоединении Люксембурга к Франции. Бельгийское правительство надеется, что когда настанет время для обсуждения этого вопроса, оно найдет в России поддержку своим домогательствам.

истоков. Для выправления же выступа Галиции, вдающегося в будущую Румынию, я надеюсь, что Россия допускает возможность того, чтобы горы этого выступа, почти лишенные населения, отошли бы к Румынии. — Мне думается, что важные уступки в Мармароше должны еще более ускорить наше соглашение относительно наших требований в Банате, где мы считаем важным получить границы по Тиссе и Дунаю. Чтобы облегчить заключение этого соглашения, мы уже предусматриваем возможность переуступки Добрича и Бальчика, сокращение до минимума, требуемого полицейскими соображениями, численности гарнизона в районе, который может представлять интерес для обороны столицы Сербии, а также и нашу готовность отказаться от возведения военных укреплений в этой местности. Мы выработаем условия, облегчающие сербам Баната выкуп земель, если в Петрограде думают, что это желательно Сербии. — Моя твердая уверенность в том, что соглашение будет заключено в ближайшее время, более чем когда-либо создает для меня особенную важность учета военной обстановки при составлении военной конвенции. Но то, что происходит как во Франции, так и в Италии с поставкой нашей армии военных снаряжений, вопреки точным условиям существующих контрактов, имеет такое важное значение, что принуждает меня настаивать на необходимости теперь же постановить, чтобы все военные припасы по контрактам, сроки которых уже истекли, были бы доставлены нам на румынскую территорию в течение времени, необходимого исключительно для их перевозки». (Перевод с франц., сдел. в Архиве Ин. Пол.)

17 июня.

Бельгийский посланник сделал министру те же заявления относительно Люксембурга, которые были им уже сделаны гофмейстеру Нератову 14 июня. Министр ответил, что сочувственное отношение России к Бельгии общеизвестно, что же касается отдельного вопроса о Люксембурге, то таковой ближе всего касается Франции и Англии, а потому бельгийскому правительству следовало бы прежде всего переговорить об этом в Париже и Лондоне.

9 июля

Встретившись на набережной с великобританским послом, барон Шиллинг совершил с ним прогулку, во время которой сэр Дж. Бьюкенен весьма доверительно сообщил, что, по словам прибывшего накануне из Англии офицера, пользующегося доверием Китченера [1]), последний весьма озабочен создавшимся положением. А именно, на западном фронте противники до такой степени укрепились, что мало надежды на возможность для которого бы из них [2]) прорвать линию укреплений и достигнуть решительного успеха. На восточном фронте обнаружившийся недостаток снабжения русской армии также не позволяет надеяться на возможность решительного наступления в близком будущем. Такое положение внушает Китченеру мысль о необходимости изыскания совершенно новых средств сдвинуть военные действия с мертвой точки, и ему, повидимому, кажется, что можно было бы попытаться нанести Австро-Германии удар с юго-востока, если бы удалось перекинуть хотя бы к весне сильную английскую армию либо через Дарданеллы, либо через Грецию и Сербию в Венгрию. Этот проект, конечно, требует еще подробной разработки и, вообще, является пока лишь простым предположением, осуществимость которого еще не выяснена.

Разговор коснулся также положения дел в Румынии, причем посол указывал на необходимость заключить с последней политическое и военное соглашение, не останавливаясь для этого ни перед какими жертвами, так как только этим путем можно обеспечить себя от провоза военной контрабанды через Румынию в Турцию. По этому поводу барон Шиллинг высказал послу свой взгляд, совершенно расходящийся с выраженной им надеждой. По мнению барона Шиллинга, пока мы еще ведем лишь переговоры о соглашении с Румынией, Братиано, может быть, будет стараться пропускать возможно меньше военной контрабанды из опасения рассердить державы Четверного Согласия и заставить их порвать переговоры, если они увидят, что Турция снабжается припасами через Румынию. Напротив того, как только будет подписано соглашение с державами Согласия, Братиано будет, очевидно, дрожать, как бы Германия не узнала о таковом соглашении и не предупредила выступления Румынии нападением на нее; поэтому

---

[1]) Военный министр в кабинете Асквита (VIII 1914 г. — VI 1916 г.).

[2]) Так в подлиннике.

он естественно будет стремиться успокоить Германию и дать ей заверение в том, что никакого соглашения между Румынией и державами Согласия не существует; а какие же лучшие доказательства мог бы он дать Германии в подтверждение своих заверений, как не разрешение свободно провозить военные припасы в Турцию? Это тем более вероятно, что, с одной стороны, Братиано мог бы при этом надеяться, что державы Согласия все равно не разорвут раз подписанного соглашения, а с другой стороны Румыния вовсе не заинтересована в утверждении союзников и, следовательно, России на проливах, а потому ей нет основания препятствовать провозу в Турцию боевых припасов, которые этим самым уходили бы с того именно фронта, на котором ей самой придется сражаться.

9 июля.

По ходатайству датского и норвежского посланников государь император принял датчанина Андерсена и норвежца Эйде (Eyde). Последний явился к его величеству с письмом от короля Гаакона, чтобы просить государя личным воздействием облегчить осуществление крупного предприятия, которое желала бы основать в России группа норвежцев, а именно: создания на порогах реки Выга разных заводов. Таким образом этот прием не имел, в сущности, политического значения.

Андерсен, напротив, принес лишь несколько строк от датского короля с просьбой выслушать устный доклад подателя письма. Андерсен давно лично известен государю, будучи в близких отношениях ко всему датскому королевскому дому. Он также лично знаком императору Вильгельму, а в прежнее время даже считался сторонником Германии.

Как государь об этом говорил впоследствии С. Д. Сазонову, Андерсен рассказал его величеству, что он недавно посетил Германию, где был принят императором Вильгельмом и виделся неоднократно с гг. Бетман-Гольвегом и фон-Яговым. По его словам, в Германии не замечается недостатка съестных припасов и других предметов первой необходимости, но сильно развитая и раньше система кредита достигла ныне крайнего напряжения, грозя большими осложнениями. По настроению своему, немцы делятся, повидимому, на два разряда: одни следуют примеру императора, находящегося под сильным влиянием адмирала Тирпица, опьянены военными успехами последних месяцев и, не сознавая опасности для внутреннего экономического положения Германии, полны надежд на неограниченное торжество последней. Другие, к которым принадлежат Бетман-Гольвег, Ягов и еще некоторые благоразумные представители правительства, весьма озабочены развитием событий и опасаются, что Германия не выдержит настоящего крайнего напряжения. Они поэтому стоят за скорейшее заключение мира, причем между ними существует лишь некоторая разница в том, что одни, и притом большинство, мечтают о заключе-

нии отдельного мира с Россией, а другие находят более выгодным сойтись с Великобританией. Все, повидимому, сходятся в одном, а именно, что считают опасной для Германии новую зимнюю кампанию [1]).

12 июля.

Утром английский посол говорил с бароном Шиллингом по телефону о только что полученном из Бухареста ответе Братиано на поставленный ему Поклевским вопрос, согласится ли он определить срок выступления Румынии, если бы державы исполнили все его требования. Бьюкенен смеясь сказал, что ответ этот может быть назван «вполне удовлетворительным» с точки зрения Румынии, так как последняя, соглашаясь все приобрести, отказывается принять на себя какие бы то ни было обязательства. Считая, что подобный ответ едва ли заслуживает внимания со стороны держав, посол сказал, что, по его мнению, единственное, что остается ему сделать, это воспользоваться воскресным днем, чтобы уехать на подгороднюю свою дачу.

Через час после этого разговора к барону Шиллингу приехал французский посол. Он еще не имел текста ответа Братиано, но уже получил из Парижа телеграмму, выражавшую мнение, что, несмотря на неудовлетворительность означенного ответа, державам следовало бы поспешить заключением политического соглашения с Румынией, хотя бы и без определения срока ее выступления. Г-н Палеолог всецело проникся этим мнением и горячо высказывался в означенном смысле.

В тот же день барона Шиллинга посетил и итальянский посол, который лишь от барона Шиллинга узнал содержание ответа Братиано. Прочитав полученную из Бухареста телеграмму, маркиз Карлотти был крайне возмущен и, вскочив со своего места, воскликнул, что, по его мнению, Братиано после этого заслуживает от держав лишь одного ответа — «Un coup de pied dans le bon endroit» [2]).

13 июля.

13 июля румынский посланник посетил министра и передал ему памятную записку, заключавшую в себе ответ Братиано на запрос

[1]) Около того же времени, 7(20) VII 1915 г., в секр. телеграмме за № 234 Неклюдов сообщал о приезде из Берлина в Стокгольм директора Deutsche Bank Монкевица. «В разговоре с одним русским, коему очевидно поручено было мне это передать, — писал Неклюдов, — директор упомянутого банка высказал горячее желание берлинских правительственных кругов добиваться отдельного мира с Россией. Во всей Германии чувствуется-де бесцельность борьбы с восточной соседкой, против которой якобы не питают никакой злобы; Германия готова была бы предложить России для замирения то, что издавна составляло историческую нашу цель, а именно Константинополь и проливы, вознаградить Турцию Египтом, кроме того можно было бы разграничиться удобнее, отдав Германии восточную часть... [пропуск в подлиннике], а России часть Восточной Галиции»... (Секр. Архив, папка «Мир. VIII», инв. № 708. См. также сб. «Константинополь и проливы», т. II, стр. 375.)

[2]) «Вытолкать в шею».

Поклевского [1]). С. Д. Сазонов ограничился лишь немногими общими словами, указав на затруднительность для держав делать крайние уступки Румынии без соответствующего обеспечения ее выступления в определенный срок, но не вступал в более подробное обсуждение вопроса, не желая напрасно придавать своему разговору с г-ном Диаманди неприятный оборот.

От министра румынский посланник зашел к барону Шиллингу. Это посещение было первым после почти трехмесячного перерыва, что побудило г-на Диаманди начать со слов: «Je reviens chez vous en enfant prodigue, espérant que vous me ferez le même accueil qu'autrefois d'autant plus que je viens reprendre ma place accoutumée dans ce salon

---

[1]) Памятная записка, переданная посланником Сазонову 13(26) VII 1915 г., гласила: «Решение императорского правительства и его союзников по вопросу об определении границ в том виде, как оно было формулировано 12(25) июня, вызвало здесь живейшее удовлетворение. Будьте добры передать г. Сазонову мою особую благодарность за неизменное его расположение к Румынии. — Политическое соглашение, которое Румыния готова заключить, прекратило бы всякие пререкания по этому поводу, и предполагает, что Румыния обязана оказывать военное содействие союзным армиям. Это последнее обязательство мы оговорим в акте, который определит условия политического соглашения между нами и союзниками. — Для того, чтобы не создалось какого-либо недоразумения относительно времени нашего выступления, я, — позволяю себе это напомнить, — еще 5 июля определенно указал г. Поклевскому, что точное определение этого времени вытекает из обстановки, в которой должно проявиться это содействие, и предполагает наличие предварительного соглашения с союзными державами как относительно военных действий, так и относительно военного снаряжения, — Франция пропустила часть этого последнего. Промедление в передаче военного снаряжения, вопреки точным условиям контрактов, продолжает сохранять угрожающие размеры. С другой стороны, и положение на театре военных действий изменилось с начала прошлого месяца. Тождественны ли нынешние условия, при которых Румынии приходится вступать в войну с теми, о которых шла речь раньше? Если бы сейчас было установлено, что военное положение враждебных сил таково, что позволило бы им всей своей массой обрушиться на нас в самый момент нашей мобилизации, то г. Сазонов не может не признать, что Румыния должна была бы стараться избежать такого рискованного и, к тому же, опасного для нее положения, не будучи в то же время в состоянии оказать существенную помощь союзникам. Наша армия подвергалась бы опасности разгрома без всякой выгоды для кого бы то ни было и без всякой пользы для главной цели, преследуемой Тройственным Согласием. Не явилось ли бы с нашей стороны неосторожностью без предварительного рассмотрения точно определять время нашего выступления? — Я не сомневаюсь в том, что союзные правительства одобрят наше желание устранить возможность такого рода неудач, которые могут вредно отразиться как на наших союзниках, так и на нас самих. Я надеюсь также, что они признают невозможность для румынского правительства теперь же точно определить время своего выступления. Все мы должны желать, чтобы сотрудничество Румынии дало наилучшие результаты. Обстоятельства не могут не оказывать решающего влияния на осуществление наших предположений. — Принимая во внимание эти обстоятельства, румынское правительство охотно соглашается закрепить свои обязательства в том политическом соглашении, которое предполагается заключить. — Мне кажется, что определение как момента выступления Румынии, так и способов военного сотрудничества могло бы быть дано только в самой военной конвенции, в результате специального изучения дела». (Перев. с франц., сдел. в Архиве Вн. Пол.)

non seulement en ancien ami, mais, je veux croire, en allié, imminent» [1]). Он объяснил при этом, что избегал за последнее время посещения министерства с тем, чтобы переговоры были сосредоточены между Братиано и Сазоновым, к которому он также приходил лишь всякий раз по особому поручению румынского министра.

Последовавший разговор носил весьма дружественный характер, хотя барон Шиллинг не только не скрыл от посланника своего разочарования по поводу хода переговоров с Румынией, но даже прямо заявил ему, что он лично относится совершенно отрицательно к заключению договора на тех условиях, которые поставлены Братиано. В нынешней войне с самого начала всюду громко провозглашалась необходимость объединения народностей. Этот идеал одинаково вдохновил и сербов, и русских, и румын, и греков, и итальянцев. Между тем требования Братиано идут наперекор такому стремлению к народному объединению как русских, так и сербов. Добиваясь некоторых земельных прирезок в Буковине и в Банате, Братиано сеет семена будущих распрей между румынами и теми, которые являются их естественными союзниками. Барон Шиллинг более подробно развил эту мысль, с указанием на цифровые данные о количестве русского населения в запрутской Буковине, а также на соотношение румынского и сербского народов в Банате. Диаманди полушутя сказал, что приведенные доводы не лишены известной справедливости, но что он надеется, что барон Шиллинг не убедит С. Д. Сазонова придать им исключительное значение.

15 июля.

Получив приказание передать государю императору лично послание от короля Георга, великобританский посол испросил высочайшего приема и был принят его императорским величеством в Царском Селе 15 июля. Послание английского короля заключалось в том, чтобы просить государя, ввиду важного значения для союзников выступления Болгарии, побудить сербов к желательным уступкам в области Македонии путем личного обращения его императорского величества к королевичу Александру. Государь ответил послу, что он не имел бы возражений против подобного личного обращения к королевичу под условием, чтобы в нем приняли участие и главы других заинтересованных союзных государств. Ответ в этом смысле на имя короля Георга был прислан его величеством на другой день письменно для препровождения по назначению [2]).

---

[1]) «Я возвращаюсь к вам в качестве блудного сына и надеюсь, что встречу у вас такой же прием, как в былое время, тем более, что я возвращаюсь на свое привычное место в вашем салоне не только как старый друг, но также — я по крайней мере надеюсь на это — и как ваш союзник в самом недалеком будущем».

[2]) Текст «послания» короля Георга Николаю II, равно как и текст «ответного послания» Николая II опубликованы в сб. «Константинополь и проливы», т. II, стр. 285—286.

7 августа.

К барону Шиллингу явился с весьма горячим рекомендательным письмом от посланника в Швеции Неклюдова некто г-н Кюлбергер (Kyhlberger), швед, банкир, уже неоднократно приезжавший за последнее время в Петроград по делам, требовавшим переговоров с нашим министром финансов. Барон Шиллинг заговорил с ним о русско-шведских отношениях, причем он также высказал несколько общих мест насчет необходимости поддержания дружественной связи между обоими нашими соседними государствами. Но было ясно, что Кюлбергер хочет перейти к другому предмету, и он лишь ищет удобного повода к этому. Действительно, он вскоре прямо заговорил о совершенно не затронутом бароном Шиллингом вопросе, а именно о распространившихся слухах о возможности мирных переговоров между Россией и Германией. Г-н Кюлбергер спросил барона Шиллинга, знает ли он о том, что через банковых деятелей А. В. Неклюдову были сделаны в этом смысле некоторые предложения, и не думает ли он, что самым подходящим способом наладить подобные переговоры было бы обсуждение возможных мирных условий банковыми деятелями с обеих сторон, съехавшимися в нейтральной стране. Барон Шиллинг ответил, что ни о каком отдельном мире между Россией и Германией речи быть не может и что, когда в Германии сочтут время наступившим для мирных переговоров, необходимо будет обратиться с таковыми ко всем союзникам зараз. Кроме того, барон Шиллинг сказал, что вопрос не в том, кто должен сыграть роль посредника при переговорах, — будь то банковый деятель или дипломат, или любое частное лицо, — важно лишь одно, чтобы такой посредник обладал надлежащими полномочиями со стороны германского правительства и обратился также к правительственному представителю союзников. Иначе будут лишь пустые разговоры между безответственными людьми, а не серьезные переговоры. Г-н Кюлбергер заявил, что слова барона Шиллинга вполне сходятся с полученным им уже от Неклюдова ответом [1]). При этом он спросил, думает ли барон Шиллинг, что, при соблюдении указанных условий, переговоры через банковых деятелей могли бы иметь вероятие на успех. Барон Шиллинг ответил, что не знает, насколько Германия была бы в настоящую минуту склонна согласиться на те условия, которые, по мнению союзников, должны лечь в основу всякого соглашения и без удовлетворения которых союзники едва ли

---

[1]) В секр. тел-ммах Неклюдова от 15(28) VII 1915 г. за № 260—1 и 260—2, в которых имеется ссылка на его же тел. №234 (см. 1-е примеч. на стр. 26), сообщалось о продолжении начатого Монкевицем мирного посредничества, принявшего теперь «характер прямого предложения». Речь шла при этом о предоставлении России проливов, исправлении галицийской границы, а также об обеспечении России Германией займа в размере от 5 до 10 миллиардов марок. «Помимо германских опасений за исход войны, — заключал Неклюдов свое донесение, — эти новые предложения Монкевица указывают на усиленные старания немцев внести рознь среди союзников. Я уверен, что все вышеизложенное уже передано англичанам, как яко-

согласятся заключить мир. Во всяком случае, почин серьезных предложений должен был бы исходить от Германии. Г-н Кюлбергер сказал, что через два дня возвращается в Швецию, но предполагает быть снова в Петрограде недели через две, и просил разрешения вновь посетить барона Шиллинга.

8 августа.

Ставка верховного главнокомандующего перенесена в Могилев.

23 августа 1915 г.

Румынский посланник Диаманди решил съездить на две недели в Румынию, где, по его словам, его присутствие [1]) необходимо из-за неотложных частных дел. Он пришел проститься с министром иностранных дел, причем остался очень довольным приемом С. Д. Сазонова, который, хотя и указал ему на допущенные Румынией ошибки, заверил его в том, что он попрежнему относится сочувственно к названной стране и надеется, что в будущем отношения между нею и Россией наладятся на прочной дружественной основе.

Зайдя также к барону Шиллингу, г-н Диаманди, сославшись на прочность своих личных дружественных отношений с бароном Шиллингом, высказал сожаление по поводу известной ему точки зрения барона Шиллинга на причины, помешавшие выступлению Румынии в союзе с державами Четверного Согласия. В продолжительной беседе он вновь старался рассеять усвоенное бароном Шиллингом мнение, но попрежнему не достиг в этом успеха, хотя отношения и остались наилучшие.

Оставив бесполезный спор о предметах, имеющих в настоящую минуту лишь историческое значение, барон Шиллинг сказал г-ну Диаманди, что хотел бы высказать ему несколько мыслей и соображений, могущих, быть может, иметь еще и практический смысл. Барон Шиллинг оговорился, что не делает ему никаких предложений ни от своего имени, ни подавно от имени российского правительства, а просто высказывает вслух некоторые мысли в надежде, что, если он с ними согласится, он найдет способ использовать их так, чтобы получился результат, полезный для всех. Барон Шиллинг начал с того, что обратил внимание посланника на важность для поддержания добрых отношений между двумя народами устранения всего,

---

бы русские предложения сепаратного мира с Германией. Позволяю себе выразить мнение, что подобные маневры немцев должны бы быть немедленно сообщаемы союзниками друг другу. Русский собеседник Монкевица — коммерсант, состоятельный русско-польский полуеврей, воспитанник Берлинского политехникума... [пропуск в подлиннике], коммерческие связи и знакомства в Берлине. Здесь он ведет себя безупречно, много и толково помогая нашей транзитной и экспортной торговле. Я ответил ему лишь, что едва ли из планов Монкевица что-либо выйдет». (Секр. архив. Папка «Мир. VIII», инв. № 708. См. также сб. «Константинополь и проливы», стр. 376, 377.)

[1]) Далее в подлиннике карандашом зачеркнуто: «было бы».

что хотя иногда и принимается под влиянием необходимости данной минуты, но оставляет на долгое время неизгладимый след и горечь, нарушающую добрые отношения. Сказавши, что не будет на этот раз возвращаться к этому, поскольку это касается Буковины и отношений к России, барон Шиллинг указал на то, что приведенные слова имеют прямую связь с румыно-сербскими отношениями, могущими испортиться из-за Баната. Барон Шиллинг сказал, что не славянофильство, в котором г-н Диаманди его упрекает, заставляет его защищать интересы Сербии в Банате, а то обстоятельство, что Россия, желая поддерживать и на будущее время самые сердечные [1]) отношения как с Сербией, так и с Румынией, благодаря этому самому заинтересована в том, чтобы последние два государства не враждовали между собой. Это и заставляет барона Шиллинга вновь вернуться к вопросу о Банате и высказать мысль, что если, как его в этом неоднократно уверял сам г-н Диаманди, и в Румынии понимают важность поддержания тесных дружественных отношений с Сербией, Братиано, добившись ныне согласия держав на присоединение к Румынии всего Баната, — что составляет для него несомненно личный дипломатический успех, — должен был бы выказать себя дальновидным государственным человеком, и, в ясном понимании интересов самой Румынии, сговориться непосредственно с Сербией. Нельзя отрицать, что последней юго-западная часть Баната необходима не в силу нравственных соображений, вытекающих из желания объединения народности, а по чисто практическим причинам, в силу которых и мы принуждены настаивать на владении Финляндией, которая была бы нам вовсе не нужна, если бы Петр Первый не избрал устья Невы местом для столицы империи. Вместе с тем, удовлетворением законной потребности Сербии указанным бароном Шиллингом путем добровольной и непосредственной уступки ей небольшого сравнительно земельного пространства, Румыния навсегда привязала бы к себе сербов, одновременно заслужив этим благодарность России и ее союзниц.

Румынский посланник, повидимому, проникся изложенной точкой зрения и, признавши основательность высказанных соображений, сказал, что, не обещая [2]) достигнуть успеха, он тем не менее обещает высказать означенное соображение Братиано и посоветовать ему принять его во внимание.

Барон Шиллинг сказал посланнику, что, горячо желая осуществления намеченного, он нисколько не дорожит признанием почина в этом отношении за ним, а потому просит г-на Диаманди не передавать сказанного им Братиано от имени барона Шиллинга или от имени русского правительства, а просто высказать это от своего собственного имени и постараться, чтобы Братиано усвоил себе изложенную точку зрения и осуществил [3]) указанные предположения под видом своих

[1]) Далее в подлиннике карандашом зачеркнуто: «и прочные».

[2]) В подлиннике над словами «не обещая» надписано карандашом: «ручаясь».

[3]) Далее в подлиннике карандашом зачеркнуто: «бы»

собственных, так как это, вероятно, облегчит ему это дело. При этом барон Шиллинг отметил, что если по соображениям внутренней политики Братиано, вероятно, пожелает возможно больше отдалить уступку Сербии юго-западного Баната, то, наоборот, с точки зрения внешней политики, было бы крайне необходимо осуществить это возможно скорее, дабы не дать времени народиться у сербов недоброжелательству против Румынии, а также облегчить державам благоприятный исход их нынешних переговоров с Сербией и Болгарией и тем заслужить тем большую с их стороны благодарность.

20 октября 1915 г.

За последнее время широко распространился слух о предстоящей отставке министра иностранных дел С. Д. Сазонова, и некоторые газеты («Биржевые Ведомости») уже оповестили о готовящемся, будто бы, назначении председателя Совета Министров И. Л. Горемыкина [1]) государственным канцлером с передачей ближайшего руководства министерством иностранных дел на правах управляющего таковым бывшему послу в Вене Н. Н. Шебеко. Известие это, до того распространившееся, что ему поверили наиболее непосредственно задетые им лица, вызвало за границей, а также среди иностранных дипломатов в Петрограде толки о том, будто намеченные перемены должны повлечь в направлении внешней политики России поворот в смысле смягчения вражды к Германии, а затем, может быть, и перехода к отдельному соглашению с последней. Такое мнение основывалось, между прочим, на том, что И. Л. Горемыкин, повидимому, ищет опоры в кругах правых, которые всегда тяготели в сторону Германии.

20 октября, по окончании всеподданнейшего доклада своего в Царском Селе, С. Д. Сазонов, сославшись на эти слухи, высказал государю желание быть по возможности осведомленным относительно срока осуществления упомянутых предположений. Но тут оказалось, что государь император впервые услышал о таковых и с крайним удивлением самым решительным образом опроверг существование даже мысли об них. При этом его величество не скрыл своего раздражения по поводу постоянно возникающих в Петрограде всякого рода ложных слухов и прибавил: «Слава богу, я живу на ставке, куда весь этот вздор не доходит». Государь распространился также насчет невозможности в настоящую минуту даже говорить о смене министра иностранных дел. Кроме того, он выказал себя особенно милостивым лично по отношению к С. Д. Сазонову.

22 октября 1915 г.

22 октября английский посол был принят государем императором в частной аудиенции в 2 часа дня, в Царском Селе. По возвра-

[1]) Горемыкин, Ив. Лог. — председатель Совета Министров с февраля 1914 г. по февраль 1916 г.

щении оттуда сэр Джорж Бьюкенен посетил министра и передал ему подробности приема у государя императора [1]).

Усилившиеся за последнее время в России трения на почве внутренней политики и внесенный ими разлад как между правительством и обществом, так и в среду самого правительства, вызвали во Франции и особенно в Англии известные опасения, как бы означенные обстоятельства не отразились на внешней мощи России. Не желая вмешиваться во внутренние дела союзного государства, великобританское правительство, тем не менее, поручило своему послу в Петрограде весьма осторожно и дружественно довести до сведения государя императора об этих опасениях. Сознавая всю щекотливость возложенного на него поручения, сэр Джордж Бьюкенен долго не решался его исполнить. Но, когда распространился слух о предстоящем уходе С. Д. Сазонова и в связи с этим о возможном повороте русской политики в сторону Германии, английское правительство, сильно этим обеспокоенное, вновь подтвердило своему послу преподанные ему указания. Не имея более возможности уклониться от выполнения таковых, сэр Джордж Бьюкенен испросил приема у государя и, будучи принят весьма милостиво, решился после продолжительной беседы по вопросам внешней политики, изложить его величеству надежды Великобритании видеть у нас в переживаемые ныне крайне серьезные минуты «сильную правительственную власть». По словам Бьюкенена, государь выслушал его весьма внимательно и в сдержанных, но милостивых выражениях согласился с его доводами.

22 октября 1915 г.

Свидание С. Д. Сазонова с г-ном Диаманди.

Только что вернувшийся из Румынии г-н Диаманди приехал днем в министерство иностранных дел и посетил С. Д. Сазонова. В беседе, которая касалась обсуждаемых в настоящее время обоими правительствами политических вопросов, румынский посланник обратил особое внимание министра на опасение румынских правительственных кругов, что, в случае отказа Румынии пропустить наши войска в Болгарию, императорское правительство может решиться на насильственный прорыв нашего отряда через румынскую территорию. С. Д. Сазонов дал по этому поводу успокоительные заверения г-ну Диаманди, указав ему, что Румынии нечего бояться насильственных мер со стороны России, так как он надеется, что в непродолжительном времени обе страны будут союзницами и им легко будет согласовать свои действия, направленные к одной общей цели.

24 октября 1915 г.

При обычном утреннем посещении министерства французский посол имел разговор с бароном Шиллингом, в течение которого сообщил о своем свидании накануне, 23 октября, с румынским

[1]) Об аудиенции см. Дж. Бьюкенен, «Мемуары дипломата», стр. 144.

посланником. Во время откровенной и продолжительной беседы с г. Палеологом г. Диаманди признался, что в настоящее время имеется мало надежды на немедленное присоединение Румынии к державам Четверного Согласия и, как личное свое мнение, выразил искреннее сожаление по этому поводу. По словам г-на Палеолога, румынский посланник казался весьма подавленным.

27 октября 1915 г.

На очередном своем всеподданнейшем докладе министр иностранных дел представил его императорскому величеству полученное им от генерала Алексеева письмо с соображениями относительно наилучшего использования сосредоточенных близ Одессы войск. Признавая высадку в Варне, особенно в настоящее время года, крайне рискованной и сомневаясь в возможности добиться от Румынии свободного пропуска наших войск через ее территорию, генерал Алексеев высказывал мнение, что наша цель — спасение Сербии от австро-германского нашествия,— быть может, могла бы быть лучше всего достигнута путем нанесения удара в сторону Галиции и Буковины. С своей стороны, министр иностранных дел вполне присоединялся к этому мнению, будучи убежден, что Румыния никоим образом не согласится пропустить нас в Болгарию иначе, как в том случае, если бы она сама выступила в союзе с нами против общего врага.

В общем, признавая справедливость этих взглядов, государь-император тем не менее полагал возможным все же сделать еще попытку склонить Румынию либо к присоединению к нам, либо к пропуску наших войск. Для этого его величеству явилась мысль отправить в Бухарест для переговоров по этому поводу, но под видом совершенно частной поездки, объяснимой семейными связями, великого князя Кирилла Владимировича с великой княгиней Викторией Феодоровной. Однако решение в этом смысле еще не было принято.

28 октября 1915 г.

Посещение С. Д. Сазонова греческим посланником.

Впервые по возвращении своем из Румынии г-н Диаманди посетил барона Шиллинга. Приняв его весьма любезно, начальник канцелярии нарочно заговорил с ним о самых разнообразных предметах, ни словом не касаясь политики, желая подчеркнуть, что изверившись в возможности достигнуть соглашения с Румынией, он считает разговоры об этом предмете бесполезными. После продолжительной беседы в этом духе румынский посланник, видимо, желавший, напротив, высказать вынесенные им из Бухареста впечатления, сам навел разговор на обычную тему. Он начал с указания на то, что в России теперь, наконец, должны были разочароваться в болгарах и, упомянув о двусмысленном поведении греков, старался доказать, что единственными нашими друзьями на Балканах являются румыны. Барон Шиллинг ограничился замечанием, что дружба последних пока весьма

платонична. После этого Диаманди вновь весьма пространно стал излагать свои доводы в доказательство того, что нельзя при нынешних обстоятельствах требовать от Румынии большего. Он, по обыкновению, утверждал, что мы можем положиться на Братиано и должны оказать ему больше доверия.

Барон Шиллинг не скрыл от своего собеседника, что его слова ему кажутся совершенно неубедительными, тем более, что им можно противопоставить факты за полуторагодовой период времени. При этом он заметил как бы вскользь, что румыны имели бы, конечно, теперь случай доказать нам свои чувства на деле, хотя бы даже сами не выступая, например, ограничившись пропуском наших войск для оказания помощи Сербии. Диаманди не упустил случая высказать, что это было бы для Румынии невозможно, так как неминуемо втянуло бы ее в войну. Барон Шиллинг не настаивал, зная, что это было бы бесполезно, но еще более откровенно выразил Диаманди свой скептицизм насчет своевременного присоединения к нам Румынии.

Разговор тем не менее велся в дружественном тоне, и Диаманди полушутя признался, что он даже в Бухаресте говорил о непреодолимом недоверии барона Шиллинга к политике Братиано. Вместе с тем, он высказал уверенность, что наступит час, когда ему придется убедиться, что Румыния выступит на стороне России.

31 октября 1915 г.

Днем посещение министра великим князем Кириллом Владимировичем.

Около 12 часов ночи английский посол позвонил по телефону к министру иностранных дел и сообщил С. Д. Сазонову, что им только что получена из Лондона телеграмма, в которой ему предписывается настоятельно просить императорское правительство о немедленном занятии Тегерана русскими войсками [1]). Министр ответил сэру Дж. Бьюкенену, что, хотя русский отряд находится на расстоянии двух переходов от Тегерана и занятие последнего представляется вполне осуществимым, вопрос должен быть разрешен очень осмотрительно и осторожно. В частности, нельзя упускать из виду, что если бы наши войска вступили в Тегеран, нам пришлось бы считаться с необходимостью очищения его в будущем. Это последнее обстоятельство, равным образом, нуждается во всестороннем обсуждении.

---

[1]) В течение всего 1915 г. в министерство ин. дел поступали сведения о развиваемой германскими агентами усиленной деятельности в Персии. Опасаясь, что шахское правительство может в ближайшем будущем заключить с Германией и Турцией соглашение и занять враждебное странам Антанты положение, российское и еще в большей мере великобританское министерство ин. дел. проявляют беспокойство за судьбу своих миссий. В связи с тем ставится вопрос о посылке из Казвина в Тегеран двух казачьих полков и артиллерии под командой ген. Золотарева (Секр. тел-ммы Эттера из Тегерана от 10—17/X 1915 г. №№ 691, 706, 708, 709, 711, 714).

Днем министра иностранных дел посетил великий князь Кирилл Владимирович с тем, чтобы по поручению государя императора переговорить по вопросу о предположенной поездке в Румынию. Министр обратил внимание его высочества на необходимость крайне осторожно наладить эту поездку, так как весьма возможно, что она не придется по сердцу румынам и они попробуют, быть может, даже ее отклонить. Во всяком случае, если поездка и состоится, необходимо крайне бережно касаться вопросов, относящихся до выступления Румынии или пропуска ею наших войск. Приходится считаться и с возможностью неудачи переговоров об этом, причем наши враги не преминут всячески раздуть подобную неудачу. Великий князь высказал, между прочим, мысль, что ввиду всех этих обстоятельств было бы, пожалуй, лучше, если бы великая княгиня поехала одна, так как подобная поездка имела бы в таком случае еще более частный и семейный характер.

1 ноября 1915 г.

Уже около 8 часов вечера к барону Шиллингу приехал румынский посланник, видимо, весьма взволнованный, и сказал, что, узнав от «одного союзного посла» (очевидно, Палеолога) о предстоящей командировке великого князя Кирилла Владимировича в Бухарест, он поспешил проверить это известие и осведомиться о подробностях означенного предположения для своевременного сообщения об этом своему правительству. Барон Шиллинг ответил Диаманди, что ни о какой командировке великого князя нет и речи. По его сведениям, великая княгиня Виктория Феодоровна, действительно, неоднократно выражала за последнее время желание повидаться с сестрою и, может быть, собирается съездить для этой цели вскоре в Бухарест. Весьма возможно, что, желая заставить мужа немного отдохнуть от продолжительного пребывания в армии, ее высочество убеждает его присоединиться к ней для этой поездки. Это, вероятно, и подало повод неосновательному слуху о какой-то командировке, дошедшему до посланника.

Последний все же спросил, не следует ли ему, тем не менее, об этом телеграфировать в Бухарест, но барон Шиллинг заметил ему, что обе сестры, поддерживая непосредственные сношения, очевидно, сами условятся насчет наиболее подходящего времени для приезда великой княгини, если таковой состоится.

По всему было видно, что в Румынии или, по крайней мере, среди сторонников Братиано, а может быть, и при дворе приезд в Бухарест в настоящее время русского великого князя может возбудить лишь тревогу и опасения, как бы не скомпрометировать себя в глазах Австро-Германии.

1 ноября.

Днем получена телеграмма, которой С. Д. Сазонов приглашается в царскую ставку.

2 ноября 1915 г.

В 4 часа министр иностранных дел в сопровождении директора канцелярии барона Шиллинга выехал на царскую ставку.

3 ноября 1915 г.

Вследствие значительного опоздания поезда министр иностранных дел в сопровождении барона Шиллинга прибыл на царскую ставку в Могилев лишь в 6 часов дня. На вокзале его встретил фельдъегерь с извещением, что прием у государя императора ему назначен в 6 часов, а потому С. Д. Сазонов поспешил немедленно отправиться на автомобиле в губернаторский дом, где имел пребывание государь. Там состоялся доклад министра его величеству в присутствии начальника штаба генерала Алексеева, продолжавшийся более часу.

По всестороннем рассмотрении общего военного и политического положения, особенно в связи с развивающимися на Балканах событиями, был окончательно установлен дальнейший план действий.

Ввиду господствующего убеждения, что не удастся убедить Братиано отказаться от своей выжидательной политики и либо открыто присоединиться к державам Четверного Согласия, либо, по крайней мере, пропустить русские войска через румынскую территорию в Болгарию, было решено лучше воздержаться от поездки в Бухарест великого князя Кирилла Владимировича и великой княгини Виктории Феодоровны, ибо как бы ни обставлять эту поездку под видом частного семейного посещения, в случае, если, как следовало предвидеть, Румыния откажется от пропуска наших войск, общественное мнение и печать повсюду громко протрубят о неудаче «миссии» великого князя.

В семь с половиной часов в губернаторском доме собрались великие князья Георгий Михайлович, Кирилл и Борис Владимировичи и Дмитрий Павлович, лица государевой свиты, иностранные военные агенты, среди которых — приехавший с особым поручением английский генерал Муррей и прочие приглашенные к высочайшему столу. Через некоторое время от государя вышли министр иностранных дел и генерал Алексеев, причем последний, поздоровавшись с присутствовавшими, тотчас удалился, по обыкновению не оставаясь к обеду, так как он с самого начала просил его величество уволить его от обедов и завтраков, ссылаясь на недостаток времени. Через несколько минут в залу вошел государь, в сопровождении наследника цесаревича, который, хотя и не принимал участия в обеде, но оставался во время закуски, пока не сели за стол.

После обеда его величество, выйдя вновь в залу, отозвал в сторону великого князя Кирилла Владимировича и несколько времени говорил с ним, сообщив ему свое решение отменить предположенную поездку его высочества в Румынию.

После того государь сначала обходил присутствовавших, разговаривая с ними, а затем ушел в свой кабинет, пригласив туда на несколь-

ко минут министра императорского двора, а затем снова министра иностранных дел для продолжения прерванного обедом доклада. Эта вторая часть доклада, посвященная главным образом персидским [1]) и китайским [2]) делам (вопросы об отозвании нашего отряда из Кераджа-Енги-Имам в Персии и о побуждении китайского правительства объявить войну Германии), продолжалась около получаса, после чего министр с бароном Шиллингом и с князем Кудашевым проехал в дипломатическую канцелярию, где были составлены и отправлены соответствующие телеграммы в Тегеран [3]), Тифлис [4]) и Бухарест [5]).

4 ноября 1915 г.

Утром перед отъездом из Могилева барон Шиллинг был в морском управлении штаба, где имел продолжительный разговор с капитаном II ранга Бубновым, недавно вернувшимся из командировки в Бухарест [6]). При этом обсуждалась возможность вовлечь Румынию в войну в союзе с нами, в связи с намеченными военными действиями.

Около 2 часов дня министр иностранных дел отбыл из царской ставки обратно в Петроград.

---

[1]) В секр. тел. Эттера из Тегерана от 2/XI 1915 г. № 770 сообщалось, что шах «заявил себя отныне искренним сторонником и преданным другом России и Англии» и «формально обязался назначить в состав кабинета наших сторонников Эйн-уд-Доуле и Ферман-Ферма». В то же время русский посланник обещал войск в Тегеран не вводить и оттянуть их обратно в Енги-Имам.

[2]) В секр. тел. от 28/X 1915 г. за № 662 Крупенский сообщал из Пекина о том, что вопрос о присоединении Китая к Антанте начинает принимать более реальные очертания. План русского посланника в основном сводился к следующему: в виде протеста против постоянного нарушения немцами китайского нейтралитета Китай объявляет Германии войну, далее Китай предлагает союзникам исполнение заказов, союзники же командируют на китайские заводы своих специалистов и берут на себя необходимые для расширения производства затраты. В то же самое время происходит выселение из Китая всех германских и австрийских подданных. При депеше от 4/XI 1915 г. за № 58 Крупенский пересылал выработанный в китайском министерстве ин. дел проект обращения российского и великобританского послов в Пекине к китайскому правительству: а) по вопросу о снабжении их военными припасами, б) по вопросу о соглашении между иностранными банками и китайским арсеналом по поводу займа в 20 милл. долларов на расширение производства предметов военного снаряжения.

[3]) В тел. на имя Эттера от 3/XI 1915 г. за № 470 сообщалось, что отозвание отряда в Енги-Имам должно совершиться лишь после реорганизации кабинета.

[4]) В тел. от 3/XI 1915 г. за № 468 на имя наместника Сазонов отмечал достигнутые в персидских делах благоприятные результаты, подтверждал данные Эттеру инструкции по поводу отозвания отряда и указывал на необходимость принятия в будущем решительных мер, направленных к тому, «чтобы окончательно подорвать обаяние наших противников».

[5]) В тел. от 3/XI 1915 г. за № 469 Сазонов уведомлял Поклевского о том, что переговоры с Румынией о пропуске русских войск через румынскую территорию считает преждевременными.

[6]) Капитан Бубнов, находившийся в распоряжении военно-морского отдела ставки, был послан в начале октября 1915 г. в Румынию для выяснения вопроса о

5 ноября 1915 г.

В 8 часов утра министр иностранных дел вернулся в Петроград.

В 12 часов его посетили по обыкновению французский и английский послы. Обсуждался текст ноты, которую посланники держав Согласия должны вручить в Афинах [1]).

Днем министра посетил румынский посланник, вновь пожелавший осведомиться о том, состоится ли поездка великого князя Кирилла Владимировича в Бухарест. Сославшись на сказанное ему уже бароном Шиллингом, министр подтвердил г-ну Диаманди, что об особой «миссии» великого князя в Румынию не было речи, и прибавил, что во избежание кривотолков даже совершенно частная поездка великокняжеской четы к румынским родственникам совершенно оставлена [2]).

боеспособности румынской армии и пригодности румынских портов для десанта (о его поездке см. «Красный Архив», т. XXVIII, стр. 11—12 и сб. «Константинополь и проливы», т. I, стр. 207—210).

[1]) В секр. тел. от 1/XI 1915 г. № 541 Демидов сообщал, что ко времени прибытия в греческие воды союзной эскадры представителями союзных держав будет сделано коллективное представление греческому правительству, составленное таким образом, «чтобы, с одной стороны, избежать разрыва в Грецией, выгодного нашим врагам, оставляя здешнему правительству открытыми двери к соглашению и перемене политического курса, а, с другой, выказать здесь должную твердость и решимость».

Французский посол в Петрограде 5 (18) ноября 1915 г. вручил м-ру ин. д. памятную записку относительно проекта декларации, которую предполагалось предъявить греческому правительству от имени союзных держав. Он просил министра обсудить текст этого проекта и дать немедленно соответствующие указания представителю России в Афинах.

Первый параграф этой декларации, составленной английским посланником в Афинах, касался необходимости положить конец тому неясному и двусмысленному положению Греции, в какое она оказалась поставленной.

Второй параграф имеет в виду предъявление державами требования к Греции дать им формальное обязательство, в случае перехода союзными войсками ее границ, отнюдь не подвергать их обезоружению или интернированию.

В третьем параграфе речь идет о свободе передвижения как союзных армий, так и союзных эскадр, об оборудовании необходимых баз и о безопасности путей сообщений.

[2]) В секр. тел. Поклевского от 5/XI 1915 г. за № 718 сообщалось, что французским посланником Блонделем получены сведения о предстоящем прибытии в Бухарест в. кн. Кирилла Владимировича.

В своем письме от 12/XI 1915 г. на имя Сазонова Поклевский рассказывает, что слух о предстоящей поездке уже проник в Бухарест, что об этом при свидании с ним спрашивал его Братиано. Поклевский отозвался по этому делу полным незнанием. Братиано «высказал свое убеждение в том, что при нынешних обстоятельствах, может быть, и лучше, что вел. князь не посетит теперь Румынии. Он добавил, что, если бы визит его импер. высочества привел Румынию к немедленному выступлению против Австрии, то таковое все-же не застало бы наших врагов врасплох, ибо этот визит, несомненно, уже вызвал бы в них самое сильное подозрение. Если же, с другой стороны, Румыния осталась бы еще некоторое время нейтральной и после отъезда отсюда великого князя, то это могло бы вызвать среди союзников разочарование и даже новое раздражение против Румынии».

21 ноября 1915 г.

21 ноября, по особому ходатайству министра, состоялся внеочередной всеподданнейший доклад его величеству, на котором С. Д. Сазонов доложил государю о всех накопившихся вопросах внешней политики. По поводу обсуждаемого в настоящее время нашими союзниками вопроса о дальнейшей судьбе экспедиционного корпуса в Салониках государь император высказался, скорее, в пользу французской точки зрения [1]).

21 ноября 1915 г.

Утром к барону Шиллингу приехал г. Жюлиа [2]), секретарь Думера [3]), который дал понять, что главной целью приезда г-на Думера в Россию является надежда добиться посылки во Францию русских солдат, хотя бы и без вооружения, для того, чтобы, получив во Франции нужное снаряжение, они могли пополнить ряды союзных армий на французском фронте. Барон Шиллинг ограничился лишь замечанием, что для успеха общего дела союзников, быть может, было бы целесообразнее нанести Германии сильный удар на русском фронте, а для этого казалось бы более удобным привезти из Франции в Россию недостающее нам вооружение.

В 12 часов, за отсутствием министра, бывшего с докладом у государя императора в Царском Селе, французский посол посетил барона Шиллинга и по поводу г-на Думера доверительно высказал, что его приезд главным образом объясняется необходимостью для французского правительства дать ему для личного удовлетворения какое-либо крупное поручение ввиду занимаемого им значительного положения и вместе с тем нежелания нынешнего кабинета принять его в свою среду. Крупную роль г. Думер, как известно, вновь стал играть во Франции с тех пор, как во время отъезда французского правительства в Бордо он состоял при генерале Галлиени в качестве его помощника по гражданской части в Париже. Желая предупредить обо всем этом С. Д. Сазонова, г. Палеолог просил устроить так, чтобы он мог видеть министра раньше, нежели последний примет г-на Думера, что и было сделано, так как по возвращении из Царского Села министр принял французского и английского послов в 5 часов и лишь в 6 ч. г-на Думера.

Последний изложил С. Д. Сазонову подробнее, нежели это сделал утром г. Жюлиен барону Шиллингу, цель своего приезда. Оказалось, что, действительно, опасаясь недостатка в своих войсках и возможности прорыва немцев, — что при незначительной емкости территории и близости Парижа от границы могло бы грозить катастрофой, — фран-

---

[1]) О разногласиях, возникших между союзниками в связи с неудачным ходом салоникской операции, см. «Красный Архив», т. XXVIII, стр. 21—22.

[2]) В подлиннике зачеркнуто «Жулиен» и исправлено карандашом на «Жулиа».

[3]) Поль Думер — министр без портфеля в кабинетах Вивиани и Бриана; о его приезде в Россию см. «Красный Архив», т. XXVIII, стр. 20—21, а также в кн. Лемке «250 дней в царской ставке», стр. 264—265.

цузское правительство возымело мысль обратиться к помощи союзной России, имеющей значительное число готовых воинов, но нуждающейся в предметах вооружения, с предложением прислать во Францию невооруженных солдат, обещая со своей стороны не только вооружить таковых, но и доставить вооружение для части тех, которые сражаются на восточном (русском) фронте.

Мысль эта не встретила сочувствия в лице С. Д. Сазонова, но он предпочел не отвергать с первых же слов просьбы г-на Думера и ограничился общим замечанием, что по этому вопросу надлежит переговорить прежде всего с военным министром.

22 ноября 1915 г.

Во время обычного своего посещения министра иностранных дел великобританский посол весьма доверительно поведал С. Д. Сазонову, что румынское правительство отклонило приезд в Бухарест принца Артура Коннаутского, которого английский король хотел ныне отправить туда. Свое отрицательное отношение к приезду английского принца румынский двор объяснял опасением, как бы германский император не пожелал также прислать в Бухарест члена своего дома, что поставило бы румынское правительство в щекотливое положение.

Днем министр императорского двора сообщил по телефону министру иностранных дел, что государь император вновь вернулся к мысли о посылке в Румынию великого князя Николая Михайловича и повелел С. Д. Сазонову представить по этому поводу свои соображения.

Вследствие сего министр иностранных дел немедленно изложил в краткой всеподданнейшей записке свой отрицательный взгляд на подобную поездку, ссылаясь на последовавший со стороны румын отказ в приеме принца Коннаутского [1]). Министр просил его величество дозволить ему подробно коснуться этого вопроса на предстоящем во вторник личном всеподданнейшем докладе.

---

[1]) В своей всеподданнейшей записке от 23/XI 1915 г. Сазонов писал: «Министр императорского двора, по повелению вашего императорского величества, сообщил мне предположение о посылке великого князя Николая Михайловича в Бухарест и передал мне высочайшее указание представить по сему поводу мои соображения.

Как я осмелился доложить вашему императорскому величеству, английский король имел в виду послать в Румынию принца Артура Коннаутского. По сему поводу великобританский посол поведал мне вчера, что на предварительный запрос, сделанный по сему предмету английским посланником в Бухаресте, со стороны румынского правительства последовал отрицательный ответ под предлогом, что в случае прибытия в Бухарест принца Коннаутского наши противники не преминут воспользоваться этим для присылки в Румынию подобной же миссии, — чем румынское правительство поставлено было бы в весьма затруднительное положение.

Ввиду вероятности подобного же отношения Румынии к поездке великого князя Николая Михайловича я полагал бы предпочтительным не возбуждать ныне этого вопроса. Если бы однако вашему императорскому величеству благоугодно было повелеть нашему посланнику в Бухаресте в самой осторожной форме осведомиться об отношении румынского правительства к упомянутой поездке, то я

При обсуждении этого вопроса начальник канцелярии, вполне признавая нежелательность отправления в настоящую минуту в Румынию какого бы то ни было крупного лица с официальным поручением, ввиду почти несомненной безуспешности подобного посольства, тем не менее защищал перед министром иностранных дел мысль о необходимости принятия каких-либо мер воздействия на румынское общественное мнение. Указывая на огромную и напряженную работу всякого рода германских агентов в Румынии, барон Шиллинг считал недостаточными переговоры нашей миссии с румынским правительством. Соглашаясь с тем, что официальным представителям, быть может, трудно поддерживать слишком тесное общение с оппозицией, — которая, к тому же, в Румынии до сих пор доказала, скорее, свое бессилие,— барон Шиллинг полагал, что было бы полезно иметь рядом с официальным нашим представительством и других деятелей, которые, в качестве частных лиц, пользуясь большею свободою, могли бы легче сноситься со всеми кругами местного общества и подогревать в нем желательное для нас настроение. Ввиду важности, чтобы подобное лицо хорошо знало местные условия, и во избежание лишней затраты времени имело готовые связи в румынском обществе, барон Шиллинг предлагал поручить отправиться в Бухарест Н. Н. Шебеко, который хотя и стоит, быть может, слишком на виду в силу своего звания бывшего посла [1]), но зато вполне отвечает остальным вышеуказанным требованиям и мог бы съездить в Бухарест под предлогом частных дел, а именно попытки вывезти через Румынию из Австрии часть оставленных им там вещей.

23 ноября 1915 г.

Отправленную с ночным фельдъегерем докладную записку касательно поездки великого князя Николая Михайловича в Румынию государь император вернул министру с собственноручной надписью: «З а в т р а н а д о к л а д е п е р е г о в о р и м».

24 ноября 1915 г.

В 12 часов государь император принял г-на Поля Думера, который изложил его величеству те же пожелания, о которых он сообщил уже министру иностранных дел. Предупрежденный о таковых военным министром, которого он принимал как раз перед Думером, государь не высказался определенно и, ограничившись тем, что оказал вообще Думеру весьма милостивый прием, сказал ему приехать через неделю

буду ожидать по сему поводу высочайших указаний. Я был бы весьма счастлив, если бы ваше величество соизволили мне вернуться к этому предмету на предстоящем моем личном всеподданнейшем докладе».

На полях той же записки рукою Сазонова приписано: «На личном моем докладе 24 ноября 1915 г. выяснилось, что сообщение, сделанное мне графом Фредериксом, было основано на недоразумении. Сазонов». (См. дело Секр. Архива: «Вопрос о командировании великого князя в Румынию», инв. № 232.)

[1]) Н. Н. Шебеко — русский посол в Вене в момент возникновения войны.

на ставку, где у него будет больше времени для обстоятельного обсуждения затронутых французским уполномоченным вопросов.

В 6 часов государь император принял министра иностранных дел. При этом выяснилось, что переданное министром императорского двора от высочайшего имени повеление было основано на недоразумении. В разговоре с графом Фредериксом государь, повидимому, действительно упомянул в общих чертах о существовавшем у него несколько времени тому назад предположении отправить в Румынию великого князя, но не давал никакого поручения передать что бы то ни было по этому поводу министру иностранных дел, тем более, что означенное предположение было уже давно оставлено его величеством.

Таким образом этот вопрос устранился сам собою, но происшедшее недоразумение подало повод к новому обсуждению возможных способов воздействия на Румынию. С. Д. Сазонов высказал доводы в пользу поездки в Бухарест в д. [1]) шталмейстера Шебеко, причем государь отнесся к этой мысли весьма сочувственно.

В отношении спора о дальнейшем направлении, которое надлежит дать начатой салоникской экспедиции, государь высказался весьма решительно за принятие французской точки зрения и одобрил энергичные телеграммы, посланные С. Д. Сазоновым в Париж и Лондон с целью настоять на усилении союзных войск на Балканском полуострове и сохранении в руках союзников Солунской гавани [2]).

Пришедший к барону Шиллингу румынский посланник казался весьма встревоженным слухами о возможном уходе союзных войск из Салоник. Он не скрыл своих опасений насчет впечатления, которое такой оборот дела произведет в Румынии. Перечислив все общеизвестные доводы в пользу сохранения Салоник в руках союзников, он постарался доказать необходимость этого и тем соображением, что с утратой указанной точки опоры союзникам уже нельзя будет предписывать свою волю балканским государствам. Таким образом, по его мнению, даже в случае окончательной победы, Четверное Согласие не будет иметь возможности восстановить Сербию в своих владениях, так как не будет способа заставить болгар очистить Македонию.

На это барон Шиллинг возразил, что, будучи сам убежденным сторонником сохранения союзниками Салоник и соглашаясь с осталь-

---

[1]) «в д.» — сокращенное «в должности».

[2]) В тел. от 23/XI 1915 г. № 6026 Сазонов сообщал ген. Алексееву, что на совещании представителей английского и французского командований было принято, что окончательное решение по вопросу должно принадлежать союзным кабинетам.

В секр. тел. Сазонова послам в Париже и Лондоне от 24/XI 1915 г. № 6044 значилось: «Благоволите заявить правительству, при коем вы аккредитованы, что импер. прав-во, вполне разделяя французскую точку зрения в вопросе дальнейшего направления общих военных действий, самым настойчивым образом поддерживает таковую. Вам поручается энергично отстаивать необходимость усиления союзников на Балканах и приложить все старания, чтобы добиться соответствующего решения».

ными высказанными в пользу этого доводами, он тем не менее не придает значения последнему из приведенных посланником соображений. Действительно, если еще несколько месяцев тому назад всякое воздействие вооруженной силою со стороны России на Болгарию было немыслимым, то теперь, после всего содеянного болгарами, вполне возможно допустить в случае нужды такое воздействие; а потому, если болгары снова не пожелают подчиниться требованиям России, то последняя всегда будет иметь в своих руках орудие давления в своем флоте, под ударами которого остаются болгарские берега. Барон Шиллинг прибавил, что в таком же положении все балканские государства: Россия никогда не прикасалась к ним иначе, как для того, чтобы принести им свободу и всякие другие блага. Но раз такое государство обнажит против России меч, оно должно знать, что в будущем его будет ожидать за это соответствующая расплата.

Г. Диаманди весьма положительно утверждал, что если бы Германия пожелала принудительными военными мерами побудить Румынию присоединиться к ней для похода против России, то она встретила бы со стороны румын решительный отпор. «Немцы хорошо знают это, — сказал посланник, — а потому никогда не сделают такой ошибки. Единственно возможное — это, что германцы сосредоточат войска на румынской границе для того, чтобы этим способом дольше удержать Румынию в нейтралитете».

«Именно потому, что немцы хорошо знают положение в Румынии, — воскликнул барон Шиллинг, — они для указанной цели не двинут ни одного солдата, ибо им, конечно, ясно, что для поддержания еще долго румынского нейтралитета с их стороны не требуется никаких усилий».

Г. Диаманди лишь засмеялся и ограничился замечанием, что скептицизм барона Шиллинга на этот счет ему известен и что он отказывается с ним бороться.

25 ноября 1915 г.

Румынский посланник был принят министром иностранных дел, которому он представил вновь прибывшего румынского военного агента и его помощника. Г. Диаманди воспользовался этим случаем, чтобы вновь заверить С. Д. Сазонова в недопустимости мысли о возможном повороте Румынии против России под давлением Германии. При этом посланник повторил министру сказанное им несколько дней перед этим французскому послу, а именно, что даже Братиано, являющийся в настоящее время в Румынии почти диктатором, был бы не в силах обратить румын против России, если бы он этого захотел.

25 ноября 1915 г.

[5] Вызвав Н. Н. Шебеко, барон Шиллинг сообщил ему по поручению министра, что С. Д. Сазонов согласен на его поездку в Румынию и что мысль о таковой удостоилась также высочайшего одобрения.

При этом было еще раз установлено, что поездка должна носить строго доверительный и частный характер и иметь целью главным образом более полное осведомление о положении дел в Румынии. Н. Н. Шебеко и барон Шиллинг совместно выработали все подробности осуществления сказанного предположения. Во избежание огласки было решено выдать Н. Н. Шебеко паспортный бланк, который он лично заполнил, а также затребовать в генеральном штабе пропуск, в котором имя Шебеко было проставлено впоследствии. Кроме того, чтобы не посвящать в дело румынскую миссию в Петрограде, решено, что Шебеко доедет до Одессы и лишь там визирует свой паспорт в румынском консульстве.

29 ноября 1915 г.

Под предлогом поездки в деревню на юг России, Н. Н. Шебеко выехал в строгой тайне через Киев и Одессу в Румынию.

29 ноября 1915 г.

Отъезд г-на Поля Думера на царскую ставку.

30 ноября 1915 г.

Прибыв на ставку утром 30 ноября, г. Думер был приглашен к высочайшему завтраку, после чего имел отдельно разговор с его величеством, который направил его к генералу Алексееву. По желанию последнего, князь Кудашев присутствовал при этом свидании в качестве переводчика, так как генерал Алексеев не считал себя достаточно твердым во французском языке для серьезного делового разговора. Думер с большим красноречием развил свои доводы в пользу посылки русских солдат во Францию, но эта мысль не встретила сочувствия в генерале Алексееве, которому особенно не понравилась попытка Думера приравнять подобную услугу со стороны России той услуге, которую оказывает нам Франция присылкой оружия. Не желая однако ответить на все просьбы Думера решительным отказом, генерал Алексеев счел возможным согласиться на следующее: посылка русских солдат во Францию признается принципиально допустимой. Но, ввиду крупных затруднений, вызываемых посылкой большого числа солдат, как по соображениям, касающимся нашей собственной потребности в людях, так и вследствие сложности самой перевозки, решено, предварительно осуществления мысли Думера, произвести опыт в небольших размерах. Для этого можно было бы, — и то лишь если военный министр признает это возможным, — отправить сначала во Францию через Архангельск не более одной пехотной бригады, которая на французском фронте составила бы отдельную часть под командой русского генерала и двух русских полковников, но с вооружением и с остальным составом офицеров, предоставленными Францией.

Г-ну Думеру был высочайше пожалован орден Белого Орла, и он в тот же вечер выехал обратно в Петроград.

1 декабря 1915 г.

Возвращение г-на Думера с царской ставки.

Г. Думер посетил министра иностранных дел, которому изложил результат своих переговоров на ставке. Хотя и признавая, что достигнутое им не вполне оправдывает его надежды, он тем не менее старался показать, будто он в общем доволен и этим, делая вид, что верит осуществимости главной своей мысли после того, как предположенный опыт увенчается успехом.

3 декабря 1915 г.

Вечером министра посетил великий князь Георгий Михайлович для переговоров касательно предстоящей поездки его высочества в Японию [1]). Излагая свою точку зрения на возложенную на него миссию, великий князь заявил, что, по его пониманию, ему поручена, так сказать, внешняя сторона этого чрезвычайного посольства, т.-е. оказание японцам внимания с целью снискать их расположение. Что касается политических вопросов, то его высочество, не считая себя подготовленным к обсуждению таковых, намерен вовсе воздер-

[1]) Вопрос о командировании вел. кн. Георгия Михайловича в Японию был решен в ставке в конце ноября 1915 г. В секр. тел. из ставки на имя Сазонова от 28/XI 1915 г. мин-р импер. двора Фредерикс на основании своего разговора с японским военным агентом сообщал, что «командировка в Японию одного великого князя для выражения благодарности за доставление военных припасов была встречена там очень сочувственно и могла бы оказать нам большую пользу в смысле дальнейшего содействия и усиленного получения необходимых военных припасов. Официальным предлогом для командировки должно было послужить принесение поздравлений японскому императору по случаю коронации. Вместе с тем ему поручалось выразить японскому правительству благодарность за услуги, оказанные русскому правительству в снабжении его боевыми запасами».

В телеграмме из ставки на имя Сазонова от 29/XI 1915 г., за № 502, Кудашев пишет: «На мой вопрос, не возложено ли на его высочество также поручение постараться добиться уступки нам ружей, вел. князь ответил, что, конечно, надежда на получение ружей главным образом навела на мысль о его командировке, но что он считает, что ему будет неудобно об этом первым заговаривать с японцами. Из дальнейшего разговора я убедился, что его имп. высоч. понимает свою миссию, как знак внимания к Японии, который может только способствовать улучшению наших отношений с ней»... Русский посол в Токио Малевский-Малевич с своей стороны подтверждал (тел.его от 4/XII 1915 г. № 469), что «приезд вел. князя будет несомненно приветствован здесь как радостное событие, закрепляющее дружественные между обеими державами отношения».

Вел. кн. выехал из России 15/XII 1915 г. Расценивая эту поездку, как симптом того, что «положение [в России] весьма неблагоприятно», японская дипломатия придавала ей в то же время определенное значение. «Впервые, — писал бар. Мотоно барону Исии 10(23)/XII 1915 г., — после русско-японской войны член императорского дома приезжает в Японию и, хотя это само собою разумеется, я бы просил ваше прев-во взять на себя труд как следует организовать встречу». В тел. Малевского-Малевича от 30/XII 1915 г. за № 546 сообщается о парадном обеде, данном в императорском дворце в честь прибывшего великого князя, и о выраженной японским императором уверенности «во все большем скреплении дружеских уз между Россией и Японией» (см. Секр. Арх. Дело «Путешествие в. к. Георгия Михайловича в Японию», инв. № 1243).

жаться от каких-либо переговоров дипломатического характера. Министр иностранных дел вполне согласился с правильностью взгляда его высочества и обещал прикомандировать к нему на время путешествия начальника Дальне-восточного отдела министерства [1]), который и может вести, в случае надобности, политические переговоры без того, чтобы таковым был придан слишком официальный характер.

5 декабря 1915 г.

Свидание министра иностранных дел с М. А. Васильчиковой [2]).

Посещение барона Шиллинга секретарем румынской миссии г-ном Арионом.

5 декабря 1915 г.

Н. Н. Шебеко прибыл в Бухарест. — Так как его поездка совпала с закрытием в течение некоторого времени всякого движения поездов к югу и юго-западу от Киева, Н. Н. Шебеко пришлось в Киеве предъявить свой пропуск, но местные власти не решились облегчить ему дальнейшее следование без особого на то разрешения из ставки верховного главнокомандующего. На посланную туда телеграмму был получен благоприятный ответ, в силу которого Н. Н. Шебеко тотчас был предоставлен отдельный вагон с паровозом, доставившим его на границу. Это обстоятельство однако не могло не обратить на себя внимания и содействовало огласке путешествия Шебеко.

5 декабря 1915 г.

Отъезд г-на Думера из Петрограда во Францию.

5 декабря 1915 г.

Посланник в Стокгольме сообщил по телеграфу [3]) о проезде через Швецию в Россию М. А. Васильчиковой. При этом д. с. с. Неклюдов упомянул, что ввиду явно непатриотического направления, сквозившего в речах М. А. Васильчиковой, он не счел удобным снабдить ее

---

[1]) Имелась в виду командировка советника IV политического отдела министерства ин. дел Казакова.

[2]) М. А. Васильчикова — фрейлина, жившая до объявления войны в Австрии и там оставшаяся после начала войны. В феврале 1915 г. ею было послано на имя Николая II письмо, в котором до сведения царя доводилось о желании центральных держав заключить мир с Россией. — Второе письмо на имя царя было послано ею 14/V 1915 г. В нем, в частности, ею выражалось желание приехать в Россию для личной беседы с царем. (Текст этих писем был опубликован в сб. «Константинополь и проливы», т. II, стр. 369—374.)

[3]) Имеется в виду секр. телеграмма Неклюдова из Стокгольма от 1/XII 1915 г. № 493. Она гласила: «Лично. Весьма доверительно. Здесь проезжала в субботу из Австрии и Германии известная вам Маша Васильчикова. По старинному знакомству она провела в нашем доме несколько часов. Старалась убедить нас, что нашим пленным в Германии живется отлично и что они только и мечтают о скорейшем мире; что между русскими и сербскими пленными в Австрии страшная

какой-нибудь рекомендацией для русских пограничных властей. (По этому поводу государь император по докладе ему означенной телеграммы изволил на ней собственноручно начертать: «П р а в и л ь н о».)

По приезде в Петроград М. А. Васильчикова посетила жену директора 1-го департамента В. Я. фан дер Флит и, разразившись слезами по случаю отношения к ней русского общества, не исключая ее ближайших родственников, уверяла ее, что все ее попытки побудить русское правительство пойти на примирение с Германией и Австрией были подсказаны ей исключительно горячей любовью к ее отечеству — России. Сообщив г-же фан дер Флит, что она получила разрешение выехать из Австрии лишь под честным словом туда вернуться через 2 недели, она просила ее устроить ей свидание с министром иностранных дел, к которому она не решилась обратиться непосредственно из опасения, как бы С. Д. Сазонов, несмотря на давнишнее с ней знакомство, не отказал ей в приеме при нынешних обстоятельствах. При этом она не скрыла, что, хотя поводом к поездке в Россию послужила недавняя смерть ее матери, она имеет поручение говорить и о политических предметах.

Хотя и неохотно, министр иностранных дел согласился принять М. А. Васильчикову в субботу 5 декабря, в 3 часа дня. Приехав к нему, Марья Александровна пространно изложила ему то, что она писала раньше и то, что она говорила почти всем, кого видела здесь, а именно, что немцы и австрийцы не питают к русским никакой вражды, что они вовлечены в войну против воли и что, хотя они сильны во всех отношениях и их успех не подлежит сомнению, они тем не менее готовы заключить с нами мир, если только мы протянем им руку и согласимся на их справедливые требования. В противном случае она предсказывала нам всякие новые беды. Марья Александровна особенно напирала на то, что наш главный и общий враг — Англия, и вообще смотря на все через немецкие очки, твердила явно подсказанные ей немцами доводы в пользу немецкой точки зрения на нынешнее положение. Горько сетуя на то, что ее здесь не понимают и обвиняют в государственной измене и даже шпионстве, она просила С. Д. Сазонова обо всем ею сказанном доложить государю и вручила ему записку, составленную ею на основании разговора с великим герцогом гессенским, у которого она гостила некоторое время в Дармштадте и от которого она привезла два собственноручных письма для государя императора и для императрицы Александры Феодоровны. Первое из этих

вражда; что ей пришлось быть невольно свидетельницею разговора двух англичан, которые будто бы говорили, что главный враг Англии — это Россия, и тому подобные внушенные нелепости.

Ввиду такого настроения фрейлины Васильчиковой, а также и дошедших до меня ранее сведений о каких-то бестактных письмах, посылавшихся ею из Германии высоким особам, я ей никакой рекомендации к пограничным властям не дал».

писем было не запечатано и, по поручению великого герцога, Марья Александровна прочла его министру. В нем заключалась лишь просьба к его величеству выслушать Марью Александровну Васильчикову и отнестись благосклонно к тому, что она передаст от имени его высочества. Поручение же последнего заключалось все в том же, а именно убедить государя заключить мир с Германией.

Министр выразил Марье Александровне удивление, что она, зная хорошо здешнюю обстановку, могла хотя бы минуту подумать, что здесь будут достаточно наивны, чтобы отнестись серьезно к столь неубедительным доводам. В России знают, что Германия не даром хотела бы заключить мир, но в России знают также, что прочный мир возможен лишь на таких условиях, которые в настоящую минуту Германия едва ли примет, а потому здесь твердо намерены довести борьбу до конца [1]).

5 декабря 1915 г.

Около 7 часов вечера к барону Шиллингу приехал первый секретарь румынской миссии г. Арион и сообщил, что посланник г. Диаманди, простудившись на охоте, заболел, и состояние его здоровья внушает некоторые опасения. При этом г. Арион, как бы невзначай, спросил барона Шиллинга, правда ли, что г. Шебеко поехал в Румынию. Барон Шиллинг изобразил полное удивление и сказал, что ему ничего об этом не известно, но г. Арион возразил, что сведение об этом получено им из вполне достоверного источника. Предвидя, что приезд Шебеко в Бухарест со дня на день все равно станет известным, барон Шиллинг счел нужным сказать румынскому секретарю, что уже давно Шебеко однажды говорил ему, что дело о взаимном соглашении между Россией и Австрией на предмет разрешения дипломатам обеих сторон вывезти свои вещи из Вены и Петрограда медленно подвигается вперед и что поэтому ему, Шебеко, кажется наилучшим самому съездить в Румынию для налажения перевоза вещей через эту страну, если упомянутое соглашение состоится. Барон Шиллинг уже тогда обратил внимание Шебеко на то, что такая поездка неминуемо вызовет всякие кривотолки, на что бывший посол в Вене возражал, указывая на невозможность из-за подобных соображений совершенно жертвовать личными делами. Припоминая этот разговор и зная, что в настоящее время Шебеко находится где-то на юге в деревне, барон Шиллинг может объяснить себе сообщенный г-ном Арионом слух лишь тем, что Шебеко, может быть, решил осуществить свое намерение, не обращаясь за разрешением в министерство на эту поездку.

---

[1]) Об эпизоде приезда М. А. Васильчиковой в Петроград с письмами от Эрнста Гессенского к Николаю II и Александре Федоровне см. М. Палеолог «Царская Россия во время мировой войны», стр. 310—314, также — Д. Бьюкенен «Мемуары дипломата», стр. 145, мемуары Неклюдова «Dipl. Reminiscences», London, 1920, XX, pp. 372—375.

Ясно, что посещение Ариона имело целью именно выведать истинные причины путешествия Н. Н. Шебеко, так как после своего разговора с бароном Шиллингом он поднялся в Ближне-восточный отдел, где поставил тот же вопрос К. Н. Гулькевичу [1]). Последний дал ему сходный с бароном Шиллингом ответ и, пожалуй, даже в еще более общих чертах.

15 декабря 1915 г.

Получение в министерстве письма генерала Алексеева по персидским делам.

18 декабря [2]) 1915 г.

В Совет Министров министр внутренних дел Хвостов сообщил, что, согласно полученным им указаниям, он распорядился высылкой в Черниговскую губернию М. А. Васильчиковой с обязательством пребывать там в имении сестры ее Милорадович. При этом, по словам А. Н. Хвостова, у М. А. Васильчиковой был произведен обыск, обнаруживший в числе ее бумаг список лиц, которые, согласно сделанной на нем пометке М. А. Васильчиковою, могли быть ей полезны в России при осуществлении ею возложенных на нее поручений.

18 декабря 1915 г.

Прием государем императором Н. Н. Шебеко на царской ставке.

20 декабря 1915 г.

Возвращение Н. Н. Шебеко в Петроград. Его свидание с С. Д. Сазоновым и бароном Шиллингом.

28 декабря 1915 г.

Передавая барону Шиллингу содержание своего недавнего разговора с румынским посланником, итальянский посол рассказал, что в конце весьма откровенного и доверительного разговора, припертый к стене настойчивыми вопросами маркиза Карлотти, действительно ли Румыния готова силою воспротивиться возможному давлению со стороны Германии, г. Диаманди воскликнул: «En tout cas c'est toujours bien de le dire» [3]). Сказавши это, румынский посланник поспешно вышел, видимо, недовольный тем, что у него вырвались эти слова. Из последних итальянский посол заключил, что, уверяя представителей Четверного Согласия, что они не поддадутся германским требованиям, румыны не искренни и что, в случае серьезного давления со стороны Берлина, они будут способны подчиниться и примкнуть к Австро-Германии.

(Окончание следует.)

---

[1]) Гулькевич, К. Н., — советник II политического (Ближневосточного) отдела м-ва ин дел.

[2]) «В подлиннике слово «декабря» надписано сверху над зачеркнутым словом «ноября».

[3]) Во всяком случае, об этом хорошо напомнить».

Развал колчаковщины.

(Из дневника В. Н. Пепеляева.)

Разгромленные под Златоустом армии Колчака отходили в июле 1919 г. в район Челябинска, где их ждало новое поражение от наступавшей 5-й Красной армии. Военные действия переносились теперь на территорию Сибири, крестьянство которой в значительной своей массе давно уже вело упорную партизанскую борьбу с колчаковщиной, дезорганизуя тыл армии, приводя в негодность коммуникацию, отвлекая значительные силы на многочисленные внутренние фронты. В городах усиливалась деятельность большевистских организаций, чрезвычайно нервировавшая властей. Начали поднимать голову мелкобуржуазные право-социалистические группы. Обещанная помощь союзников не приходила, тыл армии явно разлагался, и к осени 1919 г. крах белого движения в Сибири уже явственно обозначился.

Не было недостатка в «планах спасения». Одни — как министр внутренних дел В. Н. Пепеляев, автор публикуемого дневника, и главнокомандующий армиями ген. Дитерихс искали выхода в развитии широкого добровольческого движения, в объявлении большевикам «религиозной войны», с чем особенно много носился мистически настроенный ген. Дитерихс, зазывая беженцев записываться в дружины «святого креста» и «зеленого знамени» (мусульманские дружины). Другие считали необходимым смягчить режим единоличной военной диктатуры, ими же выдвинутой, созданием представительного органа, со скромными законосовещательными функциями, проектируя для этого или расширить компетенцию уже существовавшего Государственного экономического совещания (проект Гинса) или же созвать новое государственное совещание (проект левых к.-д.). Третьи (представители земских и право-социалистических кругов) договаривались до уничтожения диктатуры и ратовали за немедленный созыв Земского собора, за отказ представительствовать за всю Россию и за воссоздание областного сибирского правительства.

Наряду с этими планами существовали еще и более реальные программы иностранных интервентов, на которые по преимуществу и ориентировался адмирал Колчак и поддерживавшие его круги. «У меня был ген. Нокс, — записывает 22 сентября В. Н. Пепеляев в своем дневнике. — Он взял резолюцию Сибкомуча для сообщения Черчиллю. От последнего он получил инструкции поддерживать исключительно верховного правителя». Сам адмирал плохо разбирался в политических вопросах и, будучи к тому же человеком, мало уравновешенным и поддающимся влиянию окружающих его людей, быстро принимал решения, делая одну тактическую ошибку за другой, нервничал, раздражался, ездил непрерывно на фронт...

Публикуемые отрывки из дневника ближайшего сотрудника адмирала Колчака, министра внутренних дел, позднее в дни агонии колчаковщины, премьер-министра колчаковского правительства, В. Н. Пепеляева, охватывают время с 1 июля по 31 октября 1919 г. *), — время, которое можно характеризовать, как дни развала колчаковщины. Записи эти представляют большой интерес.

Читая дневник, вы чувствуете, как разлагалась заживо колчаковщина: «Я поднял среди министров вопрос о более авторитетных докладах в совете министров по военным делам, чем те, которые делаются сейчас, — они поверхностны и тенденциозны; в них стремятся больше кого-нибудь обвинить, а других выгородить» (запись 3 июля). Истинное положение скрывалось даже от министров; в записи следующего дня, говоря о докладе ген. Андогского в совете министров, Пепеляев опять добавляет: «Сказано не все». Между тем лица, близко знавшие обстановку на фронте, непосредственные участники военных действий, как командарм 1 Сибирской ген. А. Пепеляев (брат автора дневника), пытаются еще чем-то предотвратить надвигающуюся катастрофу, выдвигая наивные проекты: «Сегодня меня вызвал по проводу из Тюмени Анатолий,—читаем под 25 июля, — он почти безнадежно смотрит на положение, если армия, «которую нужно создавать снова», не услышит от самого «народа» призыва к борьбе». Сам Колчак чувствовал, что ставит последнюю карту, принимая бои под-Челябинском: «верховный правитель объяснил мне обстановку на фронте и смысл боев в районе Челябинска, которые начнутся частью сегодня, частью 28-го. Генерал Дитерихс, — сказал правитель, — был против этих боев и за отход без боя от Челябинска, но я приказал дать бой. Это риск: в случае неудачи мы потеряем армию и имущество. Но без боев армия все равно будет потеряна из-за разложения. Я решил встряхнуть армию» (запись 25 июля).

В дневнике В. Н. Пепеляева мы найдем ценные свидетельства о тех военных приготовлениях, которые велись в Северо-западном крае и Финляндии летом 1919 года, когда англичане и ген. Юденич подготовляли новый поход на Петроград, свидетельство о торге с Финляндией за помощь в походе: «Финны за участие во взятии Петрограда требуют признания независимости, самоопределения населения Карелии и Олонецкой губернии». Как известно, соглашения так и не удалось достигнуть.

Вопросам интервенции в дневнике уделено немало внимания; чего стоит цитированное уже нами выше сообщение о присылке ген. Ноксу инструкции Черчилля на случай затеваемого земцами переворота или такая запись (от 13 июля): «Через два месяца кончится всякая помощь Англии. В сущности, в Англии помогают нам два человека — Черчилль и Бальфур». Из дневника мы узнаем о приглашении взамен мало надежных чехов — японцев «в количестве двух дивизий для охраны дороги к западу от Байкала». Правда, через две недели после того, как отметил у себя в дневнике об этом Пепеляев, был получен не совсем утешительный ответ: «Комитет по внешней политике Японии обсудил вопрос о посылке войск на запад от Байкала; понимая мотивы, по которым мы об этом просим, Япония не может этого сделать, ибо это не будет понятно для ее общественного мнения. Далее идут хорошие слова и готовность помогать на Востоке».

Кое-что узнаем из дневника и о миссии Морриса — американского посла в Токио, побывавшего, по поручению президента Вильсона, в Омске и выступившего по возвращении в Вашингтон с предложением скорейшего признания правительства Колчака, чтобы оказать ему «моральную поддержку» в трудные дни.

---

*) Дневник велся В. Н. Пепеляевым с 14 сентября 1918 г.

Автор дневника — один из активнейших деятелей колчаковщины, ее идеолог, принимавший самое непосредственное участие в подготовке переворота 18 ноября 1918 года, поставившего у власти адмирала Колчака взамен свергнутой Директории. Человек, которому Колчак лично был многим обязан, — В. Пепеляев близко стоял к правительству, был постоянным членом совета верховного правителя, где решались обычно все важнейшие политические дела, был посвящен во многие вопросы, которые оставались неизвестными другим членам совета министров. Поэтому его дневник является одним из важнейших источников при изучении интервенции и гражданской войны в Сибири.

Пепеляев (Виктор Николаевич) — сын военного, воспитывался и вырос в Сибири; по окончании университета был преподавателем истории в средне-учебных заведениях г. Бийска. Был членом Государственной думы 4-го созыва от Томской губернии, где примыкал к фракции к.-д. В годы империалистической войны В. Н. Пепеляев работал на фронте по организации питательных отрядов.

Вскоре после Февральской революции он был командирован Врем. правительством в качестве комиссара в Кронштадт для восстановления там гражданской и военной власти. Из Кронштадта он вынужден был, под давлением революционных масс, вскоре уехать обратно. Летом 1917 г. В. Пепеляев, правый кадет, монархист, был уже в рядах корниловских частей в качестве добровольца в 8-м сибирском мортирном дивизионе. После Октябрьской революции он становится деятельнейшим членом кадетской контрреволюционной организации — «Национального Центра» (член Московского отдела «Национ. Центра»). По командировке этой организации, после выступления чехов, Пепеляев пробирается (в августе 1918 г.) в Сибирь, где вскоре повел энергичную агитацию за установление единоличной диктатуры. Осенью этого года он совершает объезд всех крупнейших сибирских городов, до Владивостока включительно, инструктируя по пути кадетские партийные комитеты и подготовляя переворот в пользу Колчака. Через несколько дней после переворота Колчак назначает его директором департамента милиции, затем тов. министра внутренних дел, министром внутр. дел и, наконец, премьер-министром.

До последних дней В. Н. Пепеляев не покидал Колчака, с ним вместе был арестован в Нижнеудинске и доставлен в Иркутскую тюрьму и в ночь на 7 февраля 1920 г., по постановлению Иркутского Военно-Революционного Комитета, расстрелян одновременно с «верховным правителем».

Извлечения из дневника В.Н.Пепеляева частично были опубликованы в журнале «Красные Зори» (№№ 4 и 5), издававшемся в Иркутске в 1923 г. (начало записей—по 29 июля 1919 г.). Дальнейшие записи, за прекращением этого издания, в печати не появились.

Настоящий текст дневника воспроизводится по машинописной копии, снятой повидимому в Иркутске в 1920 г. и хранящейся в настоящее время в Центральном Архиве Октябрьской Революции в Москве (фонд 195, ВД I—1а).

Текст дневника подготовил к печати и снабдил примечаниями А. Н. Турунов.

Редакция.

Июль [1919 г.].

1. — Это будет самый тяжелый месяц. Вероятно на-днях будет оставлена Пермь, если не произойдет чего-нибудь. Сегодня в совете министров делался обычный обзор. Нас уверяли, что Западная армия

пережила кризис и почти прекратила отход [1]). Сегодня мы видим, что она за несколько дней весьма подалась назад. Общий смысл событий тот же, что и в начале — Сиб. армия отходит, главным образом, из-за отхода Западной. Из желания кончить Гайду, здесь искажают смысл происходящего [2]). Этому должен быть поставлен предел.

3. — *Четверг.* Вечером оставлена Пермь.

Наша флотилия сгорела. В реку был выпущен мазут, а кто-то [его] поджег. Так погибло 25 судов. Смирнов этого не сумел предвидеть [3]).

Я поднял среди министров вопрос о более авторитетных докладах [в] совете министров по военным делам, чем те, которые делаются сейчас, — они поверхностны и тенденциозны; в них стремятся больше кого-нибудь обвинить, а других выгородить. Мое предложение будет осуществлено.

4. — Совет министров. Доклад генерала Андогского о фронте [4]). Сказано не все. Телеграмма от Деникина о политическом совещании [5]).

---

[1]) Западная армия Колчака, находившаяся под командованием ген.-майора Сахарова, в июне потерпела ряд поражений, вынуждена была оставить Уфу и отойти в район Златоуста. Наступление Сибирской армии, захватившей было перед этим на севере г. Глазов, приостановилось, Сибирская армия должна была отступить, чтобы выпрямить линию фронта.

[2]) Сибирской армией, оперировавшей в северном направлении, командовал ген.-лейт. Гайда, чех, перешедший на службу в армию Колчака. Против честолюбивого генерала деятельно интриговали в омских военных кругах. В июне Гайда прислал из Перми на имя Вологодского (премьер-министра) ультимативную телеграмму убрать нач. штаба ген. Лебедева, которого он объявлял преступником, намеренно мешающим его действиям и разрушающим фронт; предлагал, как крайнюю меру, назначить его самого командующим всем фронтом. Колчак выезжал на фронт выяснить этот инцидент.

[3]) Контр-адмирал Смирнов, Михаил Иванович, управляющий морским министерством, член влиятельного реакционного кружка министра финансов Ив. Михайлова, сослуживец Колчака по Черноморскому флоту, где занимал до 1917 г. должность начальника штаба.

[4]) Ген. Андогский, Александр Иванович, б. начальник академии ген. штаба, эвакуированной в Казань, сдался белым при занятии Казани осенью 1918 г., у Колчака занимал должность 1-го ген.-квартирмейстера штаба верх. главнок. Принимал близкое участие в политической жизни Омска. В совете министров часто делал стратегические обзоры, освещая события обычно в оптимистическом свете. После падения колчаковщины эмигрировал на Восток.

[5]) Телеграмма вероятно касалась конфликта Деникина с «Политическим совещанием» в Париже, вокруг которого группировались кадеты и которое представляло интересы парижской биржи. Совещание считало себя полномочным руководить политикой правительства Добровольческой армии, находя существующий у Деникина строй излишне реакционным. Деникин, недовольный, в свою очередь, политикой французского правительства в отношении Добр. армии и политическим курсом Совещания, опираясь на поддержку Англии и правых группировок Особого совещания, ответил, что считает бесполезным намерение навязать ему это руководство «со стороны лиц, оторванных от России, не знающих и не понимающих вовсе той обстановки, в которой совершается в ней трудное дело государственного строительства».

6. — У меня был ген. Розанов, приехавший из Красноярска. Беседа была весьма содержательной. Я старался, между прочим, обратить его внимание на Урянхай. Выяснился общий взгляд [1]).

Совещание. Сукин сообщил о проекте соглашения Юденича с Финляндией [2]). Финны за участие во взятии Петрограда требуют признания безусловной независимости, самоопределения населения Карелии и Олонецкой губ. и т. д. Предложение отклонить и ответить в духе нашей ноты. Предстоит решить вопросы о чехах; воевать они не расположены. В связи с этим выдвигается вопрос о приглашении японцев к охране к западу от Байкала. Поднимает этот вопрос ставка, Сукин не возражает. Деникин занял большое пространство: Екатеринослав, Богодухов, Белгород, Лиски, Новохоперск, Балашев, Царицын. Возможно, что дальше наступление будет труднее.

На одном из советов [3]) правитель сказал, что получил сведения, раскрывающие смысл фраз Деникина об измене в тылу. Вокруг его борются две партии: одна — за связь с Сибирью и признание адмирала, другая — за самостоятельный поход на Москву. Своим признанием правителя Деникин, очевидно, хотел положить предел неопределенности, которую желали использовать. А последним актом он отправил в путешествие беспокойных людей.

9. — О политическом совещании телеграфировал Нератов (см. 4-е). Очевидно, у Деникина случилось нечто вроде переворота: часть —

[1]) Ген.-лейтенант Розанов, Сергей Николаевич, «особоуполномоченный по охране государственного порядка и общественного спокойствия по Енисейской губернии и Нижнеудинскому уезду Иркутской губернии», начальник карательной экспедиции (из русских и иностранных отрядов — чехов, итальянцев и др.), разгромившей летом 1919 г. очаги партизанского движения в Енисейской губ. и потеснившей отряды партизан в тайгу. Военные действия экспедиции были начаты в конце мая и продолжались до 20 июня, сопровождаясь большими жестокостями. Манские партизаны под командой А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина с боями отступили через Минусинский уезд в Урянхай, где заняли город Белоцарск и расположились для формирований. Розанов прекратил преследование отступавших и ограничился разорением их деревень, многие из которых были сожжены им дотла. Повидимому, в разговоре с Розановым Пепеляев указывал на необходимость вести дальнейшую борьбу с партизанами и на территории Урянхая.

[2]) Сукин, Иван Иванович, б. чиновник русской миссии в Вашингтоне (в 1917 г. при Бахметьеве), до этого побывал во Франции, Италии, Греции, Галиции. Входил в группу И. Михайлова и пользовался личным влиянием на Колчака; постоянный участник совета верховного правителя; по его докладам, советом принимались ответственнейшие решения в области внешней политики; после ухода Ключникова управл. министерством иностр. дел.

[3]) Совет верховного правителя должен был служить связью между правителем и советом министров, фактически же его роль была более значительной. Это была своего рода «звездная палата», где обсуждались и решались все важнейшие политические дела, вопросы иностранной политики, изменения в личном составе правительства и т. д. В состав этого совета входили: премьер-министр (Вологодский), министр вн. дел (сначала Гаттенбергер, затем В. Пепеляев), мин. иностр. дел (Ключников, затем Сукин), мин. финансов (Михайлов), главноуправляющий делами верх. правителя и совета министров (Тельберг, затем Гинс), часто на заседания приглашались и другие лица по личному усмотрению Колчака.

Драгомиров, Нератов, Соколов отправлены в Париж как бы для информации омского правительства; другая часть оставлена [1]).

9. — Вечером прибыл правитель с фронта.

В вагоне он нам (Вологодский, Тельберг, я, Сукин, Лебедев, Андогский) [2]) сообщил свои впечатления. Положение отчаянное. Возможно, будут сданы Екатеринбург и Челябинск (по мнению ген. Дитерихса) [3]).

10. — *Четверг.* Совет правителя. Решено упразднить должность верховного уполномоченного на Дальнем Востоке. Хорват [4]) совер-

---

[1]) В состав отправленной Деникиным в Париж делегации входили: возглавлявший ее ген. А. Драгомиров — председатель совещания главнокомандующего военными силами на юге России, А. А. Нератов и приват-доцент Петрогр. университета, к.-д., К. Н. Соколов. Делегации официально ставилась цель — завязать непосредственные сношения с Колчаком (через заграницу), получить от него необходимые инструкции и полномочия для деникинского правительства, ознакомить его с законодательной деятельностью Екатеринодарского правительства и состоянием областей, подчиненных ген. Деникину.

[2]) Тельберг, Георгий Густавович, юрист, проф. Томского университета, деятельный член к.-д. партии, занимал в правительстве Колчака должность главноуправляющего делами верх. правителя и совета министров и министра юстиции. Стоял близко к политической жизни Омска, входя в кружок Ив. Михайлова. В конце 1919 г. эмигрировал на Восток.

Лебедев, Дмитрий Антонович — полковник, приехавший в Сибирь из Добровольческой армии, быстро сблизившийся с Колчаком, который произвел его в генерал-майоры и назначил начальником штаба верх. главнокомандующего, а затем военным министром, с оставлением в прежней должности нач. штаба. Входил в кружок Ив. Михайлова и играл видную роль в политической жизни Омска, деятельно интригуя против Гайды и др. После неудачи военной операции под Челябинском, приказом Колчака от 9 августа, был смещен с должности нач. штаба и назначен командующим отдельной степной группой на правах командующего армией. До падения Колчака успел пробраться на Дальний Восток.

[3]) Ген.-лейт. Дитерихс, Михаил Константинович, во время империалистической войны был в штабе юго-западной армии, занимая при ген. Алексееве должность ген.-квартирмейстера юго-зап. фронта, затем командовал на Салоникском фронте одной из дивизий (до июня 1917 г.), в августе 1917 г. участвовал в походе на Петроград ген. Крымова. Получив от Керенского предложение занять пост военного министра, отказался и предпочел работать в ставке (у Корнилова и Духонина), где занимал пост ген.-квартирмейстера. После Октябрьской революции перешел на службу в чешские легионы (нач. штаба); под его руководством передовые эшелоны чешских войск захватили Владивосток. В начале 1919 г. Дитерихс перешел на службу в армию Колчака, получив должность генерала для поручений. После ухода Гайды был назначен командующим Сибирской и Западной армиями, позднее главнокомандующим и исп. об. нач. штаба верх. правителя. 12 августа назнач. вр. управл. военным министерством с оставлением в прежних должностях; последнее время пропагандировал идею объявления «священной войны» большевикам.

[4]) Должность верховного уполномоченного на Д. Востоке была создана в результате достигнутого Вологодским компромисса с правительством ген. Д. Л. Хорвата во время поездки во Владивосток осенью 1918 г. 27 сентября 1918 г. был подписан секретный акт, которым правительство Хорвата упразднялось, но лично за ним сохранялось наместничество на Д. Востоке. Некоторые из членов

шенно бездействует. Будет назначен комвойсками ген. Розанов. Досадно, что Хорват не приехал в Омск.

Я уж давно стараюсь разрешить вопрос об Урянхае. Как будто бы подвинулось. Край нельзя терять.

Притязания Финляндии, выставленные ею при переговорах с Юденичем по вопросу о походе на Петроград, признаны явно неприемлемыми. Документ есть.

11. — Пятница. Мой доклад. Правитель не начинал разговоры, — я то же.

Совет министров. Прошло упразднение верховного уполномоченного.

Председательствовал уже Тельберг, так как Вологодский сегодня уехал в месячный отпуск на дачу [1]).

Доклад Андогского. Мы сильно отходим. Значительное число дивизий будет отведено в глубокий тыл для оформления. Из мимолетной беседы с Андогским я еще не усвоил ясно будущего строения действующей армии. Вместо Сибирской армии будет как будто две армии. Одной из них будет командовать Анатолий [2]), другой Лохвицкий [3]). Гайда ушел.

«Делового кабинета» вошли в состав Врем. Сибирского правительства. Официальное положение о комиссаре на Д. Востоке было опубликовано несколько позднее в № 20 Собр. узакон. и распор. Вр. Сиб. Правительства. Пепеляев и Сукин были инициаторами смещения ген. Хорвата и замены его ген. Розановым, прославившимся своей деятельностью по борьбе с партизанами, расстрелами заложников в Красноярске и т. п. Они провели в совете правителя, минуя совет министров, вопрос об упразднении должности верх. уполномоченного по Д. Востоку. Совету министров оставалось только санкционировать отставку Хорвата, а через несколько дней Розанов, по настоянию Пепеляева, был назначен главным начальником Приамурского края.

[1]) Вологодский, получив месячный отпуск, уехал на курорт Боровое, его официальным заместителем в сов. министров остался Тельберг.

[2]) Генерал Пепеляев, Анатолий Николаевич, брат министра — автора дневника, молодой поручик, во время империалистической войны дослужившийся до чина полковника. Весной 1918 г. А. Пепеляев возглавлял в Томске подпольную военную организацию, готовившую выступление против советской власти. Руководил восстанием в Томске 28 мая 1918 г. перед приходом чехов. В Сибирской армии получил чин генерала, командовал Средне-сибирским корпусом, действовавшим в пермском направлении. В его армии гнездилась военная организация правых областников, сформированная капитаном Калашниковым, которая летом 1919 г. намеревалась совершить переворот, свергнуть Колчака и восстановить Сибирское Правительство. А. Пепеляев обращался к Колчаку с предложением созыва «Земского собора» (см. записи в дневнике 29 июля), в декабре сделал попытки вооруженных выступлений в ряде сибирских городов: Томске, Ново-Николаевске, Красноярске.

[3]) Ген.-лейт. Лохвицкий, Николай Александрович, командующий 2-й армией Колчака.

13. — Совещание. Вопрос об отношении между ставкой и правительством и о плане войны. К конкретным результатам не пришли, хотя некоторый итог в смысле выводов есть — это обнаруженная тенденция приблизить ставку к правительству.

Японцы приглашены в количестве 2 дивизий для охраны дороги к западу от Байкала вместо чехов [1]).

Через два месяца кончится всякая помощь Англии. В сущности, в Англии помогают нам два человека — Черчилль и Бальфур. Против Черчилля идет сильная кампания [2]).

5-й день нет данных о деникинском наступлении. Сведения черпались из большевистских радио, — их теперь нет.

Приезжие за последние дни из деникинской армии передают чрезвычайно интересные вещи: Деникин не пользуется популярностью; кумиром армии является молодой ген. Врангель. Деникин перед признанием адмирала был якобы накануне ареста. Совещание относится враждебно к Омскому правительству.

15. — На докладе правитель заговорил о фронте и сказал, что Анатолий будет командовать Северной армией.

Совет министров. Решено в пределах компетенции Государственного экономического совещания осведомить его об общем положении, — в части совещания [3]).

---

[1]) Дальше Иркутска японцы своих отрядов не двинули. Находясь в Иркутске, они больше всего интересовались Байкальскими тоннелями и топографическими съемками окрестностей города.

[2]) Черчилль Уинстон — военный министр и министр воздухоплавания (1918—1921), член консервативной партии. Один из вдохновителей английской интервенции. Сазонов в обширном письме из Парижа 17 июня 1919 г. писал Вологодскому, характеризуя политику держав в русском вопросе: «Несомненно, в нашу сторону поворот наблюдается в Англии, где инициатором явился военный министр Черчилль, сотрудничающий с группой наших парламентских друзей и деятелей, объединившихся вокруг члена палаты общин сэра Самюэля Хора. Приблизительно месяц тому назад, по приглашению последнего, я посетил Лондон, где имел беседу с королем, обнаружившим и на этот раз давно известную мне искреннюю благожелательность к России, лордом Керзоном и многими другими деятелями» (А. О. Р., ф. XXIX, ВД 4—16).

Бальфур, член консервативной партии, бывший премьер-министр (1902—1905), с декабря 1916 г. по ноябрь 1919 г. был статс-секретарем по иностранным делам, с 1919 по 1922 г. — лорд-президент совета министров.

Черчилль взял на себя личную ответственность за снабжение армии Деникина и Колчака и настойчиво продолжал вести эту линию, несмотря на протесты тройственного рабочего союза (союза углекопов, транспортных рабочих и грузчиков). Говоря о кампании, ведущейся против Ч., Пепеляев имеет, повидимому, в виду требование о невмешательстве во внутренние русские дела и о выводе английских оккупационных войск, заявленное в палате общин во время обсуждения русского вопроса.

[3]) Т.-е. совещание 13 июля по вопросу о взаимоотношении между ставкой и правительством (см. запись выше).

16. — Среда. Совет правителя. Тельберг не успел рассказать о предстоящем сегодня выступлении Устругова [1]) в Государственном экономическом совещании, как правитель гневно потребовал запретить Государственному экономическому совещанию вторгаться не в свою область.

Вызвал Андогского и разнес его за его сообщение в экономическом совещании [2]). Удалось уговорить. Я доказывал, что нужно проявить выдержку, и лучше ускорить окончание сессии, чем прибегать к репрессии в виде закрытия, на чем настаивал правитель.

Мне казалось, что удачным влиянием можно через экономическое совещание ликвидировать вредную общественную свистопляску, начатую блоком [3]).

Заседание экономического совещания. Делали сообщения Устругов и Червен-Водали [4]). Задали и мне вопросы, на что я ответил: «управляющий министерством внутренних дел испросит разрешения у пред-

---

[1]) Устругов, Леонид Александрович, министр путей сообщения, в 1918 г. входил в состав правительства «Автономной Сибири» (Дербера), затем перешел в «Деловой кабинет» Хорвата и, наконец, во Врем. Сиб. Правительство.

[2]) Генерал Андогский сделал в закрытом заседании Госуд. экономического совещания доклад о положении дел на фронте. В прениях по докладу, допущенных тов. председателя эконом. совещания В. А. Виноградовым (б. член Директории), были заданы некоторыми членами совещания вопросы об общем политическом положении. Гинс сообщает, что, узнав об этом в заседании совета правителя, Колчак стучал кулаками по столу и кричал: «Разогнать этот совдеп!» Тельберг с трудом уговорил его дождаться приезда Гинса, председателя экон. совещания, уехавшего с Вологодским в Боровое.

[3]) Блок политических и общественных объединений был создан стараниями кадет осенью 1918 г. В состав этого блока входили следующие организации: 1) Всероссийский совет съездов торговли и промышленности, 2) Центральный военно-промышленный комитет, 3) Совет кооперативных съездов, 4) Омский отдел «Союза Возрождения России», 5) Омский комитет эн-эсов, 6) Омская группа с.-р. («Воля народа»), 7) Восточный отдел центрального комитета к.-д., 8) Акмолинский областной отдел национ. союза, 9) Атамановская группа РСДРП («Единство»), 10) Казачьи войска (Сибирское, Забайкальское, Семиреченское и Иркутское).

С марта 1919 г. часть организаций, входивших в блок, стала пропагандировать создание представительного законосовещательного органа — вроде прежнего Госуд. Совета, составленного из представителей общественности по назначению и министров по должности; этим предполагалось ослабить влияние численно небольшой группы приближенных Колчаку лиц. Особенно горячо пропагандировалось это газетой Белорусова «Отечественные Ведомости». В июле блок повел агитацию за снятие Вологодского с поста председателя сов. министров и обновление кабинета. На место Вологодского выдвигались кандидатуры кооператора А. А. Балакшина — председателя блока, и журналиста Белорусова. Пепеляев и др. находили, что смена Вологодского произведет невыгодное впечатление внутри страны, и всячески противились этому.

[4]) Червен-Водали, Александр Александрович, тверской земец, б. член главного комитета союза городов, Моск. гор. управы и Всероссийского союза торговли и промышленности, к.-д., член правления «Национального Центра», работал у Деникина, был командирован в Сибирь «Нац. Центром» и Особым совещанием при Добровольческой армии.

седателя совета министров дать исчерпывающие сведения». Это будет касаться только вопроса о беженцах.

В совещании я узнал, что попытка группы членов его подсунуть политическую резолюцию (из 5 пунктов, из них главный — ответственное солидарное правительство) окончилась неудачей вследствие противодействия других [1]).

17. — В левых кругах смакуют неудачи. Даже «государственно мыслящие» на время поплелись за теми, у кого всегда на уме священный тезис: «если правительство терпит неудачи, надо предъявить к нему требования». Кто поправее, — ругает за неиспользование японцев, полевее — слышать не хотят о японцах и ругают за нежелание воевать чехов, проистекающее, по их мнению, от недостаточной демократичности правительства. Поправее — казаки, полевее — Белорусов [2]). Идиоты слушают и уверены, что правительство пропускает готовую помощь.

18. — *Пятница*. Доклад правителю. Изложил настроение «общественности». Правитель несколько раз прерывал меня: «Их надо арестовать!» Но я довел доклад до конца, из коего он мог убедиться, что все это не заслуживает столь большого внимания. Совет министров по предложению Тельберга назначил меня министром. Генералы

---

[1]) Группой членов экономического совещания выдвигались следующие пункты: «1. Борьба с большевизмом должна быть доведена до его поражения — никакие соглашения с Советской властью недопустимы и невозможны. 2. Созыв учредительного народного собрания на основе всеобщего избирательного права, по освобождении России, обязателен. 3. Строгое проведение в жизнь начал законности и правопорядка. 4. Невмешательство военной власти в дела гражданского управления в местностях, не объявленных на военном и осадном положении. 5. Создание солидарного совета министров на определенной демократической программе. 6. Срочное преобразование Государственного экономического совещания в Государственное совещание — законосовещательный орган по всем вопросам законодательного и государственного управления, с тем, чтобы все законопроекты, принятые советом министров, представлялись в госсовещание, как в высшую законосовещательную инстанцию, и отсюда поступали на утверждение верховной власти. Председательство в Государственном совещании должно быть возложено на лицо, не входящее в состав совета министров. Государственному совещанию предоставить права: а) законодательной инициативы; б) рассмотрения бюджета; в) контроля над деятельностью ведомств; г) запроса руководителям ведомств; д) непосредственного представления своих постановлений верховной власти».

[2]) Белецкий (литературный псевдоним Белорусов), Алексей Станиславович, журналист, б. землеволец, в течение 10 лет отбывал ссылку в Сибири, после разгрома революции 1905 г. эмигрировал во Францию, где оставался до весны 1917 г. Сотрудник «Русского Богатства», «Русских Ведомостей» и др. либеральных изданий. В 1919 г. редактировал в Уфе газету «Отечественные Ведомости», деятельно поддерживавшую Колчака. Один из членов учредителей сибирского филиала «Национального Центра». Председатель комиссии по выборам в Учредительное собрание, организованной Омским правительством. Летом 1919 г. вел пропаганду за учреждение при верх. правителе законосовещательного органа, имевшего целью приблизить правительство к населению. Умер в Иркутске 13 сентября 1919 г.

Бурлин [1]) и Андогский сделали весьма обстоятельные доклады о реорганизации армии [2]).

19. — Общественная буря разразилась делегацией к Тельбергу, который совместно с Сукиным внес успокоение. Паника начинает вообще стихать. А доходило до того, что я нашел необходимым произнести речь чинам ведомства.

Совет правителя. Красные активны только на Челябинском направлении.

Политическое совещание в Париже прекратило деятельность ввиду объединения правительств (телеграмма кн. Львова) [3]).

От деникинской делегации из Парижа пришла первая подробная информация.

Такаянаги — ничего определенного. Он опроверг перед Сукиным приписанное ему в «Новой Заре» заявление о помощи на фронте [4]).

20. — Днем меня вызвал правитель и задал вопрос о последней резолюции Иркутского губернского земского собрания. Я назвал ряд возможных мер, чрезвычайных и нормальных. Он просил к вечеру доложить [5]).

---

[1]) Ген.-майор Бурлин, Петр Гаврилович, нач. штаба верх. главнокомандующего.

[2]) Командование колчаковской армии пыталось использовать организационный опыт Красной армии, создавало культурно-просветительные отделы при всех штабах включительно до полковых, уничтожало «ненужные корпуса и бригады», сокращало армейские и дивизионные штабы, издало приказ о трехбатальонных полках и т. д.

[3]) В состав политического совещания входили: кн. Львов, Георгий Евгеньевич (б. премьер-министр Временного Правительства), Маклаков, Василий Алексеевич (б. член Госуд. Думы, к.-д.), Сазонов, Сергей Дмитриевич (б. министр иностр. дел), Чайковский, Николай Васильевич, глава Северного (Архангельского) правительства.

[4]) На смену уезжавшему из Омска начальнику японской военной миссии контр-адм. Танака приехал 14 июля японский генерал Ясутаро Такаянаги, бывш. представитель японской армии при русской ставке во время империалистической войны; в 1919 г. состоял в штабе японских оккупационных войск во Владивостоке. В омской газете «Новая Заря» было помещено интервью с ген. Такаянаги.

[5]) 7 июля в последнем заседании сессии Иркутского губ. земского собрания, в состав которого входило много представителей право-социалистических партий, группой гласных было оглашено внеочередное заявление о текущем политическом моменте. Положение признавалось обостренным настолько, что обходить его молчанием земское собрание не могло и предлагало выявить это в соответствующей резолюции, которая и была принята большинством всех присутствовавших при 4 воздержавшихся. В резолюции прежде всего отмечалось отрицательное отношение земского собрания к омскому перевороту 18 ноября 1918 г., следствием которого, по мнению земцев, была изолированность Омского правительства от населения. Принятая же правительством тактика ведет его еще к боль-

Я советовался с Тельбергом и другими министрами и остановился на предании суду. Яковлева решил вызвать в Омск [1]). Вечером снова был у правителя. Он одобрил. Много говорил со мной на тему об общем положении, о сегодняшнем приеме блока (в течение двух часов) [2]). И вдруг сказал: «Знаете, не кажется ли вам, что диктатура должна быть действительно диктатурой?» Разговор на эту тему не углубился. Правитель одобрил мое намерение съездить на фронт.

21. — Приехал Н. К. Волков. Интересного он рассказывает мало, так как ехал почти четыре месяца [3]).

шей изоляции от крестьянских масс. Все это вместе взятое создает малую авторитетность правительства и в международных отношениях. Выходом из создавшегося положения мог, по словам резолюции, служить лишь созыв Учредительного собрания. В виде добавления было принято: «Кроме того губ. земск. собрание считает необходимым созыв земского собора, как представительного органа на территории, освобожденной от большевиков, и как переходной ступени к Учредительному собранию».

[1]) Яковлев, Павел Дмитриевич — б. правый эсер и полит. ссыльный, управляющий Иркутской губернией. Узнав о предстоящем выступлении группы гласных на закрытии сессии земского собрания с политическим запросом, заблаговременно, утром 7 июля (резолюция была принята в тот же день в вечернем заседании, после чего состоялся банкет) выехал из города во главе небольшого отряда в отдаленный Окинский край (в отроги Саян), якобы для преследования партизанского отряда Каландарашвили. Возвратился в Иркутск из поездки только 4 августа и 12 августа выехал в Омск, по вызову Пепеляева для личных объяснений, где пробыл до 2 сентября.

[2]) Колчаком была принята в этот день делегация «омского блока политических и общественных объединений». В состав делегации входили: Филашев, Н. А., Куликов, В. В., проф. Устрялов, Н. В., Каргополов, Д. С. и Шендриков, Л. Н. Делегация довела до сведения Колчака точку зрения блока на политический момент, которая сформулирована в постановлении, принятом блоком в заседании 14—17 июля. Приводим полный текст, опубликованный в № 160 газ. «Русская Армия» от 29 июля 919 г.: «В настоящий ответственный момент омский блок политических и общественных объединений, побуждаемый сознанием гражданского долга, постановил довести до сведения Российского правительства следующее: так как одной из главных причин, обусловливающих наблюдаемое нынетяжелое положение на фронте и в тылу, является недостаточно твердое и планомерное проведение в жизнь начал права и порядка, высказанных в программных речах верховного правителя и в декларациях правительства, причем это уклонение от возвещенных принципов доходило нередко до полного их отрицания, блок полагает, что уклонения эти не должны иметь впредь место, а раз намеченные принципы — проводиться неукоснительно.

Вместе с тем только тесное сотрудничество правительства и государственномыслящего общества, идущих друг другу навстречу, может разрешить настоящий кризис.

Кроме того, ввиду сказывающейся потребности усилить наш фронт, блок считает необходимым принятие мер, отвечающих этой цели. Блок уверен, что правительство в разрешении этого вопроса останется верным своей традиции—искать выхода в согласии со всеми союзными державами, пребывая при этом верным идее великой, неделимой России».

[3]) Волков, Николай Константинович, уроженец Сибири, б. член Госуд. Думы 3 и 4 созывов, член ЦК к.-д. партии, б. тов. министра земледелия Временного Правительства (при Шингареве), член «Национального Центра». В Омск приехал из

У меня был с визитом ген. Такаянаги, сидел около часа. Дипломатических тем не затрагивалось. Больше вопросы о внутреннем устройстве. Он очень интересуется общественным мнением и вопросом о том, будет ли Учредительное Собрание, или созвано какое-нибудь государственное совещание.

Говорил по прямому проводу с Иркутском. Первый случай репрессии по отношению к земскому собранию. Я приказал произвести расследование об обстоятельствах принятия резолюции и возбудить судебное преследование. Во время разговора сместил временно управляющего губернией Агапьева и передал временное управление Цереринy [1]). Яковлев вызван в Омск. Он сейчас в отъезде.

22. — Вторник. У меня был с визитом бандидо-хамбо-лама, глава Урянхайского духовенства. У них тоже борьба партий. Хамболама хочет подкреплять свой авторитет русским шариком [2]).

В Урянхай назначенный ген. Попов [3]) только в воскресенье выехал. Большевики прорвались туда, нужно разрушить это гнездо непременно [4]). Китайцы там не страшны.

Доклад обычный.

Совет министров. Я провел последний организационный закон о главном врачебно-санитарном управлении [5]). Теперь надо решительно перенести центр тяжести в управление. Законодательствование кончено.

Екатеринодара окружным путем (через Константинополь, Сингапур, Шанхай и Владивосток) вместе с Червен-Водали, ген. Ногаевым и Лебедевым. Они выехали из Одессы 27 марта 1919 г., в конце июля были в Омске. В № 120 омской газеты «Правительственный Вестник» было помещено обширное интервью с Волковым и Червен-Водали («Политическая жизнь на юге России»).

[1]) В отсутствие управляющего губернией Яковлева его замещал советник губернского правления Агапьев, П. П., который был смещен Пепеляевым за допущенное им принятие земским собранием политической резолюции и заменен другим советником правления Цереринym А. П. — бывшим в царское время чиновником особых поручений при канцелярии Иркутского ген.-губернатора.

[2]) Ширетуй (настоятель) Дашипунцеглынского дацана (буддийского монастыря) Чжамцо приехал в Омск за утверждением в должности бандидо-хамболамы (главы) Урянхайского ламайского духовенства. Указ Колчака от 13 июня 1919 г. об утверждении его в этом звании напечатан в № 190 газеты «Правит. Вестник». Обычно назначение хамбо-ламы Урянхайского духовенства шло помимо русского правительства.

[3]) Ген.-лейт. Попов, Виктор Лукич, знаток Урянхайского края, был назначен Колчаком ген.-губернатором Урянхая и начальником карательной экспедиции.

[4]) Имеется в виду занятие г. Белоцарска (административного и торгового центра Урянхайского края) отрядом манских партизан под командой А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина.

[5]) Положение о главном врачебно-санитарном управлении министерсва вн. дел было опубликовано в № 226 «Правительственнаго Вестника» от 4 сентября 1919 г.

23. — Совет правителя. Ничего большого. Под Челябинском будут бои, которыми сейчас занято внимание правителя. Он отменил даже доклады министров, за исключением моих и министра внутренних дел.

Реорганизация армии продолжается.

В Омск на-днях прибыл американский посол Моррис (хотя в качестве как бы посла Вильсона, а не Америки). Чувствую, что наступает американская неделя, а может быть, и месяц [1]).

24. — Выступил в Государственном экономическом совещании по вопросу о беженцах.

25. — Сегодня меня вызвал по проводу из Тюмени Анатолий. Он почти безнадежно смотрит на положение, если армия, «которую нужно создавать снова», не услышит от самого «народа» призыва к борьбе. Этот призыв от народа он мыслит себе в образе голоса «земского собора», который нужно созвать «немедленно». Он ждет этого созыва, заявляя, что иначе не верит в создание армии, и хочет уйти. Я ответил ему, что не верю вполне в этот способ, и вообще не верю в искусственные меры, принимаемые от случая к случаю. Обещал продумать, доложить правителю и приехать к нему для более тесного взаимоосведомления. С провода я был у правителя в час своего доклада. Изложил ему беседу и предложил съездить на фронт, куда мне вообще нужно, кстати — разъяснить Анатолию обстановку, из которой он увидит, что голос народа получить не так просто. Правитель просил меня съездить.

В ставке, пока я дожидался провода, я узнал, что Челябинск нами потерян, хотя, быть может, и не окончательно. Верховный правитель объяснил мне обстановку на фронте и смысл боев в районе Челябинска, которые начнутся частью сегодня, частью 28-го. «Ген. Дитерихс, — сказал правитель, — был против этих боев и за отход без боя от Челябинска, но я приказал дать бой [2]). Это риск, — в случае неудачи мы потеряем армию и имущество. Но без боев армия все равно будет потеряна из-за разложения. Я решил встряхнуть армию. Если бы вы знали, что я пережил за эти дни!»

---

[1]) Повидимому, Пепеляев иронически намекает здесь на те преувеличенные надежды, которые возлагались до этого на военную помощь Японии в связи с командировкой в Японию ген. Романовского, — надежды, далеко не оправдавшиеся. Теперь, с приездом Морриса, Сукин, державшийся американской ориентации, усиленно муссировал сведения о реальной помощи со стороны американцев.

[2]) Наиболее надежной считалась 3-я южная армия, которую генерал Дитерихс хотел отвести на Тобол и тем сберечь. Начальник штаба верх. главнокомандующего ген. Лебедев стремился, наоборот, использовать эту армию для немедленного нанесения удара наступающей Красной армии. План Лебедева окончился неудачей, армии Колчака были разбиты под Челябинском, восстание челябинских рабочих в тылу колчаковской армии решило судьбу боев. Лебедев был вынужден после этого выйти в отставку и вскоре уехал на Восток.

Верховный правитель, действительно, выглядит измученным.

26. — Совет правителя. Еще до совета Андогский сказал мне, что начало боев «плюсовое».

Сукин сообщил полученную из Токио телеграмму. Комитет по всеобщей политике Японии обсудил вопрос о посылке войск на запад от Байкала; понимая мотивы, по которым мы об этом просим, Япония, однако, не может этого сделать, ибо это не будет понятно для ее общественного мнения. Далее идут хорошие слова и готовность помогать на Востоке.

29. — Сегодня выезжаю пароходом на фронт к Анатолию. Цель — переговорить с ним, лично увидеть фронт и проверить Тобольскую губернию. Правитель принял меня вчера и дал письмо для Анатолия, которое писал при мне и прочел. Поводом к нему послужило письмо правителю ген. Дитерихса, в коем последний пишет о разговоре с Анатолием и ген. Зеневичем [1]), когда они подняли вопрос о земском соборе. Письмо правитель написал довольно резко и раздраженно.

Август [2]).

13. — *Среда.* Приехал в Омск, узнал, что кризис. Блок и экономическое совещание, т. е. то, что называет себя общественностью, вопиют. Здоровее течение в казачестве — прямой подъем.

---

[1]) Ген.-майор Зеневич, Александр Константинович, командовал в I Сибирской армии корпусом. Когда эта армия была отведена в тыл для формирований, Зеневич оказался в Томске, затем в Красноярске, где участвовал во главе красноярского гарнизона в восстании против Колчака. В декабре 1919 г. им было написано ультимативное письмо Колчаку с требованием передачи власти земскому собору. (См. сб. «Последние дни колчаковщины», стр. 93—94.)

[2]) 7 августа, после свидания с братом в Тюмени, В. Пепеляев, приехав в Тобольск, созвал представителей различных правительственных учреждений, городского и земского самоуправлений, кооперативов и отдельных горожан и обратился к ним со следующею речью:

«Вы хотите знать правду. Вы ее услышите. Положение на фронте чрезвычайно серьезное — армия, которая раньше героически шла вперед, ныне под давлением противника отходит. Напор противника сдерживают редкие цепи храбрецов, порываясь иногда вперед. Это — уже не бегство, которое было месяц тому назад вследствие того, что пополнения не были достаточно устойчивы, это — отход с боями.

Но эти люди ждут помощи и смены, которая запоздала. Вы спросите меня: пришел ли я в отчаяние? Я отвечу вам: отнюдь нет. Я, во-первых, не допускаю мысли, чтобы беженское население не было бы достаточно использовано для формирования резервов; во-вторых, в тылу некоторые резервы вообще есть; в-третьих, успехи или неуспехи на нашем фронте нельзя рассматривать изолированно, — ведь генерал Деникин продолжает движение вперед.

Одно нужно усвоить, что надеяться можно только на самих себя, и живую силу в тылу надо создавать нам самим. Союзники живой силой нам не помогут. Материальная же помощь будет продолжаться. Я прямо скажу: нужно широкое добровольческое движение. Пора бросить уныние и растерянность и ожидание помощи со стороны.

При растерянности борьба будет окончена, и останутся только убийства. Сейчас необходимо: 1) чтобы все дали себе отчет в тяжелом положении, 2) проявили

14. — Министры хотят, как и общественность, чтобы ушли Михайлов и Сукин [1]). Я был у Вологодского с докладом.

15. — Был у ген. Хорошкина [2]). Затем у ген. Дитерихса. Он бодро смотрит на положение и готовится наступать. С Анатолием он переговорил и выяснил все вопросы, к обоюдному удовлетворению. У меня был Белорусов. Принимал журналистов [3]). Вечером совет министров высказался за отставку Михайлова и Сукина и за перемещение Тельберга и Гинса по должности главуправляющего.

Мой доклад [в] совете министров о выезде.

Прибыл правитель.

---

16. — *Суббота.* 3 ч. дня совет министров. Верховный правитель принял отставку Михайлова и не [отпустил] Сукина.

готовность к активным действиям и жертвам, 3) были проявлены в кратчайший срок организаторские способности тыла. Правительство уверено в возможности борьбы и будет ее вести, но она будет успешна только тогда, когда помощь общества будет действительной. Ищут лозунгов для борьбы. Но их придумывать нельзя от случая к случаю. Говорят о реакции. Требуют, чтобы правительство было демократичным... Кто говорит, что правительство реакционно, тот лжет. Правительство знает, что грехи прошлого нельзя и невозможно повторять. Оно вообще хочет опираться на все население. При этом надо знать, конечно, что часть тех, кто предъявляет из глубокого тыла к правительству неисполнимые требования, просто хочет ослабления борьбы. Работа их на руку большевикам. Поэтому правительство ставит себе задачей, своей первой задачей, объединить государственно-мыслящие, вернее сказать, государственно-действующие элементы. В конце своей речи я скажу вам прямо:

Перед вами выбор. Растерянность, паника, анархия и гибель всего или — соединение всех сил для отпора и спасения страны. Выбор ясен. Выбирайте». (газета «Русская Армия» № 176 от 16 августа 1919 г.).

[1]) В отсутствие Вологодского заместителем его Тельбергом было проведено в порядке чрезвычайного указа, помимо совета министров, положение о военном совете, к ведению которого отнесены были все важнейшие дела. Тельберг, Михайлов и Сукин приобретали еще большее влияние. По возвращении в Омск Вологодского в первом же заседании совета министров (12 августа) был поставлен вопрос о незакономерности проведенного Тельбергом указа. По настоянию совета министров Вологодский стал добиваться отставки Михайлова, Сукина и Тельберга.

Михайлов и Сукин были одиозны почти для всех общественных кругов Омска: Михайлова обвиняли в отсутствии серьезной финансовой программы, в неудаче проведенной им денежной реформы (изъятие керенок), в интриганстве и организации заговоров. Сукина считали лично заинтересованным в распределении заграничных заказов, говорили о влиянии, которое он имеет на Колчака при решении важных политических вопросов.

[2]) В отсутствие Пепеляева в Омске собрался 5-й круг Сибирского казачьего войска (открыт 7 августа), который закончился в день его возвращения в Омск (13 августа). Предполагался созыв казачьей конференции. Ген. Хорошкин был избран делегатом на эту конференцию от Уральского казачьего войска. Повидимому, Пепеляев хотел получить от него информацию о работах 5-го круга и настроении казачества.

[3]) Интервью Пепеляева с журналистами помещено в № 307 иркутской газеты «Свободный Край» и омской — «Русская Армия» (№ 177).

Совет верховного правителя. Правитель удручен «кризисом». Он подписал указы о Тельберге и Гинсе, но отложил о Михайлове, сказав, что предварительно [поговорит] с Л. Гойером [1]).

17. — В газетах беседа со мной. Михайлов получает отставку.

18. — Беседа министров с Моррисом [2]). Записываю ее подробно, ибо пребывание здесь Морриса — это, может быть, завершение периода наших отношений с союзниками и начало нового. Моррис хорошо говорит и — человек наблюдательный. Сначала производит неприятное впечатление заносчивостью позы, которое, однако, потом рассеивается. Он подробно изложил свои взгляды. Главные затруднения правительства («кризис») — в экономике, а не в военных неудачах. Никакое другое правительство не справится с задачами, пока не будет разрешен экономический вопрос. А он не может быть разрешен без помощи извне. План помощи разработан здесь представителями всех держав и сообщен их правительствам. Всего Сибири нужен кредит 200 миллионов долларов, из коих 90 миллионов — на армию. Железнодорожная помощь заключается в: 1) технике, 2) финансах, 3) охране пути. Для охраны нужно, по заключению ставки, 40 тысяч штыков. Моррис послал правительству Соединенных Штатов совет послать это количество войск. Затем идет помощь товарами. Здесь Моррис не сказал чего-либо вполне определенного. По мнению Морриса, помощь имеет смысл лишь в случае ее немедленности в пределах трехнедельного срока. Окончить его доводы...

18. — Я был у атамана Иванова-Ринова [3]). У него, по его словам, к 1 сентября будет 4 дивизии, т. е. 18 тысяч штыков и сабель. Он высказывается за упор верховного правителя на казачество и деревню.

19. — *Вторник.* Верховный правитель принял меня вечером. Говорили о съезде крестьян. Вчера об этом мне говорил Иванов-Ринов,

---

[1]) По словам Гинса, «адмирал долго колебался относительно Михайлова и без охоты подписал указ об его отставке. Сукина он ни за что не хотел отпустить» («Сибирь, союзники и Колчак», т. II, стр. 269). Назначение Гинса на место Тельберга «подписал без колебаний». 16 августа Тельберг и Михайлов были освобождены «по прошению» от занимаемых должностей. Взамен Тельберга — главноуправляющим делами верх. правителя и совета министров был назначен Гинс; взамен Михайлова управляющим мин. финансов назначен фон-Гойер, Лев Викторович, член Госуд. экон. совещания (член правления Русско-азиатского банка). Сукин остался управл. мин. ин. дел.

[2]) П. Моррис — американский посол в Японии, командированный в Омск президентом Вильсоном. Моррис приехал в Омск 22 июля вместе с командующим американскими силами на Д. Востоке ген. Гревсом.

[3]) Иванов-Ринов, Павел Павлович, б. полицейский чиновник, служивший в Туркестане (исправник одного из уездных городов), в 1918 г. принимал активное участие в свержении Советской власти в Западной Сибири. После ухода в отставку ген. Гришина-Алмазова занял пост военного министра Врем. Сибирского Правительства, ознаменовав свою деятельность рядом мероприятий, направленных к реставрации царских порядков в армии, — вдохновитель массовых расстрелов. Колчаком произведен в генерал-лейтенанты и поставлен во главе казачьих войск. По поручению Колчака осенью 1919 г. стал формировать казачий корпус, который должен был зайти в тыл наступавшей Красной армии (рейд на Курган).

который сегодня был у правителя. Я спросил, говорил ли он об этом с Ивановым-Риновым.

«Да говорил и он, но я сам об этом думал». Я сказал, что с самого разговора с братом о земском соборе я думаю о совете крестьян в форме или съезда представителей волостных земских управ или особых делегатов от волостных сходов, и предложил обдумать конкретно этот вопрос к его возвращению. Он едет сегодня в 3-ю армию, потом во 2-ю, всего дней на пять. Я рассказал правителю о действиях генерала Гайды в Иркутске, что мне сообщил приехавший управляющий губернией Яковлев. Ген. Гайда, злоупотребляя именем Анатолия, говорил общественным деятелям о необходимости переворота.

20. — Совет министров. Сукин сообщает, что при Юдениче все-таки создалось правительство, которое признало независимость Эстонии.

22. — Совет министров. Доклад о фронте. Потерянное соприкосновение с противником уж налицо снова. Он перегруппировался, две армии вместо трех. Южнее Кургана он наступает. Деникин хорошо наступает. Блестящий проект основных положений о выборах в Учредительное Собрание [1]).

24. — Так как большинство съезда — настоящие крестьяне, то я решил поговорить с ними о милиции. Кажется, произвело прекрасное впечатление. Я еще больше верю в съезд крестьян.

25. — Я был с отдельным визитом у майора Кошека [2]). Говорили о многом. Кошек не исключает возможности участия чехов на фронте.

26. — Доклад правителю; он крайне занят. Совет министров.

27. — Совет правителя. Говорили, между прочим, о добровольческом движении. Министры, однако, плохо этим интересуются [3]).

---

[1]) «Подготовительной комиссией по разработке вопросов о Всероссийском представительном собрании учредительного характера и областных представительных учреждений», под председательством Белорусова, были выработаны «общие положения», которые комиссия предполагала положить в основу будущего закона о выборах в «Национальное учредительное собрание». По поручению Вологодского, Гинс сделал в совете министров доклад о выработанных комиссией «общих положениях». По этому проекту Нац. учредит. собрание должно быть созвано на основании всеобщего, без различия пола, равного и тайного голосования, по одному депутату от одного избирательного округа, выбранного большинством голосов. Избирательной единицей должен служить уезд и город, крупные города разбиваются на ряд избирательных участков. Совет министров принял этот проект с незначительными поправками. Для рассмотрения его должно было быть созвано специальное совещание представителей различных общественных групп.

[2]) Майор Кошек — политический представитель Чехо-словацкой республики в Омске.

[3]) Отчаявшись в присылке иностранных войск, представители правых кругов повели деятельную кампанию за организацию широкого добровольческого движения, вербуя в дружины «святого креста» и «зеленого знамени» (мусульманские) добровольцев, преимущественно из беженской среды. В ряде крупных сибирских городов были основаны религиозно-патриотические общества «Святого креста», «Патриарха Гермогена» и т. п. Мистически настроенный ген. Дитерихс

28. — Верховный правитель со мной и ген. Голицыным [1]) был на собрании беженцев с Урала. Многолюдность, подъем. Встреча и простонародность собрания сильно подействовали на правителя. Он произнес прекрасную речь. Будучи у него после собрания, я сказал ему, что задача моя — приблизить его к простому народу. Собрание же убедило его в этой необходимости и верности. Правитель предложил мне ехать с ним на фронт.

29. — Совет министров. Доклад Сукина о союзниках. Среди глав. [?] совета министров снова идея комитета обороны, представителем коего называют меня. Я не в это верю.

Генерал Х[орошкин?] рассказал мне о казачьей конференции. Позиция неопределенна, форм нет. Вчера делегация от казаков была у правителя. Иванов-Ринов едет на фронт.

30. — Совет министров в присутствии верховного правителя. Правитель сделал простой и ясный анализ положения. Наши неудачи от приступа к большевизму, который еще не изжит. От этих приступов не спасут никакие перемены в составе министров. Между тем вред несомненный от перемен — налицо. Вывод — никаких перемен. Никаких также изменений сейчас в положении Государственного экономического совещания. Потом это возможно [2]). Правитель далее изложил сделанное ему заявление казаков. Верно, что ничего определенного. Наконец, правитель сказал несколько слов о фронте, где готовится наступление.

Сентябрь.

1. — Ген. Андогский сообщил мне по телеграфу о крупном успехе у Анатолия. Разбиты 6 полков красных и отходят. Был момент, когда потребовалось участие в бою даже штаба армии, который с писарями ходил в бой.

и В. Пепеляев были одними из горячих пропагандистов этих дружин. Деятельная пропаганда в печати и в публичных выступлениях велась в Омске, Ново-Николаевске, Томске и др. городах проф. Д. В. Болдыревым, проф. В. Ф. Ивановым, протоиер. Рождественским, Эрахтиновым, А. П., Миролюбивым, Н. И. и др. Дружины эти никакой роли не сыграли.

[1]) Ген.-лейт. Голицын, Владимир Васильевич, — начальник добровольных формирований. С мая 1917 г. Голицын состоял генералом для поручений при Корниловской ставке. В армии Колчака командовал 3-м уральских горных стрелков корпусом, после ранения на фронте уехал на излечение на Д. Восток, по возвращении в Омск стал во главе добровольческих дружин.

[2]) После июльского приема Колчаком делегации Госуд. эконом. совещания, когда даны были обещания созыва представительного органа, группа членов совещания, не ожидая инициативы совета министров, приступила к выработке проекта положения о представительном органе. Во второй половине августа был закончен выработкой проект «Положения о Государственном совещании» (законосовещательном органе), и частное совещание членов Госуд. экономич. совещания решило направить к Колчаку с этим проектом особую делегацию. Делегация принята не была. Если верить рассказу Гинса, дело было так: «Когда чиновник, заведывавший приемами, докладывал о делегации экон. совещания, у адмирала был

2. — Доклад. Верховный правитель настаивает, чтобы я ехал с ним на фронт. Он едет 4—5 сентября [1]).

3. — Сегодня я получил письмо от А. В. Карташева из Гельсингфорса от 25 мая (с оказией) [2]). Оно вводит в круг работы русских деятелей Финляндии за полгода. Как всегда, раздор внутри, и Юденич, видимо, не активен совсем. Им вертят. Русский северо-западный корпус мал и гол. Эстония и Финляндия презренно заносчивы. Совет правителя. Сукин сообщил, что получены сведения о свержении Юденича в пользу Родзянко [3]) офицерами, недовольными социалистическим правительством Лианозова и бесполезностью унижения перед Эстонией. Решено выждать и подтвердить оказание помощи персонально Юденичу. Правитель поделился сведениями с фронта.

4. — Я получил телеграмму от Карташева через Набокова [4]). Становится совершенно ясным рождение Лианозовского каби-

---

как раз один видный генерал, который имел превратное представление о деятельности совещания. Он сказал: «Этих господ следовало бы не принимать, а повесить». В приеме делегации было отказано, а когда я поднимал о ней вопрос, адмирал терял самообладание и буквально кричал, что когда армия разбита, его интересует белье, а не парламенты». Впрочем, Гинса самого подозревали в противодействии приему этой делегации. Составленный проект не удовлетворил ни совет министров (так как лишал его законодательных прав), ни правую часть совещания (они желали лишь персональных перемен в совете министров), ни «левую» (проект усиливал диктатуру). Оппозиция, во главе с Алексеевским, демонстративно вышла из состава эконом. совещ. после отказа в приеме делегации.

[1]) Колчак появлялся в это время в Омске лишь эпизодически на два-три дня, постоянно ездил на фронт, где устраивал смотры. Как-то совпадало, что после каждой его поездки Красная армия занимала тот или иной город. «Поехал сдавать Петропавловск», говорили в Омске.

[2]) Карташев, А. В., — проф. Петерб. духовной академии, б. министр вероисповеданий в правительстве Керенского.

В Финляндии к началу 1919 г. сосредоточилось до $2^1/_2$ тысяч бежавших из Советской России офицеров, для организации этих сил под председательством ген. Юденича образовалось совещание в составе следующих лиц: Карташева, А. В., Кузьмина-Караваева, В. Д. (воен. министр), генералов Кондзеровского и Суворова и промышленника Лианозова. Совещание вело переговоры с союзниками, Финляндией и Эстонией о плане занятия Петрограда. На территории Эстонии в восточной ее части в районе Нарвы сосредоточился северо-западный корпус численностью до 10 тыс. человек. Первое наступление Юденича сопровождалось некоторым успехом, его отряды заняли Псков и почти уже доходили до Гатчины. Скоро, однако, положение резко изменилось. Финны требовали за оказание помощи при занятии Петрограда признания независимости Финляндии, включая и территорию Карелии; Эстония также предъявляла ряд аналогичных требований. Юденич медлил, проявляя нерешительность. Тогда в дело вмешалась английская военная миссия во главе с ген. Марш и произвела coup d'tat, о котором пишет Пепеляев.

[3]) Генерал Родзянко, А. П., командовал белой северо-западной армией до вступления в должность командующего ген. Юденича. Крайний правый.

[4]) Набоков, Константин Дмитриевич, — чиновник царского министерства иностр. дел., б. секретарь русского посольства в Брюсселе (1906—1910 гг.) и Вашингтоне (1910—1912 гг.), ген.-консул в Калькутте (1912—1915 гг.) и советник посольства в Лондоне (1915 — 1917 гг.). Принимал участие в организации интервенции.

нета [1]). Этот «переворот» устроен английской миссией. «Независимая» Эстония пока не дает ответа, пойдет ли она на Петроград. Возможно, и не даст. Такова всегда плата за унижение. Карташев не участвовал в нем. 5—14 сентября поездка на фронт с верховным правителем. Были в 3-й армии [2]). Верховный правитель объезжал войска, а я волости.

15. — Совет верхправителя. Верховный правитель предложил [3]) обстановку на фронте. Сукин — отношение союзников к правительству и антиправительственному движению эсеров, я дополнил сведения о последних: сибирских эсерах, Сибирском Комуче и пр. [4]). Присутствовали: Краснов, Гинс, Устругов, Сукин, Гойер, я, Дитерихс, Дутов, Будберг [5]). Обмен мнений сосредоточивался на вопросе о созыве законосовещательного органа. Некогда писать все мотивы. Решено учредить государственное земское совещание. Верховный правитель издает грамоту.

16. — Мой доклад. Я сообщил, что ген. Розанов ничего не сообщает об обстановке на Дальнем Востоке. Правитель предложил пере-

---

[1]) В результате организованного англичанами переворота было образовано на основе коалиции так наз. Лианозовское правительство. В состав нового правительства вошли крупный бакинский нефтепромышленник С. Г. Лианозов, адвокат Моргулис, М. С., Иванов, Александров, К. А., адмирал Пилкин и др. Юденич остался в качестве военного министра. Для составления кабинета и для подписания акта о признании полной независимости Эстонии англ. военная миссия ультимативно назначила срок 40 минут, в противном случае грозила прекращением военной помощи. Началась деятельная подготовка нового наступления на Петроград; успех его зависел от помощи Финляндии и Эстонии, которые требовали предварительного подтверждения от Колчака признания их независимости. Но в Омске не хотели об этом и слышать. Эти настроения нашли себе отражение в записях Пепеляева.

[2]) Третья армия занимала в то время фронт западнее Петропавловска, район ст. Петухово.

[3]) Так в подлиннике.

[4]) Сибирский союз эсеров — отколовшаяся в 1919 г. от эсеровской партии группа во главе с Михайловым, Павлом Яковлевичем, бывшим членом Западносибирского комиссариата, активным участником свержения советской власти в Сибири в 1918 г. Союзом была выпущена летом 1919 г. декларация, в которой он обещал оказывать поддержку Комитету членов Учредительного собрания в деле свержения колчаковской власти и немедленном созыве сибирского учредительного собрания.

Сибирский Комитет членов Учредительного собрания состоял из так наз. «эсеров-активистов», искавших исхода в немедленном созыве Сибирского учредительного собрания, а до его созыва в создании врем. сиб. правительства, ответственного перед Сиб. Комучем.

[5]) Краснов, Григорий Адрианович, — государственный контролер.

Гинс, Георгий Константинович, — б. проф. Омского с.-х. института, главноуправляющий делами верх. правителя и совета министров и председатель Государственного экономического совещания, участник кружка Ив. Михайлова, один из приближенных к Колчаку лиц.

Ген.-лейт. Дутов, Александр Ильич, — войсковой атаман Оренбургского казачьего войска и команд. Оренбургской отдельной армией.

Ген.-лейт. барон Будберг, А., — управл. военным министерством.

дать ген. Розанову категорическое приказание сообщать все министру внутр. дел. Советом министров заслушана грамота [1]).

17—18. — В городе чешские и казачьи круги распространяют слухи о совершившемся будто бы во Владивостоке образовании но-

---

[1]) Приводим текст этой грамоты, распубликованной в колчаковских газетах:

«После длительной подготовки к наступлению, оружию нашему в тяжких и упорных боях ниспослан крупный успех.

Приближается тот счастливый момент, когда чувствуется решительный перелом борьбы и дух победы окрыляет войска и подымает их на новые подвиги.

И здесь, на востоке, куда устремлено ныне главное внимание противника, и на юге России, где войска генерала Деникина освободили от большевиков уже весь хлебородный район, и на западе, у границ Польши и Эстляндии, большевики потерпели серьезные поражения.

Укрепление успехов, достигнутых наступающими под верховным моим командованием армиями, предрешает завершение великих усилий и искупление тяжких жертв, принесенных на борьбу с разрушителями государства, врагами порядка и богоотступниками. Глубокое волнение охватывает борцов, чувствующих благословенное и радостное приближение мирной и свободной жизни. И вся страна, весь народ в едином непреклонном порыве к победе должны слиться с правительством и армией.

Исполненный глубокою верою в неизменный успех развивающейся борьбы, почитаю я ныне своевременным созвать умудренных жизнью людей земли и образовать Государственное земское совещание для содействия мне и моему правительству прежде всего по завершению в момент высшего напряжения сил начатого дела спасения Российского государства.

Государственное земское совещание должно далее помочь правительству в переходе от неизбежно суровых начал военного управления, свойственных напряженной гражданской войне, к новым началам жизни мирной, основанной на бдительной охране законности и твердых гарантиях гражданских свобод и благ личных и имущественных.

Такие последствия продолжительной гражданской войны всего сильнее испытывают на себе широкие массы населения, представляемые крестьянством и казачеством. Вызванная не нами разорительная война поглощала до сих пор все силы и средства государственные. Справедливые нужды населения по неизбежности оставались неудовлетворенными, и Государственное земское совещание, составленное из людей, близких земле, должно будет также озаботиться вопросами укрепления благосостояния народного.

Объявляя о принятом мною решении созыва Государственного земского совещания, я призываю все население к полному единению с властью, прекращению партийной борьбы и признанию государственных целей и задач выше личных стремлений и самолюбий, памятуя, что партийность и личный интерес привели великое государство Российское на край гибели.

Верховный правитель адмирал *Колчак*.

Дана в гор. Омске, сентября 16 дня, 1919 г.».

Из рескрипта П. В. Вологодскому:

«Петр Васильевич!

Постоянной заботой моей было создание тесного сближения власти и народа. Еще при открытии Государственного экономического совещания мною предуказана была необходимость привлечения широких кругов населения к разрешению важнейших государственных вопросов.

Ныне, когда с началом решительного наступления наших армий приближается момент наивысшего напряжения сил и когда опытом работ Государственного экономического совещания подготовлено дальнейшее развитие начатого

вого правительства [1]). Слухи эти смакуются любителями. Я отправил ген. Розанову телеграмму с требованием [освещения] обстановки, с намеком на последствия дальнейшего молчания. Жду ответа.

19. — У меня был главнокомандующий Восточным фронтом генерал Дитерихс, говорили о многом — общем положении — внешнем и внутреннем, милиции, военно-административном управлении. Дитерихс обещал ввести приказом обязанность начальников военно-административного управления делать доклады министру вн. дел. Дитерихс сказал, что он 2 часа тому назад отстранил Иванова-Ринова от командования корпусом за неисполнение приказания оперативного

узке сотрудничества в деле законодательства власти и народа, я признаю своевременным созыв Государственного земского совещания по преимуществу из представителей крестьянства и казачества, на которых выпала главная тяжесть борьбы.

Объявляя об этом своем решении особою грамотою, я поручаю вам, как председателю совета министров, разработать в ближайшее время проект положения о Государственном земском совещании, как органе законосовещательном, с правом запросов министрам и с правом выражения пожеланий о необходимости законодательных и административных мероприятий».

Постановление совета министров 16 сентября 1919 г.:

«Ознакомившись с грамотою верховного правителя от сего же числа о созыве Государственного земского совещания, совет министров с полным единодушием постановил:

Приветствовать этот мудрый акт и выразить твердую уверенность, что все население откликнется живой радостью на призыв верховной власти к полному с ней единению и с честью завершит борьбу с разрушителями государства» (газ. «Свободный Край», Ирк., № 331 от 19 сент. 1919 г.).

[1]) В оппозиционных правительству Колчака земско-городских кругах идея созыва Земского собора и заключения мира с Советской Россией получила к осени 1919 г. широкое признание. Надеяться на созыв этого собора легальным путем нечего было и думать, и эсеро-областники стали готовиться к перевороту, решив привлечь для этого находившегося в изгнании в Японии члена Директории ген. Болдырева и опального ген. Гайду. Переписка, которая велась по этому поводу с ген. Болдыревым, приведена в примечаниях к изданным «Воспоминаниям» его. В письме, датированном 25 сентября 1919 г., бывший председатель Сибирской областной думы И. А. Якушев писал ген. Болдыреву: «На 1 октября главным комитетом Сибземгора назначен съезд представителей земств и городов в Иркутске. Этот съезд, пополненный представителями казачьих и национальных самоуправлений, должен будет составить Земский собор. Необходимость создать для Сибири надлежащую обстановку и известную силовую поддержку вызвала образование к-та содействия созыву Земского собора, в состав которого входят представители общественных, земских и кооперативных организаций и представитель Центр. бюро сибирских военных организаций. Этот комитет действует полулегально и приступает к изданию большой газеты во Владивостоке.

Неопределенность положения на фронте и неустойчивость позиций Омского правительства выдвигала неизбежно вопрос о необходимости решительных действий до созыва собора. Эти действия мыслились во Владивостоке и одновременно по линии от Н.-Удинска до Тайшета. На этот случай совещанием общественных организаций была выдвинута в качестве временной до Земского собора власти группировка из пяти лиц».

характера (рейд на Курган) и заменил его ген. Беловым [1]). Совет министров — текущие дела.

20. — У меня был ген. Дутов. Он назначается снова командующим Оренбургской [отдельной армией]. Он начинал разговор об Иванове-Ринове в связи с отстранением.

21. — Совместное совещание совета министров и пяти представителей Гос. экономического совещания по проекту о Государственном земском совещании. Наибольшие прения, доходившие до остроты, возбудил вопрос о месте Государственного земского совещания в системе государственных установлений. 5 представителей хотели под прикрытием этого вопроса изменить акт от 18 ноября [2]). Я предложил поставить вопрос прямо об этом и не подходить как бы нечаянно. Вопрос неясен. Я лично готов изменить акт 18 ноября, но в пользу верховного правителя, а не в пользу случайных людей.

Вчера ушли первые отряды Святого креста и мусульман — всего 500 штыков и 100 сабель. 18-го им был сделан ген. Дитерихсом смотр, который совпал с молебствием по случаю грамоты. Были министры. Всем понравились дружины, а раньше некоторые министры советовали мне не связывать своего имени с этими «черносотенцами» и их движением. Я же предпочитаю связывать. На смотр из министров был приглашен только один я.

22. — У меня был ген. Нокс [3]) Он взял резолюцию Сибкомуча

---

[1]) Белов, настоящая фамилия Виттенкопф, курляндский немец, в 1918 г. в чине полковника занимал пост нач. главного штаба войск Временного Сибирского Правительства. При военном министре ген. Гришине-Алмазове представитель военной клики.

[2]) Пепеляев имеет здесь в виду так наз. «Положение о временном устройстве государственной власти в России», утвержденное советом министров 18 ноября 1918 г. на следующий же день после переворота. Приводим его полный текст:

«1. Осуществление верховной государственной власти временно принадлежит верховному правителю. 2. Верховному правителю подчиняются все вооруженные силы Российского государства. 3. Власть управления во всем ее объеме принадлежит верховному правителю. В делах управления подчиненного определенная степень власти вверяется, согласно закону, подлежащим местам и лицам. Верховному правителю принадлежит в особенности принятие чрезвычайных мер для обеспечения комплектования и снабжения вооруженных сил и для водворения гражданского порядка и законности. 4. Все проекты законов и указов рассматриваются в совете министров и, по одобрении их оным, поступают на утверждение верховного правителя. 5. Все акты верховного правителя скрепляются председателем совета министров или главным начальником подлежащего ведомства; из сего изъемлются указы о назначении и увольнении председателя совета министров, каковые скрепляются управляющим делами совета министров. 6. В случае тяжкой болезни или смерти верховного правителя, а также в случае отказа его от звания правителя или долговременного его отсутствия, осуществление верховной госуд. власти переходит к совету министров» («Русская Армия», № 2).

[3]) Ген.-майор англ. службы Нокс, Альфред Вильям Фортефью, начальник тыла союзных экспедиционных войск в Сибири. Активный участник переворота 18 ноября, по директивам английского военного министерства оказывал деятельную поддержку Колчаку. Нокс род. в 1870 г., военную службу начал в королев-

для сообщения Черчиллю [1]). От последнего он получил инструкции поддерживать исключительно [2]) верховного правителя. Американцами, в частности Моррисом, он крайне недоволен.

23. — Вторник. Прибыл утром правитель.

В 2 часа я ему делал доклад о работе «общественности» в связи с созывом Государственного земского совещания. Верховный правитель сказал, что он не допустит обсуждения вопроса об изменении системы власти. Правитель вызвал Сукина и предложил ему в моем присутствии сделать доклад о Дальнем Востоке. Поведение Америки возмутительно. Она предъявила нам требования убрать Семенова [3]), Калмыкова [4]), генерал Гревс [5]) задержал направленное нам оружие, за которое уже уплачено золотом. Чехи недовольны исключением Гайды [6]). Англия, Франция, Япония заявили Сукину, что они не имеют намерения поддерживать дальне-восточное движение против правительства. Моррис заявляет то же о себе лично. Япония еще не ответила на американскую ноту. Во время доклада мне сообщили, что получена телеграмма от Розанова о попытке переворота, предупрежденного вводом наших войск. Вечером совет министров сделал характеристику всех уездных земств и высказался за дополнительное представительство от групп.

Вечером я был у правителя с телеграммой с Востока. Была будто бы попытка переворота в ночь на 19 сентября, но расстроена вводом во Владивосток верных войск. В чем попытка, Розанов не сообщает.

У меня был приехавший из Германии (Берлин) поручик Черкес. Рассказывал о немцах и о русских в Берлине. Интересно.

ском Ирландском стрелковом полку в 1891 г., служил в индийской армии в 1899—1903 гг. — адъютант графа Керзона. В 1911—1917 гг. был военным атташе при русской армии. Видный член консервативной партии.

[1]) Вероятно, имеется в виду грамота председателя Сибирской областной думы о созыве Земского собора.

[2]) В подлиннике — «включительно».

[3]) Атаман Семенов, Григорий Михайлович, б. есаул Забайкальского казачьего войска. В конце 1917 г. организовал в восточном Забайкалье «Особый Маньчжурский отряд» для борьбы с Советской властью. Отряд этот летом 1918 г. был разбит Красной армией и вынужден был отступить на территорию Китая, где оставался до прихода чехов. После чешского переворота Семенов захватил Забайкалье и, опираясь на японцев, стал полным хозяином в крае.

[4]) Отряд атамана Калмыкова организовался в 1918 г. на восточной границе полосы отчуждения Кит. ж. дороги в районе станции «Пограничная» и состоял первоначально из бежавшего сюда офицерства и части казаков Уссурийского каз. войска. Во время колчаковщины отряд Калмыкова оперировал в районе Хабаровска, терроризуя население грабежами и насилиями. Поддерживался японцами.

[5]) Генерал Гревс командовал американскими отрядами на Д. Востоке. Колчаковцы обвиняли Гревса в помощи сучанским партизанам и в отказе оказывать содействие оперировавшим против партизан японским отрядам.

[6]) Колчак, узнав о заговоре, активным участником которого являлся ген. Гайда, лишил его чина генерал-лейтенанта.

Правитель сказал мне, что не надеется уладить инцидент с Ивановым-Риновым. Между [тем] Иванова-Ринова подогревают.

24. — Прибывший с Дона полковник Карамищев привез мне много материалов и письма от Федорова и от Павла Дмитриевича Долгорукова [1]). Протокол торжественного заседания 5 июля [2]) по поводу признания верховного правителя [3]) Федоров просил меня лично вручить адмиралу. Письмо Федорова содержит ответ на мое, где я указываю на необходимость признания.

Совет правителя. Правитель изложил обстановку на фронте. Иванов-Ринов возвращается. Рейд в тыл противника — сказал правитель, — такое дело, которого нельзя требовать от обыкновенного военачальника.

25. — Вручил правителю протокол заседания 5 июля [2]).

Правитель сегодня едет в 1-ю армию.

27. — Письмо от Анатолия.

29. — Вчера и ночью несколько телеграмм от ген. Розанова. Междусоюзный военный совет предъявил ультиматум о выводе из Владивостока войск, введенных ген. Розановым. Срок 12 час. 29 сентября [4]). Я предложил собрать совет министров. Верховный правитель с фронта приказал Розанову ответить отказом, а Сукину выразить союзникам протест [5]).

---

[1]) Федоров, М. М., б. управл. мин. торговли и промышл. в кабинете Витте, председатель совета Азовско-Донского банка, к.-д., член «Национального Центра», был командирован летом 1918 г. вместе с Н. И. Астровым и В. А. Степановым в Добровольческую армию, где они организовали отделение «Нац. Центра», во главе которого стоял Федоров. Был одно время членом Донского Гражданского Совета у ген. Каледина, играл видную роль в Особом совещании при Добровольческой армии.

Долгоруков, Павел Дмитриевич, — б. член Госуд. Думы 2-го созыва, деп. от Моск. губ., землевладелец, член ЦК партии к.-д.

[2]) В подлиннике ошибочно: «5 июня».

[3]) 5 июля в Екатеринодаре под председательством Федорова, М. М. состоялось торжественное объединенное собрание «Союза Возрождения», «Всероссийского Национального Центра» и «Совета Государственного Объединения» — политических организаций, активно поддерживавших Деникина. Собранием было отправлено Колчаку приветствие. С речами выступали Федоров, М. М., проф. Алексинский, И. П., Савич, Н. В., Астров, Н. И. и др. Протокол этого собрания напечатан в газете «Русское Дело», издававшейся Устряловым в г. Омске (см. №№ 1—4 от 5, 7, 8 и 9 октября 1919 г.).

[4]) Комитету содействия созыву Земского собора, замышлявшему переворот, удалось связаться с враждебными Колчаку «верхами Японии». Председатель междусоюзных комиссий военных представителей дивизион. генерал С. Инагаки обратился к колчаковскому командованию с ультимативным требованием немедленного вывода отрядов колчаковских войск из района Владивостокской крепости, под предлогом учиняемых ими бесчинств, которые терроризуют население. Если бы это осуществилось, заговорщики получили бы возможность к выступлению.

[5]) Вот текст посланной во Владивосток ген. Розанову телеграммы: «Владивосток, Генлейту Розанову. Повелеваю вам оставить русские войска во Влади-

Совет министров единодушно высказался в том же смысле и послал ген. Розанову приветствие по поводу его действий. Вообще, это первый решительный тон по отношению ко всем союзникам.

30. — Получено от Розанова уведомление, что союзники отказались от ультиматума.

Вечером прибыл правитель.

Октябрь.

1. — Совет правителя.

Первое заседание комиссии по законопроекту о Государственном земском совещании. Участвуют 5 министров и 5 членов Государственного экономического совещания. Обсуждение вполне деловое.

2—4. — Я выезжал на лошадях в Омский уезд. Собирал сходы крестьян и говорил им о намерениях верховного правителя, говорил в требовательном тоне.

Поразительное внимание и какое-то облегчение у них на душе. Сильной речью, за которой чувствуется власть, можно сейчас победить инертность и лукавство мужика. Но нужна работа власти, которую мужик должен видеть. Управлять уездом и губернией из города нельзя, — [пусть] это зарубит на носу каждый администратор. А их у нас надо заставить ездить. Приехал, узнал о взятии Тобольска [1]).

Безусловно подтверждается провал Национального Центра. В Москве расстреляны, видимо, Щепкин, Астров, Алферов и др. — всего 67 человек [2]).

востоке и без моего повеления их оттуда не выводить. Интересы государственного спокойствия требуют присутствия во Владивостоке русских войск. Требование о выводе их есть посягательство на суверенные права росс. правительства. Сообщить союзному командованию, что Владивосток есть русская крепость, в которой русс. войска подчинены мне и ничьих распоряжений кроме моих и уполномоченных мною лиц, не исполняют.

Повелеваю вам оградить от всяких посягательств суверенные права России на территории крепости Владивосток, не останавливаясь ни перед чем. Об этом моем повелении уведомьте также союзное командование. 12 часов 45 м. 29 сентября 1919 г. № 118 п. Адмирал *Колчак*» (г. «Русское Дело», № 11, от 18 окт. 1919 г.).

[1]) 31 сентября Красная армия стояла за р. Тобол, оставив белым город Тобольск.

[2]) В конце сентября 1918 г. в Москве и Петрограде был раскрыт Всероссийской Чрезвычайной Комиссией контрреволюционный заговор «Национального Центра», организации правых к.-д., активно помогавшей Деникину, Юденичу и Колчаку доставлением различных сведений о тыле Красной армии и готовившей переворот в Москве к моменту приближения Деникина. В № 211(763) «Известий ВЦИК» от 23 сентября 1919 г. опубликован «Список лиц, расстрелянных по постановлению Всероссийской Чрезвычайной Комиссии» за участие в заговоре. В числе 67 человек значатся упомянутые Пепеляевым председатель Московского отделения Национального Центра, бывший член Госуд. Думы 3-го и 4-го созывов, к.-д. Щепкин, Николай Николаевич, обвинявшийся в доставлении Деникину сведений о дислокации Красной армии; педагог, член к.-д. партии Алферов, Александр Данилович, и его жена, обвинявшиеся в содержании явочной квартиры для прибывающих в Москву за инструкциями и деньгами агентов Деникина и Колчака;

7. — Правитель выехал на пароходе в Тобольск, с ним Гинс и морской министр.

12. — На пароходе карпато-руссов [1]) ген. Дитерихс сказал мне, что туркестанская армия большевиков готова нам сдаться, идут переговоры. Вечером у меня был ген. Дитерихс. На нашем фронте устойчиво. 1-я наступает.

Под моим председательством происходят заседания подкомиссии по разработке положения о выборах в Государственное земское совещание. Было уже три заседания [2]). Работа идет спокойно.

---

14. — Сегодня собирались члены Национального Центра: Волков, Третьяков, Бурышкин, Червен-Водали, Кириллов и я, т. е. все, сколько здесь в Сибири националистов. Решили открыть отделение [3]).

15. — Еще одно лишнее правительство: в Берлине: Люц, Антонов, Демченко, Скоропадский, Бискупский и др. [4]).

Деникин взял Орел. Теперь, можно сказать, дорога на Москву открыта.

к.-д. братья Астровы, — Александр Иванович, проф. Петровской с.-х. академии, и Владимир Иванович, работавший в кооперации. О «Национальном Центре» и его заговоре подробные сведения приведены в статье М. Н. Покровского «Кадетский заговор» в №№ 213 и 216 «Известий ВЦИК» за тот же год.

[1]) 12 октября в Омске состоялся, после богослужения в соборе, парад и торжественные проводы на фронт 1-го карпато-русского стрелкового добровольческого полка; на церемонии присутствовали почти все министры, в том числе и Пепеляев.

[2]) В основу вырабатывавшегося комиссией проекта Госуд. земского совещания, был взят законопроект об учреждении Госуд. Думы.

[3]) Третьяков, Сергей Николаевич, к.-д., крупный московский промышленник, председ. правл. т-ва Большой Костромской мануфактуры «Третьяков-Коншин», акционер лесо-промышленных предприятий, тов. председ. Московского биржевого комитета, за болезнью Рябушинского фактический председатель биржевого комитета, член Моск. гор. думы, член ЦК «Земгора», в сентябре 1917 г. был приглашен Керенским на пост председателя Высшего экономического совещания на правах члена кабинета. В ночь на 26 октября был арестован в Зимнем дворце и заключен в Петропавловскую крепость. Через три месяца освобожден и уехал в Финляндию, затем в Париж, откуда окружным путем через Владивосток в конце сентября 1919 г. приехал в Омск и занял пост министра торговли.

Бурышкин, Павел Афанасьевич, во время империалистической войны был тов. председателя Всеросс. Союза Городов и тов. Московского гор. головы. Член «Национального Центра».

[4]) «Западно-русское правительство», сформированное в Берлине группой монархистов (царских сановников и генералов) на случай занятия Прибалтийских губерний отрядом полковника Бермонт-Авалова и ген. фон-дер-Гольца. В состав этого «правительства» входили ген. Бискупский (премьер), членам кабинета: Дурново (сын известного царского министра), Семмер, Поше, Берг, Дерюгин и Закин. «Правительство» немедленно после своего возникновения стало вырабатывать соглашение с группой германских милитаристов, пытавшихся представительствовать от Германии. В проекте соглашения значились такие пункты: 1) свобода действий России по отношению к Турции и Персии, 2) независимость Финляндии,

Первый самозванец. В Кош-Агаче объявился «цесаревич Алексей». Это — почтово-телеграфный чиновник Пуцято, переписка о коем уже у меня. Он арестован контр-разведкой и находится в Бийске. К месту, где он арестован, собираются толпы любопытных. Управляющий губернией телеграфирует, что в него уже верят [1]).

У меня был В. И. Игнатьев, бывший член Архангельского правительства. Он пробрался севером, через Тобольск. Передал, что англичане перед уходом с севера оставили только два танка, остальные три уничтожили. Их поведение там считают возмутительным. Сам Игнатьев производит слабое впечатление [2]).

17. — Доклад верховному правителю [3]). Я сказал о намерении ехать в Алтайскую губернию. Правитель одобрил.

18. — Вечером совет министров под председательством верховного правителя. Вопрос — фон-дер-Гольц [4]). Решено выяснить способ

---

3) выгодный для Германии торговый заем для сформирования армий в 220 тыс. ч., 4) автономия Балтийских провинций под русским протекторатом и др. В газете «Matin» назван был другой состав правительства: премьер — Люц, члены кабинета: Демченко, Антонов (б. член Госуд. Думы), генералы Бискупский и Скоропадский. Пепеляев, повидимому, имеет в виду эту корреспонденцию.

[1]) Кадетская газета «Свободный Край» сообщает об этом эпизоде интересные бытовые подробности: «В сентябре из Кош-Агача (пограничная русско-монгольская таможня) была принята в Бийске телеграмма для направления в Омск на имя верх. правителя такого приблизительно содержания: «Не желая погибнуть от руки большевиков, прошу дать вооруженную охрану. Подписано: цесаревич Алексей». Начальник почтово-телеграфной конторы в верноподданническом трепете побежал к себе на квартиру, вытащил там какие-то свои старые регалии; надел парадный мундир, вернулся к аппарату и отстукал «цесаревичу» следующее: «Ваше императорское высочество, я был всегда верноподданным его имп. величества и вас прошу не оставить меня на будущее своими милостями». Вследствие телеграммы за «цесаревичем» из Бийска был отправлен воинский отряд. Несмотря на явную абсурдность такой телеграммы и наружного несходства авантюриста, парень лет 18—19, если не считать за таковое надетый на нем матросский костюм, самозванец каким-то образом сумел ввести в заблуждение местных властей и общество, произведя сенсацию в городе. Для него были приготовлены два лучших номера в гостинице (совсем, как Хлестакову), а местным миллионером Астевым устроен помпезный обед в честь высокого гостя» (Св. Край, 23/X 1919).

[2]) Игнатьев, Владимир Иванович, член ЦК народно-социал. партии, летом 1918 г. был командирован «Союзом возрождения» в Архангельскую и Вологодскую губернии для организации выступления против Советской власти; когда организовалось Северное правительство, Игнатьев занял должность управляющего Архангельской губ., затем министра внутр. дел. Из Архангельска в Сибирь выехал 14 августа 1919 г. морским путем, через Ледовитый океан и Карское море, пробрался к устью Оби, затем в Тобольск, где встретился с Колчаком; появившись позднее в Омске, был арестован. Автор брошюры «Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны» (1917—1921), М. — П. Госуд. издательство. 1922 г.

[3]) Накануне, 16 октября, Колчак возвратился в Омск из поездки в действ. армию (в Тобольск).

[4]) Вскоре после заключения Германией перемирия с союзными державами в Западной части Литвы стала формироваться ген. фон-дер-Гольцем армия для

завязать нормальные сношения с Германией, исходя из намерения [sic!], что война фактически кончилась.

20. — У меня был Третьяков. Говорил об обстановке политической и военной. В городе опять толки о смене председателя совета министров. Кандидатами считаются Третьяков и я.

21. — Доклад. Правитель просил меня ускорить поездку. Доложил о турках.

22. — У меня был С. Упорно говорит о начавшемся в «обществ. кругах» обсуждении вопроса о премьере. Меня находят нужным сохранить на посту министра вн. дел, так как совмещать оба поста считают невозможным. Я сказал, что меня не удовлетворит пост премьера и пошел бы я на него только по приказанию.

Вечером совет министров под председательством верховного правителя; он изложил обстановку военную, которую считает грозной, о чем ставит в известность совет министров.

23. — Мой доклад. Текущие дела. Правитель чего-то ждет от моей поездки особенного [1]).

оккупации Прибалтийских провинций. В состав этой армии вошло до 37 тыс. немецких солдат и до 3 тыс. русских белогвардейцев, под командой полковника Бермонт-Авалова. Армия фон-дер-Гольца была хорошо снаряжена, имела много аэропланов, хорошую артиллерию, броневые поезда и т. д. Несмотря на упорное сопротивление латышей, в начале октября, после упорных боев, Рига была занята немцами, фон-дер-Гольц готовился продолжать наступление на север против Советской России.

[1]) Речь идет о поездке Пепеляева в Иркутск с целью найти сближение с земскими оппозиционными кругами.

Борьба С. Ю. Витте с аграрной революцией.

«Даруя» манифест 17 октября, правительство пыталось осенью 1905 г. путем словесных уступок оттянуть время, чтобы собрать силы для подавления революции.

Весь ход событий в октябрьские дни 1905 г. подтверждал мысль Витте, что для борьбы с революцией нужно было выбрать «или конституцию или диктатуру».

Но для диктатуры было слишком мало сил, хотя этот путь для самодержавия казался наиболее приемлемым. Трепов, которого запрашивал Николай 15 октября по поводу предложения Витте о конституции, ответил, что продержаться с помощью кровопролития он сможет только несколько дней, а поэтому необходимо итти на конституцию, «не боясь этого слова». Также и военный министр на совещании от 14 октября заявил, «что вследствие того, что армия находится за Байкалом, военные силы России крайне ограниченны и слабы; они находятся в расстроенном состоянии вследствие продолжительного несения ими полицейской службы и недовольства солдат, находящихся, за окончанием войны, в отпуску» *).

Манифест 17 октября однако не означал отказа от диктатуры. Наоборот. Опираясь на манифест, правительство пыталось выиграть время для собирания сил контрреволюции, для военной диктатуры. Правительство стремилось выиграть во времени то, что оно потеряло 17 октября. Для революции же оттяжка была проигрышем.

Политическая обстановка вела к чрезвычайно острому столкновению, в результате которого должна была победить или демократическая диктатура пролетариата и крестьянства или военная диктатура черносотенно-октябристского блока.

Правительство начинает лихорадочно готовиться и политически и технически к осуществлению военной диктатуры. Но прежде всего нужно было продержаться до тех пор, пока удастся добиться двух основных условий победы: усиления финансовой мощи и обеспечения достаточной физической силой.

Недаром посол в Париже А. Нелидов сообщал в ноябре, что «возможность заключить новый заем была бы сохранена, если бы в то время, когда о нем снова начнутся переговоры, в России могло бы установиться хотя бы временное успокоение на несколько недель...» **)

Вся иностранная пресса того времени отмечает, что заключение займа ставилось в зависимость от успешного «умиротворения» страны.

---

*) «Красный Архив», т. XI — XII. «Манифест 17 октября», стр. 39—106.

**) «Красный Архив», т. IX, стр. 43.

Заем, произведенный во Франции Витте-Коковцовым, подвел материальную базу, оставалось принять все меры к организации и упорядочению военных сил.

Витте, с первых же дней премьерства, обращает внимание на пробку, образовавшуюся в железнодорожном сообщении с Дальним Востоком. Правительство снабжает большими полномочиями Ренненкампфа и Меллер-Закомельского. Главное обвинение, выдвигавшееся против главнокомандующего Линевича, заключалось в том, что он не сумел наладить эвакуацию войск с Дальнего Востока.

Витте сам настаивает на обширных полномочиях «решительным генералам», на крутых мерах и, особенно, после подавления декабрьского восстания неустанно бьет в одну точку: «вообще — пишет он во всеподданнейшем докладе — вся беда, что нет войска» *).

Дальнейшие его доклады царю опять-таки повторяют одну и ту же мысль, что для борьбы с революцией нужны войска, что их задача теперь служить целям внутренней политики.

Витте видел, что Дурново и Трепов фактически за него вершат всей внутренней политикой. Он чувствует себя премьером без достаточно твердого фундамента, он понимает, что служит только ширмой, что его подпись была нужна для обеспечения векселя, выданного самодержавием 17 октября.

Такое положение Витте ясно определил вел. кн. Николай Николаевич, вообще, человек неумный, как его охарактеризовал ген. Г. О. Раух, записавший следующую фразу вел. князя: «Я поддерживаю его (т.-е. Витте. *И. Т.*) лишь потому, что считаю его единственным человеком, который мог начать проводить реформы 17 октября. В ту минуту положение было таково, что кроме него никого не было подходящего, а реформы нужны были. Если же его было не брать, то, находясь в оппозиции, он бы стал более чем опасен. Теперь же дойти до Думы и тогда спихнуть» **).

Чтобы обладать всей полнотой власти, быть фактическим премьером, Витте должен быть взять на себя и н и ц и а т и в у борьбы с революцией.

Он перестает заигрывать с революционными и оппозиционными элементами в стране, с его пера свободно срываются такие слова, как «задушить» революцию и т. д.

Наконец 11 января 1906 г. Витте представляет всеподданнейший доклад с изложением его политических намерений.

Этот доклад настолько заинтересовал Николая, что тот потребовал оставить у него подлинник.

Основная мысль доклада заключается в том, что главная волна революции спала, «серьезных массовых движений революционного характера, кроме аграрных, произойти, по крайней мере, в ближайшие месяцы, более не может» ***).

Иначе обстоит дело с аграрным движением. «Аграрные беспорядки не только не кончены, но едва ли не следует признавать их лишь вступившими в первый их период».

Итак, страна стоит перед возможностью еще большего, нежели прежде, взрыва крестьянских восстаний, причем «можно ожидать весною (1906 года. *И. Т.*) нового, более

---

*) «Революция 1905 года и самодержавие». Центрархив, М. — Л., Гиз. 1928 г., стр. 27. В этом же докладе от 17 октября Витте упоминает о необходимости «урегулировать вопрос о дислокации войск сообразно политическим потребностям и отношения министерства внутренних дел и военного».

**) «Красный Архив», т. XIX, стр. 91.

***) Доклад приведен в сборниках, издани. Центрархивом: «Революция 1905 г. и самодержавие» и «Аграрный вопрос в Совете Министров».

сильного их проявления, если только не удастся предупредить сего соответственными мерами».

Витте предлагает усилить полицию, применять внешнюю силу «с наибольшей для дела пользою» и, наконец, передает о разногласиях в Совете Министров по поводу кутлеровского проекта увеличения площади крестьянского землепользования.

В этом же докладе Витте упоминает о совещании по поводу дислокации войск. О необходимости подчинить дислокацию войск интересам внутренней политики Витте писал царю еще 17 декабря 1905 г., снова ставил этот же вопрос 21 декабря и 23 декабря, особенно упирая на то, что необходимо «экстренно» принять самые решительные «военно-политические» меры против аграрных беспорядков. По этому поводу Николай, между прочим, предложил созвать совещание об изменении дислокации войск под председательством Витте «при членах: в. к. Николае Николаевиче, ген.-лейт. Редигере, и Палицыне, ген.-майоре Поливанове и упр. мин. вн. дел П. Н. Дурново» *).

Вопросы организации планомерной и систематической борьбы с аграрным движением обсуждались в самых различных кругах, связанных с самодержавием. Тульские дворяне даже соглашались на свой счет содержать 400 штыков, которых должно прислать правительство. В ряде докладных записок подробно разбираются формы вооруженной борьбы с предстоящей аграрной революцией.

Так, П. Н. Дурново — министру вн. дел — его «бывший сослуживец» Игнатий Закревский пишет 27 декабря: «Нужно самыми сильными мерами в деревнях пресечь грабеж и истребление всех признаков культуры и расставить войска так, чтобы они во всякое время оказывались, где нужно внутри государства, а не бездействовали на границах империи в ожидании не появляющегося врага.

Необходимо просто составить стратегический план разделения войск, ввиду предстоящих, весьма вероятно, весною, крестьянских волнений. Когда мужик видит, что власть не шутит и подбирает агитаторов, то делается шелковым.

Нужно при вооруженных восстаниях расстреливать на месте каждого, кто пойман с оружием в руках, не разводить политических процессов, а истреблять злодеев по французскому образцу: раз рука в крови и в порохе — марш на небо. Вкуси венец мученичества за убеждения» **).

Но особенно рельефно позиция правительственных кругов выступает в докладной записке командира 2-й кавалерийской дивизии ген.-лейтенанта Крыжамовского. Записка его помечена 31 декабря ***). Толчком, побудившим Крыжановского на писание записки, было то, что «несмотря на постоянные, почти ежедневные передвижения военных команд от одного населенного пункта к другому для предупреждения ожидающихся беспорядков или для подавления их, таковые не только не прекращаются, но возобновляются с новой силой». С появлением войск беспорядки прекращаются, но стоит им только уйти, как снова возникает движение, иногда с еще большей силой.

Крыжановский заключает, что вся система и способы подавления беспорядков нуждаются в коренном изменении.

Основная ошибка, по его мнению, заключалась в том, что борьба до сих пор велась полумерами, «гуманно», что пытались воздействовать силой убеждения на тех, «кто не знает прав личной неприкосновенности и собственности или кто в нормальном

*) «Революция 1905 года и самодержавие», стр. 13.

**) Моск. Военно-Ист. Архив, дело гл. штаба, II отд., 3 ст., № 63, 1906 г., л. 46.

***) Там же, л. л. 40—44.

состоянии убежден, что земля должна принадлежать исключительно тем, кто ее обрабатывает собственными руками».

Необходимы строжайшие наказания, особенно при аграрных беспорядках, в которых участвуют крестьяне — «люди совершенно некультурные и признающие только ту власть, которая сильна и деятельна».

Настоящая система подавления беспорядков вредно влияет и на войско, ибо оно теряет дисциплину в окружении «мятежного населения»; кроме того, солдаты, «сами бывшие крестьяне, незаметно сливаются с этим населением и проникаются теми же аграрными взглядами».

Что же предлагает Крыжановский?

Во-первых, с окончанием в текущем декабре формирования полицейской стражи, большая или, во всяком случае, значительная часть войск, находящихся теперь на подавлении аграрных беспорядков в губерниях, должна быть отозвана к постоянным штаб-квартирам.

Затем части в местностях, «подверженных мании мятежей и погромов», необходимо сосредоточить в центральных пунктах уездов или в губернских и уездных городах. Эти части не должны нести полицейских обязанностей: наблюдение за порядком и предупреждение беспорядков. Эти части являются исключительно резервом полиции и полицейской стражи. Этот резерв употребляется с единственной целью карать мятежников и должен иметь единственный способ подавления мятежа — «расстрел мятежников без всяких переговоров».

Под страхом уничтожения огнем всего населения должны быть выданы все участники погромов и мятежей. — Эти участники вместе со своими семьями должны быть немедленно или не позже месяца выселены на постоянное жительство за пределы Европейской России.

Тем, о которых известно, что они не подстрекали и не участвовали в беспорядках, предоставляется право пользоваться наделами выселенных. Если участвовало все (или большинство) население деревни, то вся деревня уничтожается, и земли ее передаются во владение соседних деревень. Войска после экзекуции немедленно удаляются к месту прежней стоянки.

«Характер этой деятельности войск в общем должен быть таков: пришел, наказал и ушел». Войска занимаются истреблением и в том случае, когда по приходе воинской части было видимое спокойствие.

Эта система, по мнению ее автора, обладает следующими достоинствами:

«1) России дороги не несколько деревень с мятежным и полудиким населением, ей дорога армия, на которой пока держится ее целость. Поэтому армию надо прежде всего изолировать от растлевающего влияния революции. Эта система дает эту изоляцию.

2) Войска не будут нести обязанностей полиции.

3) Они не будут нести незаслуженные оскорбления целой корпорации, не имея возможности расчитаться с оскорбителями.

4) Они в большей части будут иметь возможность продолжать свою настоящую службу и обучение.

5) Они безусловно поднимут себя в глазах населения и даже врагов, как действительная вооруженная сила государства.

По отношению к населению эта мера, полагаю, будет настолько действительна, что ее не придется долго применять. Население, конечно, должно быть предупреждено повсеместно о принятии этой системы с такого-то числа месяца.

В заключение осмеливаюсь утверждать, что если мы не изменим немедленно наш способ действия по отношению к мятежникам, мы окончательно развратим и армию и население.

Гуманные меры, или вернее, нравственного воздействия хороши в мирное время; во время анархии и междуусобной войны нужны иные и именно те, кои употребляются в войне с врагом отечества».

Эта записка была адресована начальнику главного штаба Палицыну. Тот препроводил ее Витте, рекомендуя автора, как умного и образованного человека. Палицын поддерживает мысли Крыжановского, считая их мнением всех военных кругов: «То, что он пишет, чувствуем мы все... В употреблении вооруженной силы должна быть введена крупная перемена, если ваше сиятельство желаете скоро покончить с нашею хронической болезнью».

Итак, необходимо вооруженной силой беспощадно искоренять «манию мятежей».

Позицию Крыжановского разделяет и министр внутренних дел *). В письме к Витте Дурново пишет: «Основной взгляд и предложенные автором (т.-е. Крыжановским) подробности исполнения по вопросу о подавлении крестьянских мятежей действием войск представляются в собственно военном отношении вполне правильными».

Дурново считает наиболее целесообразным концентрацию войск по важнейшим пунктам и сосредоточение в них крупных отрядов.

Дурново выдвигает ряд мер, которые должны дать реальные результаты. Сюда входят суровые экзекуции в применении к мятежникам и укрывающим их единомышленникам; беспощадное истребление оружием на месте при самом подавлении беспорядков всех прикосновенных к ним, а также «неповинующихся» или сопротивляющихся; арест «всех остальных», хотя бы они и не оказывали войскам явного неповиновения или сопротивления, подстрекателей и зачинщиков. Все они должны быть немедленно выданы населением под страхом применения к укрывателям самых решительных мер; не останавливаться перед уничтожением целых поселений, поскольку эта мера вызывается необходимостью устрашения или соображениями военно-технического характера.

Эти настроения не только вызвали к жизни совещание об изменении дислокации, но и определили характер его работ.

Совещание имело два заседания. Отметим прежде всего вопрос о сроках, имевший для планов борьбы с революцией серьезное значение. Речь шла о том, что обучение новобранцев и перевозка войск с Дальнего Востока может дать первые результаты не раньше середины марта — начала апреля. Окончательное приведение войск в боеспособное положение возможно лишь к августу. Очевидно, что до апреля необходима максимальная оттяжка решительного боя, и лишь к лету возможно нанесение окончательного удара. Повидимому, этот расчет играл свою роль, когда правительство вырабатывало свою тактику по отношению к I Думе и к аграрному вопросу.

К этим двум датам — март и август Витте относит свои предположения о возможности крестьянских беспорядков.

---

*) Дело главного штаба, 1906 г., II отд., 3 ст., № 63, л. л. 37—38.

Чтобы парализовать крестьянские беспорядки, могущие вспыхнуть весной-осенью 1906 г., Витте выдвигает план стягивания войск внутри России. В своих «Воспоминаниях» Витте указывает на то, что полиция была бессильна против беспорядков. «Войск во многих местах совсем не было. Это происходило отчасти оттого, что вообще дислокация войск в России со времени графа Милютина была такова, что войска были стянуты на границы, а внутри России их почти не было. Это, в сущности, и должно быть, если иметь в виду, что войска служат для борьбы с внешним врагом, а не населением» *).

Витте делает вид, что эта мысль ничего общего с его политикой не имеет и не имела, и патетически восклицает по поводу увода войск от границы во внутренние губернии России, что это «большая и бескровная победа немцев»...

В его рассуждениях верно то, что дислокация войск была изменена под влиянием соображений о борьбе с «врагом внутренним». Но совершенно напрасно Витте старается умалить свое значение в этом начинании. Предлагаемые протоколы совещания совершенно определенно рисуют позицию Витте, его практические предложения.

Можно с уверенностью сказать, что Витте, желая взять на себя инициативу разгрома революции вооруженными силами, двинул в ход изменение дислокации русских войск под углом зрения борьбы с крестьянскими беспорядками.

Но он, конечно, прав, когда указывает, что такое изменение осталось надолго. Больше того, измененная дислокация совершенно изменила и физиономию русской армии, как боеспособной единицы. Армия была целиком и в основном подчинена интересам борьбы с революцией и выполняла чисто полицейские функции. Дело дошло до того, что даже военное министерство запротестовало против такого положения армии.

Так, в своем письме от 13 сентября 1906 г. военный министр Редигер пишет П. А. Столыпину **), что он идет «навстречу всем начинаниям, клонящимся к восстановлению в стране нарушенного порядка, жертвуя боевою подготовкою армии ради достижения главной цели настоящей минуты — подавления беспорядков на всем пространстве империи».

И дальше: «О боевой подготовке в тесном смысле слова в настоящее время не может быть и речи и подготовку эту, хотя и с большим трудом, придется наверстать впоследствии, при наступлении более спокойного общего положения». Боевая подготовка войск и нормальное обучение их фактически срывались. Вместе с тем, постоянное употребление войск для подавления беспорядков создало угрожающее впечатление. Необходимо уберечь «армию от того тлетворного влияния, которому она подвергается благодаря неправильному употреблению войск при содействии гражданским властям, когда войсками пользуются не как вооруженною силой, а как чинами полиции, ставят их в такие условия, при которых нижние чины выходят из-под надзора и влияния своих начальников».

Несомненно, что при настоящих условиях главною задачею государственной власти должна быть забота о сохранении армии и ограждение ее от революционных идей, которые ей «небезуспешно» пытаются внедрить. Увеличивающееся количество восстаний в армии показывает вредное влияние полицейских обязанностей. «Можно с уверенностью сказать, — продолжает Редигер, — что если не изменить теперь же ненормальность

*) Витте. «Воспоминания», т. II, стр. 115.

**) Дело гл. штаба, II отд., 3 ст., № 199, л. л. 219—222.

положения, то в недалеком будущем армия будет испорчена вконец; окончательное же расстройство ее угрожает самыми ужасными последствиями».

Военное министерство восстало и против другой попытки: многие губернаторы, поддерживаемые министром вн. дел, требовали перевода своей губернии в первую категорию. Несмотря на то, что войска были распределены по губерниям согласно указаниям полицейского ведомства, тем не менее, был поднят мин. вн. дел вопрос об усилении некоторых губерний. В результате этих настояний к первой категории губерний прибавилось еще пять губерний. Военное министерство поставило вопрос о том, что оно больше не в силах удовлетворять просьбы отдельных губернаторов.

Все это свидетельствует об одном: правительству удалось поставить на службу контрреволюции армию, воинскую силу, максимально ее использовать даже во вред ее боеспособности.

Витте не случайно остановился на том, что внешняя опасность в ближайшее время России не угрожает и что всю военную мощь возможно обратить на «внутреннего врага». Большую часть времени до начала мировой войны армия провела на фронте борьбы с внутренним врагом.

И даже в 1910 г., когда Виленский военный округ доносил, что наблюдается «полное успокоение среди крестьян», и потому просил упразднить деление на районы, установленное совещанием, главный штаб ответил, что такая организация необходима и в дальнейшем «для принятия необходимых мер при обстоятельствах исключительных, когда по условиям внутреннего положения в государстве необходимо применение военной силы» *).

Подлинники печатаемых протоколов совещания хранятся в Московском Военно-Историческом Архиве — дело главного штаба, 1906 г., II отд., 3 ст., № 63. — В подготовке их к печати существенное содействие оказано мне т. К. Розенблюмом.

И. Татаров.

Журнал особого совещания,

образованного по высочайшему повелению для рассмотрения вопросов об изменении дислокации войск соответственно внутренним потребностям империи и о мерах большей согласованности действий военных и гражданских властей при призыве к действию вооруженных сил **).

28 января 1906 г.

Присутствовали: председатель Совета Министров, статс-секретарь граф *Витте*. Председатель совета государственной обороны его императорское высочество великий князь *Николай Николаевич*. Министр внутренних дел действительный тайный советник *Дурново* ***). Военный министр

*) Дело гл. штаба, II отд., 3 ст., № 63, 1906 г., л. л. 508—509.

**) Моск. Военно-Ист. Архив, дело главного штаба, 3 стола, II отделения, № 63: «О совещании графа Витте о пересмотрении дислокации войск» 1906 г., лл. 287—292. Заголовок подлинника. На подлиннике надпись: «Его величество изволил читать». 12 марта 1906 г. Генерал-лейтенант *Редигер*». Помета: «Секретно».

***) Приглашен министром внутренних дел начальник штаба Отдельного корпуса жандармов генерального штаба полковник Савич. (*Прим. в подлиннике.*)

генерал-лейтенант *Редигер*. Начальник генерального штаба генерал-лейтенант *Палицын*. И. д. начальника главного штаба генерал-майор *Поливанов*.

Статс-секретарь Витте указал на необходимость принятия безотлагательных мер к тому, чтобы встретить крестьянские беспорядки с большим успехом, чем то было до настоящего времени, — не предрешая вопроса — возникнут ли вообще крестьянские беспорядки или нет, и, высказав свое личное мнение, что, в случае возникновения их, они могут быть предположительно отнесены к двум периодам — на май или август месяцы сего года.

Председатель Совета Министров указал, что часть мер для должной встречи крестьянского движения уже преднамечена и заключается в увеличении в уездах полицейской стражи, пешей и конной, с ассигнованием на это дело до 25 миллионов рублей. Кроме того Совет Министров, которому были представлены соображения, изложенные в записке начальника 2-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта Крыжановского, о порядке употребления войск при массовых беспорядках, почел необходимым особенно решительно указать подлежащим министрам, что предупреждение беспорядков составляет обязанность губернских и уездных властей, с помощью находящихся в их непосредственном распоряжении пеших и конных полицейских команд, — войска же должны иметь определенную цель действий и, выполнив поставленную задачу при помощи твердых мер карательного или принудительного свойства, возвращаются к местам обычного расположения; при этом установлена возможность обращения к войсковой силе не только в случаях беспорядков, но и после их прекращения, когда потребны решительные меры для понуждения к выдаче зачинщиков или главных участников или для возвращения награбленного имущества [1]).

По рассмотрении мемории Совета Министров, государю императору благоугодно было соизволить, чтобы соображения эти были сообщены министрам военному и внутренних дел для принятия их, при настоящих обстоятельствах, к руководству.

Для осуществления поставленной статс-секретарем графом Витте задачи, министерством внутренних дел проектирована примерная дислокация войск в виде постоянных гарнизонов — для целей предупреждения и прекращения крестьянских беспорядков — без дробления отдельных родов оружия на единицы, меньшие батальона, эскадрона или сотни и батареи, сообразуя силу гарнизонов с относительною важностью занимаемых пунктов*) (губернских городов, значительных железнодорожных узлов, менее важных станций и некоторых поселений в уездах).

При проектировании распределения гарнизонов, по объяснению действительного тайного советника Дурново, принята за основание

*) Из предположений исключены губернии Царства Польского и Кавказа, почитая наличное там число войск вполне достаточным, и Сибирь, где не было и не предполагается крестьянских беспорядков. (*Прим. в подлиннике.*)

степень вероятности возникновения крестьянских беспорядков, и, сообразно этому, 49 губерний Европейской России подразделены на четыре очереди *). Расположение гарнизонов почти равномерно по территориям упомянутых губерний, удовлетворяя в высшей степени разнообразным условиям путей сообщения, имеет целью обеспечить за губернаторами возможность постоянного наличия под руками достаточной военной силы в дополнение к полицейской страже, формирование которой местами уже закончено и предположено к осуществлению в полной мере (до 57 000 пеших стражников и до 15 000 конных) к 1 марта текущего года. Стража эта в губерниях подчиняется начальникам жандармских управлений и располагается группами, ни в коем случае не меньше 15 человек вместе; для надлежащего управления ею, военного ее воспитания, предположено для ближайшего заведывания стражниками привлечение офицеров из строя, на что последовало уже предварительное согласие военного министра.

Принципиально наиболее подходящим элементом для борьбы с крестьянскими беспорядками следовало бы признать конную стражу, что, по мнению графа Витте, подтверждается опытом организации и действий охранной стражи на Восточно-Китайской железной дороге, но финансовые обстоятельства, по объяснению действительного тайного советника Дурново, привели к необходимости организации стражи не только конной, но и пешей.

Военный министр выразил мнение, что предложенная министерством внутренних дел дислокация является весьма ценною работою, выясняющею размер желаемых временных перемещений войск, но допускаемое при этом ослабление гарнизонов крепостей, а тем более дробление войсковых организмов возбуждает весьма серьезные опасения относительно возможности осуществить ее полностью: — современное состояние армии приводит к безусловной необходимости сосредоточения войск к своим штаб-квартирам, в целях сплочения их, установления в них строгого надзора за дисциплиною, а также и в целях наиболее успешной подготовки новобранцев, которая может быть закончена в пехоте при предположенном 2-х месячном сроке обучения — не раньше половины марта; — крайне опасно предпринимать разброску частей отдельных войсковых организмов, ставя

*) 1-й очереди губернии: Воронежская, Екатеринославская, Киевская, Курская, Могилевская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Пермская, Полтавская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Харьковская, Черниговская, Тульская.

2-й очереди губернии: Виленская, Витебская, Владимирская, Вятская, Казанская, Ковенская, Курляндская, Лифляндская, Минская, Московская, Подольская, С.-Петербургская, Таврическая, Эстляндская.

3-й очереди губерний: Бессарабская, Волынская, Гродненская, Калужская, Костромская, Новгородская, Оренбургская, Псковская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Уфимская, Ярославская.

4-й очереди губернии: Астраханская, Олонецкая, Вологодская, Архангельская. (*Прим. в подлиннике.*)

их вне непосредственного, постоянного надзора своих начальников, которые при предположенных условиях дислокации, естественно явятся случайными посетителями подчиненных им частей; современный же состав баталионных командиров не может быть почитаем за контингент, пригодный во всех отношениях для самостоятельного командования, а тем более соответственного ведения отдельных частей.

В кавалерии и артиллерии приведенные невыгодные последствия от разбрасывания отдельных частей скажутся еще в большей степени.

При несомненной необходимости иметь резервы войск, весьма трудно согласиться на значительное уменьшение гарнизонов крупных центров, а тем более это относится к гарнизонам крепостей.

Военное ведомство могло бы, в большей или меньшей степени, подойти к пожеланиям министра внутренних дел и расположить в губерниях компактные гарнизоны без дробления войсковых организмов с тем, чтобы, в случаях необходимости, от этих гарнизонов выделялись, на самое необходимое время, отдельные колонны; разброска же войск постоянными мелкими гарнизонами, при современных обстоятельствах, представляется недопустимою.

Статс-секретарь граф Витте указал, что правильное распределение вооруженных сил в настоящее время должно почитаться делом первостепенной государственной важности, как предназначенное для парализования крестьянских беспорядков, которые дадут окраску политике предстоящего года, — теперь революционное движение в городах не представляет опасности; каких-либо военных осложнений со стороны Европы статс-секретарь граф Витте не ожидает, судя по ходу событий; предупреждение и подавление аграрного движения спасет Россию и сразу восстановит ее престиж в глазах Европы со всеми благоприятными от сего последствиями; для выполнения предстоящего плана действий необходимо воспользоваться содействием войск с Дальнего Востока, которое, как доложил начальник генерального штаба, выразится предположительно в возможности усиления войск Европейской России к 1 марта примерно на 80 баталионов, а к 1 августа — на 300 баталионов.

Начальник генерального штаба высказал, что, при разрешении обеих поставленных совещанию задач, необходимо объединение распорядительной части по содействию войск в руках старших военных начальников, действующих в согласии с гражданскою администрациею, при выполнении этого общего плана должна быть предусмотрена самостоятельность распоряжений военного начальства в округах; военные же округа должны быть разграничены на соответственные участки и отдельные районы, вверенные начальникам войсковых групп, в ведение коих должны поступать и чины жандармского надзора — с подчиненными им полицейскими стражами, рассматриваемыми как боевые силы.

Великий князь Николай Николаевич изволил высказать, что предстоит выполнение плана «предупредительного»,

приуроченного к характеру и срокам крестьянских беспорядков; при такой постановке вопроса необходимо предвидеть тот случай, когда гражданская власть, несмотря на имеющиеся в ее распоряжении очень значительные средства (в виде полицейской стражи в 57 000 пеших стражников и в 15 000 конных), не будет иметь возможности выполнить предстоящую задачу собственными силами; тогда, только в этом случае, гражданская власть прибегает к помощи военной силы. Смешение властей при этих условиях должно быть рассматриваемо, как начало крайне неблагоприятное. Для успешного выполнения задач, могущих выпасть на военное ведомство, необходимо, чтобы, ко времени предъявления требования, оно было вполне ориентировано и соответственно готово.

Благоприятное разрешение этого вопроса для России заключается в использовании существующей военной организации войсковой и окружной; обеспечение полноты успеха на местах достигается установлением районов на предложенных начальником генерального штаба основаниях, с ответственными военными начальниками во главе, а значение районов и соответственная дислокация войск, как вопросы, связанные со многими специальными соображениями, должно составить задачу военного министерства, которому, вместе с тем, надлежит разработать взаимные отношения начальственного персонала, предназначенного для разрешения поставленной задачи; в основание для выполнения намеченной задачи должны быть положены соображения министерства внутренних дел о степени грозящей в различных местностях опасности с указанием и необходимой последовательности мероприятий.

Подобная организация распределения и управления войсками отличается необходимою гибкостью, облегчая деятельность губернаторов, которые обращаются к районному начальнику (может быть по местным условиям несколько в пределах одной и той же губернии); сохранение же общего руководства за командующими войсками даст возможность своевременного усиления угрожаемых районов.

В высшей степени важным является также «исчерпать в полной мере моральное воздействие» принимаемых мер на массы; единственным путем к получению вполне реального, в данном случае, результата является полная гласность намерения правительства: не допускать беспорядков, предупреждение о характере предпринимаемых мер и неукоснительное и быстрое их выполнение. Текст соответствующих объяснений должен быть изложен, по оборотам речи и по содержанию, в полной мере применительно к пониманию и усвоению их массою крестьянского населения, которое должно быть удержано от насильственных действий.

Совещание присоединилось к таковому заключению о предстоящих мероприятиях, высказанному его императорским высочеством августейшим председателем совета государственной обороны.

И. д. начальника главного штаба высказал, что для осуществления предположений министерства внутренних дел предстоит совершить значительные срочные перевозки войск из одних округов в другие; между тем, новобранцы поступили в войска не в одиночные [?] сроки и продолжают поступать до сего времени и, считаясь с сокращенным сроком обучения их, могут быть поставлены в строй не раньше половины марта; так как войска находятся ныне в крайне ослабленном составе и до постановки новобранцев в строй не могут выполнить намеченной для них задачи, то и является настоятельная необходимость в определении сроков и порядка выполнения предстоящего плана действия.

Совещание указало на необходимость выполнения намеченных мероприятий на весенний период, но, принимая во внимание невозможность для военного ведомства осуществления всех предположений одновременно, пришло к заключению, что общий план предупреждения и прекращения крестьянских беспорядков должен быть подготовлен военным ведомством по соглашению с министерством внутренних дел для выполнения его в известной последовательности, порайонно, в зависимости от наличных войсковых сил и сообразно прибытию частей с Дальнего Востока; группировка полицейской стражи должна дополнять и быть согласованною с дислокацией военного ведомства.

Выработанные на таких основаниях предположения подлежат обсуждению, по возможности безотлагательно, вторично в настоящем составе особого совещания, после чего имеют быть представлены на высочайшее утверждение.

* *
*

В настоящем совещании обсуждались нижеследующие вопросы, имеющие непосредственное отношение к предполагаемым действиям правительства.

Военный министр заявил, что при подавлении беспорядков призваны на службу уже все казачьи части второй очереди и большинство частей третьей очереди. Пример увольнения запасных из регулярной армии, в связи с опасениями за участь своих семей и затруднительность производства весенних полевых работ в станицах, может в ближайшем будущем породить среди призванных со льготы казаков нежелательные волнения, а потому вопрос своевременного предотвращения этих волнений, при настоящих условиях и при всей пользе, приносимой ныне казачьими частями, представляется первостепенно важным.

Разрешить этот вопрос возможно было бы выдачею соответственного пособия на каждую семью для выполнения полевых работ, что в полной мере должно успокоить казаков; размер необходимых пособий еще не установлен наказными атаманами, а потому, за невыяснением общей суммы предстоящего расхода, не представляется возможным безотлагательное осуществление этой крайне необходимой меры.

Великий князь Николай Николаевич выразил мнение, разделяемое всеми остальными членами совещания, что успокоить казаков необходимо во что бы то ни стало; психологический момент таков, что требуется безотлагательное воздействие отечески монаршей заботы и оповещение об ней казачьему сословию ранее возможности возникновения среди него каких-либо волнений.

По этим причинам совещание полагает вполне целесоответственным неотлагательное испрошение военным министром высочайшего соизволения на обеспечение весенних работ семьям призванных казаков выдачею им пособий с тем, чтобы размеры этих пособий были определены в ближайшем будущем и своевременно выданы.

По поводу изыскания средств для такого нового и значительного расхода статс-секретарь граф Витте обратил внимание, что, несмотря на прекращение войны, государство все же несет чрезмерные расходы на военные надобности, вынуждающие ныне к заключению займа в 800 миллионов рублей.

Такие огромные расходы на надобность армии на Дальнем Востоке являются непроизводительными в настоящее время и, кроме того, несправедливыми по отношению к той части армии, которая несет сверхмерную бессменную внутреннюю службу; по этим соображениям настоятельно необходимо принять самые решительные меры к уменьшению этих расходов, что могло бы осуществиться прекращением в общем довольствии [?] войск на Дальнем Востоке по нормам военного времени.

Военный министр указал, что мероприятия для сокращения расходов на содержание армии уже предполагались, но были откладываемы по настойчивым ходатайствам главнокомандующего, пользующегося по закону чрезвычайными хозяйственными правами; предполагалось сохранение порционных денег офицерским чинам до 1 января сего года, но потом эта мера отложена до 1 марта: отпуск фуражных денег, ввиду прекращения военных действий и минования надобности в усиленной службе верхом, высочайшим повелением 7 января сокращен, и эти деньги отпускались по числу лошадей, положенным по штатам мирного времени, оставив по одной лошади лишь офицерам, коим в мирное время таковых не положено. В общем значительное сокращение расходов на Дальнем Востоке едва ли возможно по крайней дороговизне там жизни. Содержание нижних чинов оплачивается по действительной стоимости их снабжения и продовольствия.

Начальник генерального штаба полагает, при современных обстоятельствах в армии, произвести в возможной скорости сокращение содержания высших начальствующих лиц, выше полковых командиров; к этому предположению присоединились и все члены совещания.

Великий князь Николай Николаевич высказал мнение, к коему присоединились и остальные члены совещания,

что сокращение расходов могло бы быть достигнуто за счет различного вида побочных заготовлений, особенно в тыловых районах армии, для выяснения которых было бы весьма полезно командирование на Восток особой комиссии с надлежащими полномочиями для проверки на месте действительных размеров заявляемых справочных цен.

Предыдущие соображения о сокращении расходов действовавшей армии совещание поручило военному министру представить на высочайшее государя императора благоволение.

Граф Витте. Генерал-лейтенант Николай. Дурново. Генерал-лейтенант Редигер. Генерал-лейтенант Палицын. Генерал-майор Поливанов.

Делопроизводитель совещания *генерального штаба полковник Моисеенко-Великий.*

Журнал особого совещания,

образованного по высочайшему повелению для рассмотрения вопросов об изменении дислокации войск соответственно внутренним потребностям империи и о мерах большей согласованности действий военных и гражданских властей при призыве к действию вооруженных сил *).

1 марта 1906 г.

Присутствовали: председатель Совета Министров, статс-секретарь граф *Витте*. Председатель совета государственной обороны его императорское высочество великий князь *Николай Николаевич*. Министр внутренних дел действительный тайный советник *Дурново*. Военный министр генерал-лейтенант *Редигер*. Начальник генерального штаба генерал-лейтенант *Палицын*. И. д. начальника главного штаба генерал-майор *Поливанов*.

При открытии заседания, военный министр в кратких словах повторил те выводы, к которым совещание пришло на предыдущем заседании, бывшем 28 января.

На этом, предыдущем, заседании подвергнуты были обсуждению два вопроса:

1) Об изменении дислокации войск соответственно внутренним потребностям империи и 2) о мерах бóльшей согласованности действий военных и гражданских властей при призыве к действию вооруженных сил.

По первому вопросу в заседании 28 января рассмотрена была проектированная министерством внутренних дел дислокация, в основание коей принята вероятность возникновения крестьянских беспорядков в 49 губерниях Европейской России, которые, в зависимости от степени этой вероятности, разделены на четыре очереди. Гарнизоны в губерниях распределяются весьма равномерно с целью обеспечения

*) Дело главного штаба, 3 ст. II отд. № 63, «О совещании графа Витте о пересмотрении дислокации войск», 1906 г., л.л. 293—298. На подлиннике надпись: «Его величество изволил читать». 12 марта 1906 года. Генерал-лейтенант *Редигер*». Помета: «Секретно».

не только сельских местностей, но также городов и важнейших железнодорожных узлов. Однако такое распределение войск, ведущее к их дроблению до баталионов, эскадронов — сотен и батарей, представляется как в интересах внутреннего порядка, так и обучения, крайне нежелательным.

Поэтому тогда совещание пришло к заключению, что войска надлежит расквартировать по возможности без дробления отдельных частей и, по мере действительной надобности, выделять из них, лишь на самое необходимое время, отдельные колонны, чем удовлетворены будут и потребности в восстановлении порядка в тех пунктах, где таковой будет нарушен.

С другой стороны, численность всех имеющихся в настоящее время налицо в Европейской России войск недостаточна для удовлетворения полностью заявленной министерством внутренних дел потребности: недостает 50 баталионов и 11 эскадронов — сотен. Поэтому приходится прежде всего озаботиться обеспечением 18 губерний, отнесенных к 1-й очереди. Для достижения этого придется произвести соответствующие передвижения войск, к коим можно будет однако приступить лишь по постановке в строй новобранцев, что состоится в пехоте примерно в середине марта.

После совещания 28 января в главном штабе были произведены подготовительные по перемене дислокации работы, в результате которых недостаток в наличности войск для выполнения всей намеченной министерством внутренних дел дислокации выяснился еще в бо́льшем размере.

Сущность этих работ была доложена затем и. д. начальника главного штаба.

Для определения того количества войск, которое может быть послано из мест своего квартирования для оказания содействия гражданским властям, был исчислен, прежде всего, необходимый наряд для несения гарнизонной караульной службы, считая его на три смены, а также расход чинов для удовлетворения потребностей внутренней службы, для обучения временно задержанных в Европейской России новобранцев войск Приамурского военного округа и новобранцев флота, и расход больными и командированными.

Таковое исчисление дало количество войск, которое не может быть двинуто из мест своего квартирования; присоединяя сюда и войска крепостные, как не подлежащие выводу из крепостей, получается, в общем, 68 баталионов, остающихся в пунктах квартирования и могущих отчасти способствовать устранению беспорядков в этих пунктах.

За вычетом указанного количества войск и с добавлением тех, которые могут в середине марта вернуться с Дальнего Востока *),

*) 37-я пехотная дивизия Петербургского военного округа и 3-я пехотная дивизия Московского военного округа. (*Прим. в подлиннике.*)

оказывается, что для удовлетворения всей заявленной министерством внутренних дел потребности по 49 губерниям недостает 112 батальонов и 2 эскадронов — сотен; общее же количество артиллерии для этой цели достаточно.

Таким образом является необходимым остановиться на обеспечении войсками прежде всего 18 губерний 1-й очереди [2]), каковыми министерством внутренних дел признаются:

В Виленском военном округе: Могилевская губерния.

В Киевском военном округе: Киевская губерния, Курская, Полтавская, Харьковская, Черниговская.

В Одесском военном округе: Екатеринославская губерния, Херсонская, Днепровский уезд Таврической губернии.

В Московском военном округе: Воронежская губерния, Нижегородская, Орловская, Тамбовская, Тульская.

В Казанском военном округе: Пензенская губерния, Пермская, Самарская, Саратовская, Симбирская.

При указанном значительном недостатке пехоты приходится для обеспечения этих губерний передвигать в каждом военном округе пехотные части из других губерний, начиная с менее опасных, т.-е. с губерний 4-й, затем 3-й, а в крайности и 2-й очередей, сперва из имеющихся там излишков, а затем, отчасти, и в счет потребности этих губерний.

Но и при таком даже порядке пополнения войск в двух военных округах, а именно в Одесском и Казанском, всего наличного в них к середине марта количества свободных войск не будет достаточно для обеспечения губерний 1-й очереди: в Одесском округе недостает бригады пехоты, а в Казанском — двух дивизий пехоты и восьми батарей артиллерии. Этот недостаток предположено покрыть: в Одесском округе командированием бригады пехоты из излишка войск в Гродненской губернии Варшавского военного округа, а в Казанском округе недостаток артиллерии может быть пополнен командированием восьми батарей из Киевского военного округа; усиление же пехоты при условии исполнения такового усиления в кратчайший срок, т.-е. в половине марта, может быть достигнуто лишь задержанием в пределах округа следующих с Дальнего Востока дивизий других округов, в добавок к возвращающейся в марте же в Казанский военный округ 61 пех. резервной бригаде; состав этой бригады определяется в 8 батальонов, а потому из пехоты и других округов подлежало бы задержанию в Казанском военном округе $1^1/_2$ пехотных дивизии.

Первою по времени, а именно в начале марта, прибывает с Дальнего Востока 3-я пехотная дивизия (Московского военного округа). Имея в виду настоятельные ходатайства московского генерал-губернатора об усилении гарнизона города Москвы, головную бригаду этой дивизии надлежало бы пропустить без задержки в Московский военный округ, а следующая бригада могла бы быть задержана в Казанском военном округе. Затем, в этом же округе можно было бы за-

держать всю 31-ю пехотную дивизию (Киевского военного округа), следующую после 61-й пехотной резервной бригады и прибывающую в Казанский военный округ между 15 и 20 марта.

Таким образом, к указанному времени, т.-е. к 15—20 марта, в Казанском военном округе уже имелось бы все то количество пехоты, какое министерство внутренних дел признает необходимым для губерний 1-й очереди этого округа.

Изложенная комбинация встретила возражение со стороны начальника генерального штаба, заявившего, что частям войск, возвращающимся из продолжительного военного похода, необходимо дать возможность прибыть в места своего постоянного квартирования, устроиться там, принять своих молодых солдат, привести в порядок материальную часть и прочее.

Заявление начальника генерального штаба было поддержано его императорским высочеством великим князем Николаем Николаевичем. Его императорское высочество изволил указать, что неожиданная задержка в пути будет тяжелым нравственным испытанием для войск, пробывших два-три года *) вдали от родных мест и, вполне естественно, с нетерпением ожидающих возвращения в места своего постоянного квартирования. Разочарование, которое должны будут испытать чины войсковых частей, нельзя будет также смягчить указанием им точного срока, на какой они будут задержаны в Казанском военном округе, ибо определить этот срок заранее совершенно невозможно. Лучше взять из других округов войска, не бывшие в походе, хотя бы вследствие этого обеспечение войсками губерний Казанского военного округа несколько и замедлилось.

Министр внутренних дел заявил, что хотя усиление войск в губерниях Казанского военного округа крайне желательно исполнить в самом скором времени, но доводы, приведенные против задержания в пути войск, возвращающихся с Дальнего Востока, заставляют примириться с некоторым запозданием прибытия подкреплений в этот последний округ, а именно примерно до конца марта и не далее 1 апреля. Намеченное же усиление войск Одесского военного округа частями из Варшавского военного округа должно быть произведено во второй половине марта.

В связи с вопросом об изменении дислокации войск его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу угодно было указать на то обстоятельство, что многие части войск, оказавшись вдали от своих лагерных стоянок, от стрельбищ, от учебных полей, будут лишены возможности исполнить установленную программу летних занятий, а потому необходимо принять меры к тому, чтобы они могли пройти хотя бы самую необходимую часть ее. Разумеется, производство маневров, обучение массовое —

*) 2-я бригада 31-й пехотной дивизии была перевезена на Дальний Восток еще до начала войны, а именно летом 1903 г. (*Прим. в подлиннике.*).

для большинства таких частей будет невыполнимо. Но с этим можно еще примириться. Зато совершенно необходимо обеспечить всем войскам возможность обучения в составе отдельных частей, представляющего собою основу их боевой подготовки. Лишить войска этой возможности значило бы вести их к разложению в отношении их боевой готовности. Поэтому им должны быть непременно отведены места для учения и для стрельбы, хотя это и потребует известных денежных жертв.

Военный министр заметил, что эта необходимая мера может вызвать весьма значительные расходы, которые окажутся непосильными для предельного бюджета военного министерства, на который приходится относить крупные мероприятия по упрочению и упорядочению организации армии. К тому же необходимость новых расходов проистекает не из специальных потребностей военного ведомства, а из надобностей общегосударственных. К расходам этого же рода следует отнести и усиленное довольствие воинских чинов, командируемых из мест своего постоянного квартирования.

Статс-секретарь граф Витте указал, что означенные расходы могут быть отнесены на счет казны, но представление о сем в Государственный Совет в установленном порядке должно быть сделано своевременно.

И. д. начальника главного штаба высказал, что при тех условиях, в коих предстоит оказаться значительной части войск, в течение летнего периода текущего года, нельзя выработать заблаговременно общего плана летних для войск занятий, каковой план представлялся до сего времени весною на высочайшее утверждение, и необходимо будет испросить представление организации летних занятий усмотрению командующих войсками в округах.

* * *

После того совещание перешло к обсуждению вопроса о порядке согласования действий военных и гражданских властей в целях противодействия беспорядкам.

По этому вопросу совещание остановилось на необходимости издания инструкции, определяющей взаимные отношения военных и гражданских властей в их совместной деятельности по предупреждению и прекращению беспорядков [3]). В основу инструкции признано соответственным принять нижеследующие положения:

Все находящиеся на территории каждого военного округа войска продолжают оставаться в ведении командующего войсками округа, который разрешает возникающие между военными и гражданскими властями разногласия.

Территория каждого военного округа разделяется командующим войсками на районы, образуемые в общем из целых губерний. В случае надобности два или несколько районов образуют отдел. В каждом отделе или районе назначается общий начальник всех войск отдела и района. В случае заявления губернатора о необходимости

временного усиления войск данного района, это исполняется за счет других районов властью начальника отдела или командующего войсками округа, по принадлежности.

При расквартировании войск по районам следует избегать дробления их на части меньшие полка, отдельного баталиона и батареи.

Временное командирование войск из пунктов их квартирования в другие местности района совершается по заявлению губернатора, властью начальника района.

При совместных действиях войск и полицейской, а равно частной стражи, последние подчиняются военному начальству.

Принятые совещанием основные положения для проектируемой инструкции, не изменяя ни в чем высочайше утвержденных правил о призыве войск для содействия гражданским властям, являются лишь развитием этих правил, проистекающим из условий измененной дислокации войск.

В добавление приведенным основным положениям министр внутренних дел признал необходимым установить, чтобы при размещении войск, кроме соображений военных, принимались во внимание и потребности гражданской власти, дабы можно было надежно обеспечить войсками имеющие важное значение пункты, каковыми в особенности являются некоторые железнодорожные узлы.

Согласившись с мнением министра внутренних дел, совещание признало однако, что существующие по сему указания не должны входить в инструкцию. Разрешение такого рода вопросов должно совершаться путем соглашения местных гражданских властей с военными, о чем министерству внутренних дел следует преподать надлежащие указания губернаторам.

Далее совещание признало, что начальники отделов и районов должны быть поставляемы местными гражданскими властями в известность о всех явлениях, указывающих на вероятность возникновения волнений и беспорядков среди населения той или другой местности. По этому предмету министерству внутренних дел также следует сделать соответствующие предложения губернаторам [4]).

Наряду с рассмотренными совещанием мероприятиями его императорское высочество великий князь Николай Николаевич изволил указать на выдающееся в деле противодействия беспорядкам значение мер предупредительных.

Население должно быть широко оповещено о стройной, могущественной организации, устанавливаемой для борьбы с беспорядками. Распоряжение о том, что вся Россия разделяется на участки с известным количеством войск в каждом из них и с ответственным начальником; что известные группы участков имеют своих старших начальников, распоряжением коих войска в каждой данной местности могут быть быстро усилены, насколько это потребуется; что войска, в случае надобности, будут действовать самым энергичным образом, — такого рода распоряжение, будучи обнародовано во всеобщее сведение,

должно оказать огромное нравственное воздействие и самым действительным образом способствовать умиротворению страны. Обеспечить равномерно и достаточно сильно войсками все местности в стране невозможно; указанная же мера, производя повсеместное умиротворяющее действие, восполнит этот недостаток в количестве войск.

Обнародование принимаемых для борьбы с беспорядками мер должно быть исполнено распоряжением министерства внутренних дел и при том в возможно скорейшем времени.

Граф Витте. Генерал-лейтенант Николай. Дурново. Генерал-лейтенант Редигер. Генерал-лейтенант Палицын. Генерал-майор Поливанов.

Делопроизводитель особого совещания *генерал-майор Марков.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Записка Крыжановского о способах действий при подавлении аграрных беспорядков слушалась в Совете Министров 10 января 1906 г.

[2]) К губерниям первой очереди впоследствии было прибавлено еще 5 губерний.

[3]) Инструкция была представлена царю 12 марта 1906 г. Текст ее следующий:

Инструкция военным и гражданским властям по принятию мер для противодействия беспорядкам среди населения.

1) Общее руководство всеми расположенными в военном округе войсками, при распределении их в соответствии с потребностями поддержания порядка в губерниях округа, остается за командующим войсками округа.

2) Для удобства в управлении войсками и взаимных отношениях военных и гражданских властей, территория военного округа разделяется командующим войсками на районы, которые, в случае надобности, могут быть сводимы, по два и более, в отделы. Район вообще образуется из целой губернии.

3) Первоначальное распределение войск по отделам и районам совершается таким образом, чтобы устранить перемешивание частей, принадлежащих к одному и тому же высшему соединению: бригаде, дивизии и корпусу.

При расквартировании назначенных в район войск следует избегать дробления их на части меньшие полка, отдельного батальона и батареи.

4) В каждом отделе и районе командующий войсками округа назначает общего начальника, которому подчиняются все войска, в отделе и районе расположенные.

5) Губернатор с требованием о временном командировании войск из мест их квартирования в другие местности района обращается к районному начальнику своей губернии.

Примечание: Призыв войск для содействия гражданским властям совершается на основании высочайше утвержденных для сего правил.

6) В случае необходимости временно усилить войска одного района или отдела за счет войск других районов или отделов, это разрешается властью начальника отдела или командующего войсками округа, по принадлежности.

7) Если бы начальник района, получив требование губернатора об усилении войск своего района, и не усматривал необходимости в таковом усилении войск, то, во всяком случае, о каждом подобном требовании губернатора он обязан доносить начальнику отдела или командующему войсками.

8) Начальник района обязан всеми имеющимися в его распоряжении средствами оказывать губернатору содействие к прекращению беспорядков и к принятию в случае надобности мер для предотвращения беспорядков.

9) При совместных действиях войск и полицейской, а также и частной стражи, та и другая подчиняются военному начальству.

10) В случае возникновения беспорядков вблизи границ района, начальник ближайшей войсковой части соседнего района обязан оказывать содействие к их прекращению, не стесняясь границами района». (Из дела гл. штаба, II отд., 3 ст. № 63, 1906 г., лл. 299—308.)

[4]) В порядке проведения решений совещания мин. вн. дел сообщил военному м-ру, что им «затребованы были от губернаторов сведения о том: назначен ли во вверенной каждому из них губернии военный районный начальник, состоялось ли с ним соглашение по распределению войск и по вопросу об их передвижениях на случай каких-либо беспорядков, а равно о том, имеется ли в губернии достаточное количество войск.

Из полученных во вверенном мне министерстве ответных по сему предмету отзывов губернаторов усматривается, что в губерниях Киевской, Курской, Могилевской, Полтавской, Тамбовской, Харьковской, Черниговской, Виленской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Минской, Эстляндской, Бессарабской, Гродненской и Вятской военные районные начальники назначены, полное соглашение губернаторов состоялось, и войск в губерниях вполне достаточно.

В губерниях Орловской, Херсонской, Тульской, Симбирской, Самарской, С.-Петербургской, Подольской, Таврической, Рязанской, Псковской, Тверской, Ярославской и Оренбургской расположенных в них войск достаточно, но районный начальник в Орловской губернии еще не назначен.

По отношению к другим губерниям губернаторы сообщают:

Воронежский: районный начальник еще не назначен, по прибытии обещанных двух полков и при условии оставления двух казачьих полков в губернии войск будет достаточно.

Екатеринославский: районный войсковой начальник назначен, войска распределены, порядок вызова и передвижения установлен, кавалерийских частей достаточно, но пехота ослаблена откомандированием батальона усиленного состава в Ростов, расформированием Бердянского полка и некомплектом людей, ввиду чего желательно иметь в губернии еще один полк пехоты.

Нижегородский, Пензенский и Пермский губернаторы заявили, что назначение районного начальника еще не последовало и имеющееся в их губернии число войск недостаточно; в Пензенскую и Пермскую губернии из числа предположенных к размещению новых войсковых частей прибыло пока лишь по две батареи на губернию, а обещанное усиление войск в Нижегородской губернии решено осуществить в текущем месяце.

Саратовский: особого районного начальника не назначено, но соглашение по распределению войск состоялось непосредственно между губернатором и штабом округа, причем, если часть казаков не будет отозвана, то войск в губернии будет достаточно. Губернатор ходатайствует о том, чтобы не заменять Дубенского пехотного полка другою частью, так как остальные местные пехотные части являются мало надежными.

Владимирский: уведомляет, что так как из Коврова казачью сотню отправили в Нижний-Новгород, а один из расположенных во Владимире пехотных полков, по слухам, уходит также в Нижний-Новгород, то, в случае возникновения в губернии и повсеместно и одновременно аграрных и фабричных беспорядков, войск в губернии окажется мало.

Смоленский: за выбытием в скором времени в Воронежскую губернию двух полков первой дивизии и командированием большей части Копорского полка в Москву, в губернии останется только один пехотный полк, которого недостаточно на случай возникновения беспорядков. Уведомляя об этом, смоленский губернатор просит возвратить в г. Смоленск Копорский полк.

Калужский: если выступит в Тулу десятый пехотный полк, то на всю губернию останется лишь два батальона девятого полка, что представляется недоста-

точным, тем более, что губерния пересекается тремя железными дорогами значительного протяжения; ввиду чего губернатор ходатайствует о возвращении из Москвы двух батальонов девятого полка или об оставлении в губернии столько же батальонов десятого.

Уфимский сообщает: в губернии расположены: Уфе — полторы сотни казаков, сто человек команды для железнодорожной охраны и шестьсот новобранцев Челябинского полка, весьма слабо подготовленных. В Златоусте — одна сотня, Мензелинске — одна полусотня; все это количество войск, особенно казаков, безусловно необходимо оставить в губернии.

Новгородский: войск в губернии безусловно недостаточно, так как расположенные в Новгороде и Старой Руссе батальоны сплошь состоят из новобранцев, и надежной в боевом отношении частью является лишь 199 пехотный резервный Свирский полк, квартирующий в с. Медведь; таким образом северные уезды губернии — Тихвинский, Устюженский, Белозерский, Череповецкий и Кириловский, с наиболее беспокойным населением, остаются совершенно лишенными какой бы то ни было военной охраны.

Астраханский: указывая на отсутствие в губернии артиллерии, ходатайствует о присылке обещанных двух пулеметов. В случае доставления пулеметов и при условии неуменьшения находящегося в Астрахани гарнизона, губернатор считает город и южную часть губернии от Царицына обеспеченными. В северной от Царицына части, которая на протяжении свыше двухсот верст отделяется Волгою от Саратовской губернии и имеет громадные торговые села, войск совершенно нет. Ввиду того, а также полученного известия, что находящемуся уже в течение года в Астрахани батальону Балашовского полка приказано уйти в Саратов, губернатор ходатайствует: разрешить две сотни Астраханского казачьего полка, уже второй год квартирующие в Саратовской губернии, возвратить к полку взамен Балашовского батальона, ибо сотни эти теперь расположены за 800 верст от штаба полка, разбиты на части и в командном отношении вышли совершенно из подчинения командиру полка.

Затем губернаторы Костромской и Архангельский заявляют о недостаточности войск в их губерниях, Олонецкий сообщает, что кроме малочисленных местных команд, войск в губернии нет, а Вологодский, что войсковых частей в губернии совершенно не имеется.

Об изложенном считаю необходимым сообщить вашему превосходительству, присовокупляя, что сведения по Витебской, Казанской, Московской и Волынской губерниям будут мною сообщены вам, милостивый государь, по получении таковых от губернаторов». (Отношение от 7 апреля 1906 г. Дело главного штаба II отд., 3 ст., № 63, 1906 г., лл. 487—488.)

Дополнительно министр вн. дел сообщал, что в «губерниях, Витебской, Московской и Волынской военные районные начальники назначены, соглашение с ними губернаторов состоялось и войск в губерниях, за исключением Витебской, вполне достаточно. По отзыву же витебского губернатора войск в губернии будет недостаточно в том случае, если одновременно возникнут беспорядки в разных местах военных районов, хотя, по удостоверению назначенных в губернию районных начальников, генерал-майоров Торклуса и Закржевского, они считают себя в силах подавить с наличным числом войск волнения, если последние по интенсивности не превзойдут беспорядков, имеющих место до сего времени.

Об изложенном долгом считаю сообщить вашему превосходительству, присовокупляя, что сведения по Казанской губернии будут мною сообщены вам, милостивый государь, по получении таковых от губернатора». (Там же, отношение от 14 апреля 1906 г.)

П. Л. Антонов в Петропавловской крепости.

Имя Петра Леонтьевича Антонова прочно запечатлено в летописях русского революционного движения. Среди рабочих-народовольцев Антонов был, несомненно, одним из самых выдающихся. Судьбы его личной жизни и обстоятельства роста его личности теперь без труда раскрываются из им же написанной автобиографии (для В. Н. Фигнер), где намечен тот путь, каким сын флотского переплетчика и сапожника, в тринадцать лет уже знакомый с Вальтер-Скоттом, Диккенсом, Теккереем, Эдгаром По, Гюго, Толстым, Островским и т. д., пришел ко времени окончания им ремесленной школы к идеям социализма и вскоре принялся за революционную деятельность среди рабочих, время которой по продолжительности и по району, где Антонов действовал, исключительно велико. Начало своей связи с революционной организацией («Народной Волей») Антонов относит к 1880 г. (ранее он вел пропаганду самостоятельно, организуя среди рабочих кружки самообразования с целью «подготовить их к восприятию социализма»), а арестован был лишь 1 мая 1885 г. Полтава, Карловка, Николаев, Харьков, Ростов на-Дону, Люботин, Екатеринослав были в разное время пунктами его деятельности. В то же время на долю Антонова выпадают и другие отрасли работы партии: в 1884 г. он именно выполняет акт в отношении Шкриобы, о предательстве и связи с Судейкиным которого стало известно через Дегаева; в том же году он принимает некоторое участие в работах ростовской типографии, где тогда печатался № 10 «Народной Воли»; наконец и возникшие планы усиления средств партии путем захвата правительственных средств приводят Антонова в участию в попытках нападений на почту.

После ареста Антонов был перевезен в Петропавловскую крепость. К этому времени следственные власти имели уже ряд сведений об Антонове из предательских показаний Петра Елько и Ивана Гейера (на обширной, частью сохранившейся автобиографической записке последнего Александр III сделал пометку о том, что ее следовало бы издать). В упомянутой уже выше автобиографии Антонов рассказывает о своем душевном состоянии, когда он узнал о предательстве Елько, а опубликованные Р. М. Кантором документы еще более уточнили сведения о той попытке к самоубийству, которая была сделана Антоновым тотчас после очной ставки его и Елько (6 июня — очная ставка и 7 июня — попытка покончить с жизнью; в автобиографии, что небезынтересно для изучения воспоминаний вообще, — эти события двух дней отделены н е д е л я м и). Затем последовала попытка со стороны П. Н. Дурново, тогдашнего директора департамента полиции, склонить Антонова к предательству. Антонов рассказывает о своих свиданиях с Дурново, закончившихся, по его словам, скандалом, когда Дурново, наконец, понял, что Антонов хотел его «надуть». Надо думать, что первый из публикуемых ниже

документов связан именно с этим моментом крепостного заключения Антонова: в своей автобиографии Антонов упоминает о том, как он написал Дурново о том, что он «готов».

Кроме этой изолированной записки, все остальные составляют одно целое, эпизод, истинного значения которого, очевидно, Антонов не знал тогда и не узнал позже. 25 августа все того же 1885 г. комендант Петропавловской крепости Ганецкий сообщил Дурново, что 24 августа «после прогулки политического преступника Петра Антонова в саду Трубецкого бастиона унтер-офицером наблюдательной команды Александром Русаковым, конвоировавшим его, найдена под скамейкой, на которой сидел Антонов, небольшая трубочка бумаги, которая по вскрытии оказалась запискою, написанною Антоновым к товарищам его по заключению». Дурново решил, очевидно, воспользоваться этим случаем и попытаться добиться другим путем всего того, чего ему не удалось получить непосредственно: и нужных ему сведений и деморализации Антонова. Средство он выбрал новое, хотя, по существу, являющееся лишь модификацией того, нередко применявшегося, приема, когда под видом сотоварищей подсаживали предателей, либо прямых агентов полиции. Именно, он решил вступить в переписку с Антоновым, конечно, от имени кого-либо из привлеченных по одному с ним делу. Резолюции и служебные записки Дурново к Г. К. Семякину отразили колебания Дурново. Выбор корреспондента был не так легок — и Антонов должен был ему доверять, и, вместе с тем, задаваемые вопросы не должны были изобличить запрашивающего. Выбор Дурново колебался между Андреем Григ. Белоусовым и В. И. Сухомлиным. Одна из заметок Дурново вскрывает мотивы его колебаний: «Я думаю, — пишет он, — что записку от Белоусова писать не следует, чересчур уже счастливая случайность. Я думаю, что 1-ю записку написать от кого-либо другого вроде Сухомлина». Однако еще в тот же день он вновь передумал. «Шансы на успех, — писал он, — одинаковы в обоих случаях: если, получив записку Белоусова, он может удивиться этой случайности, то записка Сухомлина вызовет недоумение, так как он последнего не знает». Итак первая записка пошла от Андрея Белоусова, и она-то, определила основной круг вопросов дальнейшей переписки. Выбор именно Белоусова был сделан Дурново, конечно, совершенно обдуманно. Прежде всего Белоусова Антонов знал и сравнительно давно и хорошо. То, что будет говорить, о чем будет запрашивать или в чем будет убеждать Белоусов, все это будет восприниматься дружески, и на все это будут даны ответы искренние и правдивые. А затем именно через Белоусова можно было подойти к вопросу, который всегда наиболее тревожил власти. Белоусов принадлежал к луганской группе арестованных по лопатинскому делу. Бомбы, взятые у самого Лопатина и взятые на квартире Антонова и Лисянского, были луганского происхождения, но эти бомбы окружала пока еще тайна: они были перенумерованы, но некоторых номеров недоставало; ни их происхождение, ни их назначение не были в достаточной мере выяснены; хотя кое-что было известно из первых же показаний Лопатина, однако Дурново опасался даже, нет ли нового замысла цареубийства (см. № 7). В записках и Лопатина и Н. М. Саловой были однозначущие указания на Луганск и нераскрытые до сих пор следствием моменты (см. прим. 10). Таким же нераскрытым делом было нападение на почту под Воронежем, сведения о котором уже были получены от П. Елько, предававшего все, что он знал и о чем он только слыхал. Но, кроме Антонова, от которого Елько узнал о самом факте, другие участники оставались до сих пор невыясненными. Если первая записка была коротка, показывала твердость мнимого Белоусова (он де «отказался от показания»), и изобличала даже предателя Гейера, что ни малейшей новостью для Антонова не было, то уже со второй записки начинается та атака, которая должна была, по мысли

Дурново, расшатать моральную стойкость Антонова. Дурново затрагивает самую чувствительную струну в душе Антонова — воспоминания об его деятельности среди рабочих, и вместе с тем входит в роль сторонника новых веяний, им истолковываемых в виде народничества. И рассуждения Дурново, что, если бы не «начальство», то «не сидели бы мы теперь в крепости, а пропагандировали бы среди рабочих и народа», что «на одном терроре недалеко уйдем» и «без народа ничего не сделаем»,— эти рассуждения находят отклик у Антонова, которому перемена его пропагандистской работы на террор, по всей видимости, далась нелегко и об отдельных моментах которого, как нападении под Воронежем, где был убит почталион Мануйлов, он даже долгие годы спустя вспоминал с мучительной болью. Однако венцом переписки должно было явиться, наконец, предательство Антонова. И начавшаяся с августа, 24 числа, переписка длится весь сентябрь, пока в начале октября Дурново не делает решительного удара. 2 октября в ответ на ту записку Антонова от 26 сентября (№ 14), в которой Антонов сообщал о сделанном ему предложении дать «чистосердечное показание» и ехать в Харьков для дальнейших указаний, Дурново предлагает Антонову «выкинуть ловкую штуку и наклеить нос жандармам» (№ 15). Когда Антонов в ответной записке указывает, что «нос наклеить, братец, никак не возможно», но что Елько ему доказывал, что он, Антонов, имеет право выдать, так как его оговорили (№ 16), то Дурново, в свою очередь, разражается длиннейшим посланием, несомненно, для него последней картой в этой игре. Твердо державшийся (см. № 3) мнимый Белоусов сообщает, что «потерял всякую логику и в субботу дал чистосердечные показания и оговорил даже некоего Гончарова»; он собирает все рассыпанные ранее аргументы против людей, которые «вечно лгали, употребляли тебя как пушечное мясо и в заключение же предали», которые «путем лжи и инсинуаций губят массу честной молодежи», он порицает народовольчество и считает, что оно превратилось в анархизм и т. д. и т. д.; он, Белоусов, не считает себя «изменником», а действует по «убеждению», он «любит народ и всегда будет защищать интересы большинства и работать в пользу свободы» и таким образом успокаивает Антонова. Однако вся эта аргументация не поколебала Антонова. Он не сердится на «Белоусова» за его предательство, но «из этого еще не следует, что я должен предать людей, доверявших мне», пишет Антонов. Все, чего добился Дурново от Антонова, это лишь вырвавшееся горькое признание, что «к организации последнего времени питаю презрение». Но не этого надо было Дурново, и переписка, единственная в своем роде, возымела свой конец.

Письма воспроизводятся по подлинным запискам П. Антонова (с соблюдением его орфографии) и по отпускам записок Дурново. Сохранились они в деле архива департамента полиции, часть секр., 1885 г., № 55, секретная переписка Белоусова с Антоновым. (Архив Революции и Внешней Политики). *С. Валк.*

I. Заявление П. Антонова директору департамента полиции.

Его Превосходительству
Деректору депортамента государственной полиціи.
Прошеніе.

Желаніе здѣлаться въ этой жизни чемъ небудь полезнымъ и предотвратить могущее случится зло заставляетъ обратится къ вашему превосходительству съ прозьбой о личномъ свиданіи съ вами, прошу неотказать мнѣ въ этомъ. *Петръ Антоновъ.*

2. Записка П. Антонова, брошенная в крепостном саду 24 августа 1885 г.

Я рабочій Кирило Антоновъ [1]) обвиняюсь в убійствѣ шпіона Шкрябы [2]) по запискамъ Лапатина [3]) и по показаніямъ Гейера [4]). Въ 3-хъ нападѣ[н]іяхъ на почту [5]) — по указанію (Владиміра Николалаев.) Елько [6]): онъ на очной ставки нестесняясь оговаривалъ: судя по слѣдующимъ допросамъ онъ вообще не стесняется въ показаніяхъ. Я арестованъ въ Харьковѣ 1 мая 85 г. на улицѣ, а на квартирѣ взята типографія, 4 динамит. бомбы и прочего оружія. Товарищъ Лисянскій [7]) въ квартирѣ оказалъ сопротивленіе [у]билъ окалоточнаго надзират. и ранилъ жандарма онъ сидитъ въ Харьковѣ. Я былъ взятъ безъ оружія отвѣчайтѣ на папиросной бумагѣ, скручевайтѣ окуратней и брасайтѣ подъ скамью.

3. Записка от имени А. Белоусова П. Антонову.

Я, Андрей Белоусов [8]), жму руку, обвиняюсь за динамитные бомбы по запискам Лопатина, за сношения с Василием Алексеевичем [9]), спрашивают о рабочем Николае, отвечай, знают ли, что Николай и ты одно и то же [10]). Я отказался от показаний. Ив. Ив. [4]) показывает все и всех оговаривает. Неужели Владимир [6]) оговаривает? О каких бомбах ты пишешь и как вообще идут дела на юге. Кто взят, что с Ширяевыми [11]). О них спрашивают. Кто остался? Отвечай таким же способом.

4. Записка П. Антонова А. Белоусову 28 августа 1885 г.

I. Дорогой товар[и]щь! благословляю провиденіе зато, что моя записка попала въ твои честныя и благородные руки. Объ рабоч[ем] Николаѣ спрашивали и меня но это не я очевидно. Ожиговъ, [12])Ширяевы, Нѣстировъ [13]) — арестованы по оговору Ешина [14]) и Ив. Ив. два первые въ Петербур[ге.] Бомбы, что найдены у меня имеют форму цилиндра въ основан[ии] $3^1/_2$ высота $7^1/_2$ верш[ков.]. Я кимъ не какова отношенія не имѣлъ и онѣ у меня лижали временно, хотя начальство убиждено, что я принималъ участіе въ ихъ фабрикаціи [15]). Мой сожитель убившій при арестѣ окалодочнаго и ранившій жандар[ма] уже повѣшенъ въ Харьковѣ онъ еврей, студентъ Петерб[ургского] Университета Лесянскій. Я гуляю съ Владим. Николаевич. [16]) разъ въ недѣлю по разрешенію Депортамен[та] Полиціи я думаю, что онъ указалъ на мое участіе въ грабеже почтъ чтобы не задер[ж]ивать следствіе и [в] виду моего сознанія въ болѣѣ тяжкихъ преступленіяхъ. Я думаю, что онъ струсилъ и кой что разсказалъ изъ прошлого но чтобы онъ былъ подлъ к Ив. Ив.—я этого невижу. Дѣла на югѣ какъ я оставилъ вѣроятно хороши я всю зиму работ[ал] въ Севастополи а когда пріѣхалъ въ Х[арьков] встретилъ оживленіе понаѣхали изъ заграницы, одинъ изъ нихъ предложилъ мнѣ устроить типограф[ию] и передалъ на время бомбы вскоре по возвращеніи онъ долженъ былъ взять ихъ куда то но я былъ арест[ован]. [17]) Типографія должна бы быть боль-

шая и у меня была только незначит[альная] часть для печатанія мѣлкихъ брошуръ. Васил. Аликс. живъ, арес. несколько нечего незначющ[их] людей и все. Меня ждетъ вѣсилица но меня это не смущаетъ я вѣрю въ лучшее будущее в борьбе за это будущіе я боролся и погибну. Я покажу нашимъ палачамъ какъ умирают революціонеры последняя моя мысль будит привѣт честнымъ революціон[ерам] и презреніе гнуснымъ предателямъ и покупающему ихъ правительству. но я надеюсь на судѣ видится съ тобою мой благородный товарищь. Жму твою руку отвѣчай Можетъ я что забылъ такъ сообщу.

Антоновъ.

Карандашъ мнѣ не нуженъ [18]).

5. Записка от имени А. Белоусова П. Антонову 31 августа 1885 г.

Записку получил. Не знаешь ли, в чем обвиняют Ожигова и Ширяевых. Мне показывали бомбы этак в июле, но они имеют форму не такую, какую ты сообщаешь, а гораздо меньше; в делании этих бомб хотят также обвинить Луганцев [19]), но я отказываюсь от всякого отношения к бомбам, хотя Ив. Ив. показал, что я присутствовал в его квартире, а также и на пробе бомб вместе с В. А. [9]) Ты пишешь, что в Харькове оживление и наехало много заграничных, не верю я в этих заграничных и вообще во все наше начальство. Если бы не заграничные и не начальство, не сидели бы мы теперь в крепости, а пропагандировали бы среди рабочих и народа. Кто приехал из молодых или из старых, знаком ли мне и что думают предпринимать? Напиши вообще, какое направление существовало в последнее время, я думаю, если все внимание будет обращено на террор, то не далеко уедем, я и теперь остаюсь при том же мнении, что без народа ничего не сделаем. Жалко, что мы тогда весной, помнишь, толковали о большой типографии и брошюрах для народа, не отделились от всяких В. А. и В. Н., и теперь бы у нас кипела работа, но ты кажется был против. А затем прощай до следующей записки.

А. Б.

P. S. Здесь и Семен. [20]).

6. Записка П. Антонова А. Белоусову 1 сентября 1885 г.

Записку получилъ. В чемъ обвиняются ни знаю. Ты правъ надо быть глупцомъ чтобы вѣрить въ начальство которое кроме зла ничего намъ недало: выдавая лучшихъ людей, вольно и невольно, только отъ него и видили зо последніе время. Спѣшу срадостію сообщить, что праграмма партіи измѣняется въ смыслѣ твоего желанія и моего теперь. форма организаціи изменится начальство исчезаетъ [21]). Пріѣзжихъ я не знаю и не успѣлъ видится к[р]оме реформъ партіи о другихъ предпріятія[х] ничего не слышелъ хотя подозревалъ что бомбы куда нибудь п[р]едназначались. Обидно когда подумаешь 2 года душу и тѣло отдалъ партіи и въ итогѣ, благодаря начальству целый рядъ безполезныхъ преступленій, далеко прывышающихъ пѣтлю.

Я думаю сколько бы мы съ тобой принесли пользы если бы я бросилъ тогда В. Н. В. А. и проч. стали бы работать вмѣстѣ. Здесь я положительно преступенъ и за это мало вѣсилицы. Это слишкомъ поздно для меня: «овцы отдѣлились отъ козловъ» съ Семеномъ перебросился несколькими словами чрезъ окно 1/2 недѣли назадъ. Я пѣлъ и за это отдельно от васъ теперь сижу подъ допроснымъ казематомъ къ Ив. Ив. пріѣзжала жена доследую[щего раза].

Твой *Антоновъ*.

7. Записка от имени А. Белоусова П. Антонову 6 сентября 1885 г.

Впродолжении нескольких дней меня водят гулять вечером. Дождь, не рискую оставить записку. Ты пишешь, что программа изменилась. Прочна ли новая, или это изменение произошло только на юге и в каком смысле? Произошло ли принципиально изменение или только форма организации? Кстати, ты вероятно читал 10 №, что хорошо? Когда я был на воле, говаривали о рабочей газете, вышла ли? Напиши, брат, это интересно. На днях меня допрашивали. Предъявляли твою карточку и спрашивали, не давал ли я тебе динамиту, что Антонов проживал в Луганске, нам-де это известно, и вы напрасно отказываетесь. Беда с этим динамитом, если бы не динамит, то меня и брата выпустили бы. Чорт подал эти бомбы, а из-за них придется, вероятно, итти на каторгу. Пока отказываюсь и ничего не пишу, но, кажется, это ни к чему. Им известна вся подноготная. Все Ив. Ив. и записки Лоп[атина], тебе, вероятно, тоже предъявляют. Как думаешь, признавать или нет. Между прочим говорят: вы близко стояли к делу и вам должно быть известно назначение бомб. Они, кажется, думают, что для цареубийства. У меня забрали рисунок динамитного снаряда и, между прочим, спрашивали, не объяснил ли я тебе производство снарядов, или ты мне. Вообще они настаивают, что мы близко с тобой знакомы, и что ты не отрицаешь этого. Пришли карандаш, еще на одну записку хватит.

8. Записка П. Антонова А. Белоусову 7 сентября 1885 г.

Насколько я знаю програма окон[ч]ательно еще [не]выработана, но смыслъ ея таковъ: устрѧ[и]еніе праваловъ, значетъ измененіе типа организаціи, хотя я не успѣлъ узнать окончательно, но судя по толкамъ реформа будетъ радикальная и в принціпі[а]льномъ отношеніи во всей партіи; но предупреждаю, что эт[о] еще в теоріи, 10 № вышелъ въ 2-х изданіяхъ, [22]) въ немъ об[ъ]являлось об открытіи военныхъ действій, но какъ видишь прежде чемъ начать войну войска попали в пленъ, благодаря генераламъ рабочая газета невышла. На Пасху въ Хар[ьков] была привезена изъ Петерб[урга] газета «Рабочій», изданная фракціей «соціалъ демократъ», о которой узналъ я изъ этой же газеты, ее програма народническая [23]). Можешь сказать

какъ я проживалъ въ Луганскѣ, ведь мы тогда даже не говорили не о какихъ динамитахъ а распивали чаи, и скажи что я искалъ роботы. меня о знакомствѣ съ тобой еще не спрашивали. На ? знаю ли для чего бомбы я сказал: вѣрно думали в кого небудь бросить. они убеждены что я непрѣчастенъ в дѣлáніи бомбъ, но не постесняют[с]я обвенить въ томъ. У меня остался такой же карандашъ какъ твой; ты оказался мотомъ, а мой еще целъ, если раздѣлить то не будетъ ни у тебѣ, ни у меня если есть у тебя тушь то можно хотя изъ малаго кусочка здѣлать карандашъ такъ: скатай хлѣбъ въ форму карандаша, въ конецъ воткни тушь, искусно залипи, высуши у печки, — не уступить фабричной оправы. кусочекъ 1/4 дюй[ма] хватитъ на годъ, а ты умудрился 3/4 дюй[ма] ист[р]атить в двѣ недели. Мотъ! Если у тебя не осталось ни кусочка и не счего сдѣлать какъ выше сказано то напиши, разделимъ остальной.

Петр Антоновъ.

Are vuar mon cher.

9. Записка от имени Белоусова П. Антонову 13 сентября 1885 г.

Из твоей записки видно, что ты, как говорится, и в ус не дуешь, даже по французски распрощался; но должен сказать тебе, что во французском языке такого слова нет, т.-е. оно есть, но в таком виде, в каком ты его написал, ни один француз не поймет. Ты, брат, вспомнил прошлое счастливое времячко. Вернется ли? Завидую тебе, что ты гуляешь с Влад. Думаю, сколько то вы за час переговорите, сколько воспоминаний, я бы согласился лишнего полгодика просидеть, если бы и меня пустили к вам, да и чай к этому садик то наш хоть куды. Ты пишешь, что к бомбам и не причастен, а тебя все таки обвинят в этом. Что же, брат, делать, такова уж их натура. Делал—не делал, а забрали и не хочешь сказать откуда, значит ты—жандармская логика. Карандаш я себе раздобыл, могу даже поделиться.

10. Записка П. Антонова А. Белоусову 15 сентября 1885 г.

Въ двоемъ гулять хорошо, но с Влад. мнѣ въ последніе время не непріятно гулять и говорить, дѣло втомъ: я въ Ноябре 84 г. въ числѣ другихъ покушался ограбить почту подъ Воронижомъ. Дѣло не удалось и убит почталіонъ. В. зналъ что я участвовалъ и изъ трусости разсказалъ хотя администрація и не подозрѣвала это дѣло революціонеровъ. Я не могъ отрыцать своей виновности и простилъ ему эту подлость хотя за это меня и повѣсятъ но мерзавецъ не сообразилъ что слѣдствіе зная однаго участника можетъ добрατся и до остальныхъ. Этого я ему простить не могу. Ко мнѣ кажды почти день ѣздить Котляревскій [24]) и упрашиваетъ, чтобы я указалъ остальныхъ во избежаніи поголовныхъ арестовъ въ Воронеже и Ростовѣ я всякій разъ отказывался, а сегодня решительно заявилъ, чтобы онъ больше ни

ѣздилъ и не приставалъ ко мнѣ; а онъ сегодня сдѣлаетъ разспоряженіе арестовать 15 человѣкъ; а что: ловкую услугу оказалъ жандармамъ В. Н. *) Это главное обвиненіе иначе меня не повѣсили бы теперь суди приятны мои с нимъ прогулки? А все таки лучше чемъ одному и стораюсь забыть зло толкуемъ о лучшемъ прошломъ. Дорого бы я далъ чтобы проминять его на тебя; палача бы своего расцаловалъ. В слѣдующей запискѣ я разскажу тебѣ какъ я добился прогулки въ двоемъ. Ты пишешь, что французъ не понялъ бы меня; но ведь я писалъ тебѣ а не французу и ты понялъ меня что трѣбовалось даказать conprene vou.

Антоновъ.

Карандашъ не нуженъ мнѣ моего хватитъ до смерти еще по духовной тебѣ откажу.

11. Записка от имени А. Белоусова П. Антонову 18 сентября 1885 г.

Я забыл в чем тебя обвиняют, кроме последнего, т. е. нападения под Воронежем. Не понимаю, что сделалось с Вл. и что за польза ему было выдавать дело под Воронежем. Разве и он участвовал? Ты пишешь, что погибает до 15 человек. Это чорт знает что. Разве вас было 15-ть, и потом с какой стати в Ростове? Нападение было в Воронеже, а в Ростове произойдут аресты, разве эти были нелегальные, так что проследили, или ростовцы? Жалко, брат, если погибнет 15 человек и вероятно главным образом рабочие и все через начальство. Но может быть еще и не удастся открыть участников, так что дело может ограничиться только арестами. — Думаю, что дело обделано ловко. Если так, то верю тебе, с В. гулять тебе не совсем приятно, но думаю, что, посидев здесь в одиночке, и с самим дьяволом согласился бы гулять. Скажи пожалуйста, ты изучаешь французский? Не думаешь ли эмигрировать. Ну прощай, до следующей записки, если бы хоть раз свидеться, то просидел бы лишних полгода, но до суда вероятно не увидимся. Пиши! Имеешь ли ты деньги?

Твой *Б.*

12. Записка П. Антонова А. Белоусову 20 сентября 1885 г.

В. не участвовалъ, а зналъ что я участвовалъ. При отъездѣ изъ Р. въ В. [25]) онъ присутствовалъ и при нем мнѣ давалъ явку человѣкъ на которого онъ и указалъ, а давшиій явку прежде превлекался по одному дѣлу съ Воронежцами, [26]) вот его и всѣхъ знакомыхъ в Р. и В. арест., чтобы добится отъ него, къ кому онъ далъ явку и такимъ путемъ найти остальныхъ двухъ насъ было 3. Сегодня меня снимали въ 6-ти видахъ кабинетной величены чтоб послать в В[оронеж] самаго меня боятся везти и сюда то привезли в цѣпяхъ съ 8-ю жандармами благодаря Вл. еще до моего ареста онъ депортаменту палиціи такъ охарактеризовалъ меня: «если вы арестуитѣ этого человѣка то

*) Опускаем нецензурное выражение.

спасетѣ жизнь многимъ почталіонамъ» Въ Воскресеніе зашла рѣчь об Вор. я сказалъ: «ты причиной гибили людей», а онъ принахально говоритъ: «я здесь непричемъ, а ты отдуешся». Какого? затемъ еще выругалъ меня разбойникомъ и проч. онъ думаетъ что я ни скѣмъ не переписываюсь благодаря невозможности и некто неузнаетъ что онъ подлецъ, и думаетъ, что нескажу на судѣ товарищамъ и сегодня очень вежливо извинялся за Воскресеніе. Очень трусить; въ нашихъ свиданіяхъ я успѣ[л] вполне опредѣлить его: это такой мерзавецъ какъ и Дагаевъ и чтобы спасти не только отъ смерти, но даже отъ тяжелой каторги, готовъ здѣлать какое угодно подлое дѣло. За недѣлю до моего ареста его привезли в Харьковъ [27]) я убежденъ, что онъ былъ и здесь не совсемъ чистъ: во первыхъ у него никакихъ дѣлъ не было а 2-е меня въ Х. не допрашивали боялись что я изъ допросовъ могу сообщить о В. не лестные открытія, и сейюже недѣлю меня увезли и его. У меня есть 75 коп. если у тебя нѣтъ я пришлю ихъ тебе. Куда мне прійдется эмегрировать тамъ французскаго не надо. Будь здоровъ. Пиши поразборчивей.

Твой *Анто[онов]*.

13. Записка от имени А. Белоусова П. Антонову 23 сентября 1885 г.

Теперь я, братец, ужъ ровно ничего не понимаю и не могу сообразить, что за цель тогда было ему говорить о Воронежской почте. Напиши поясней и поподробнее о Харькове, я не понял. В. был в Харькове и арестовали тебя вместе с ним, и не допрашивая привезли в Петербург. Так что ли? или ты пишешь про какое либо дело, когда В. был еще на свободе? Если все, что ты писал до сих пор о В. верно, то это чорт знает что такое. После этого начинаешь терять веру в человечество. Но может быть ты ошибаешься и это простое совпадение фактов или может он попал в просак; но, как бы то ни было, узнаем на суде и из обвинительного акта. За деньги спасибо, я думал, что у тебя нет. Мне на днях из дому прислали 3 рубля, так что я хотел предложить тебе. Зачем ты давался сняться, пусть бы устраивали очные ставки, все развлечение и шепнуть можно. Я немножко прихварываю. Пиши.

Твой *Андрей*.

14. Записка П. Антонова А. Белоусову 26 сентября 1885 г.

В. арест. в Петербургѣ в Февралѣ; т. к. онъ былъ помѣченъ въ запискахъ Лап. и опасаясь строгого приговора созна[л]ся во всемъ и далъ характиристику о другихъ осуждая свои и другихъ действія, мои в особенности. 20 Апрѣля его привезли въ Харь[ковъ] (онъ зналъ, что я в Х. отъ сидящихъ), а 1-го Мая я арестованъ и хотя мое присутствіе в Х. очень было важно для слѣдствія; меня отправили сюда, за мной и его. Здесь мнѣ предъявили всѣ мои обвиненія; я сталъ отрыцать; тогда вводят В. и онъ началъ: «я не понимаю почему ты отрыцаешъ грабежи почтъ послѣ того какъ сознался въ убийстве Шкр. ты ду-

маешъ, что имъ ни извѣстно. А Вор[о]н! Ведь это — разбой!... и молчать объ этомъ только задерживат[ь] следствие и т. д.». Уже послѣ этого, что я могъ думать? Шпіонъ. А почему я за[к]лючилъ что онъ помогъ меня арестовать: мне тоже предлагали чтобы перевезти въ Х. и чтобы я указалъ посрѣдствомъ сношеній [г]де тѣ люди что передали мнѣ бомбы и гдѣ их дѣлали, но до отъѣзда я долженъ дать чистосердечно показаніе т. е. оговорить другихъ и за это получу помилованіе и уменшеніе срока каторги и к. т. *) всѣ указанія не будутъ записаны, никто не узнаетъ. [28]) Значить братец ты мой из обвинительнаго акта мы ничего не узнаем. Желаю тебѣ добраго здаровія.

Антон[ов].

Владимір обвиняется: въ почтѣ под Х., в соучастіи въ убійствѣ Шкрябы: онъ отдалъ мнѣ приказ убить его и какъ агентъ партіи. За все за это ему пригрозили вѣсилицей. Ну... он мнѣ самъ сознался, что страшно боялся быть повешаннымъ и очень обрадывался, что его арестовали. Еще разъ будь здоровъ. Другъ мой зачемъ уныніе и невѣріе повѣрь всѣ эти мерзавцы никогда не были порядочными людьми.

15. Записка от имени А. Белоусова П. Антонову 2 октября 1885 г.

Приходится верить, что с В. дело не чисто, знаешь что, друг, ведь из предложения тебе прокатиться в Харьков можно выкинуть ловкую штуку и наклеить нос жандармам; не всегда же им нас надувать, можно и их поддеть. Только нужно тонко повести дело. А штука была бы знатная; во 1-х) ты бы мог уйти, в 2-х) рассказать в Харькове свои соображения о В. и в 3-х) вместо того что указать, еще более запутать и прокатиться на юг; с каким бы удовольствием я туда проехал. Отчего бы тебе не измыслить чистосердечных показаний, которые бы были настолько близки к истине насколько солнце близко к земле. Ловко бы. Только, брат, скажу тебе, что трудно, а игра была бы знатная. Пусть бы тогда злились. Ты и теперь сидишь отдельно или перевели назад. Мы здесь иногда перекликаемся. Меня на днях вызывали, особенного ничего не спрашивали. Что с Воронежем? Добрались ли до конца или нет? Пиши, брат. Не знаю, доживу ли я до суда, совершенно ослабел, еле двигаюсь. Бессоница, отсутствие аппетита, одним словом, скверно, а ты как себя чувствуешь?

16. Записка П. Антонова А. Белоусову 6 октября 1885 г.

И не знаю какъ выразить участя недугующий мой друже. Вотъ ужь истенно природа неразсудительна и глупа недает что нужно намъ съ тобой: мнѣ жить не много осталось, а здоровье какъ на зло прибавляется; спать могу 2 сутокъ, апетитъ чертовскій только ж[р]ать нечего хотя мнѣ в недѣлю дают 1 ф. сахару и чай от казны. Съ большимъ удовольствіемъ отдалъ бы апетит сонъ и проч. ненужные мнѣ предмѣты,

*) Так в подлиннике. Надо, очевидно: «т[ак] к[ак]».

тебѣ; это просто не прилично мнѣ иметь все это виду, так сказать, торжественной смерти и харя моя не изобразить приличную случаю фигуру, (къ иск[р]енному ужасу раманистовъ). Меня не безпокоят по поводу Вор[о]н[ежа] вѣрно еще ничего не открили, а нос наклеить братецъ невозможно ни какъ: без солидной горантіи не повизутъ; я уже пробовалъ, хотя В. и говоритъ что я имею право выдать т. к. меня оговорили. Какова логика! А ты какъ думаешъ? Квартирую тамъ же и очень доволенъ имею 2 окна выходящихъ туда гдѣ васъ провозят на допросы, и хотя стекла не прозрачные но есть форточка, въ которую превосходно видна карета въ 2-х саж. от меня и если-б не зановеси и выставляли физіономію, то я узнавалъ бы; но меня увидить невозможно я на 2 арш[ина] не могу подойти къ форточки благодаря спеціяльно для меня устроиной рѣшотки, а все таки лучше бы съ вами въ окно бы перекликались я когда былъ съ вами, то целый день пѣлъ и кричалъ въ окно слышелъ ли ты? Как здоровье? Где ты сидишъ в верху или въ низу? Будь здоров.

Антон[ов].

17. Записка от имени А. Белоусова П. Антонову 8 октября 1885 г.

Ты спрашиваешь, какова логика В. Я сам потерял всякую логику и в субботу дал чистосердечные показания и оговорил даже некоего Гончарова, сидящего в Луганской тюрьме за кражу серебряных и золотых вещей. После всего, что пришлось мне узнать от прокурора и увидеть показания других, я считаю глупым итти на каторгу из-за людей, которые вечно лгали, употребляли тебя как пушечное мясо и в заключение же предали; и потом думаю, что запирательство ни к чему не поведет и что может быть этим я облегчу участь как свою, так и других, потому что у начальства такая масса сведений, что все равно доберутся до корней, и запирательство задержит только процесс и ухудшит как мое, так и их положение. Я даже начинаю сомневаться и в В., может быть он очутился в таком положении, в каком и я, и свидание твое с ним в присутствии прокурора просто желание с его стороны облегчить твою участь. Скажу тебе, что я порицаю то народовольчество, которое было в последнее время, и считаю его даже вредным; по моему это не народовольчество, а анархизм. Спрашивали о тебе — признал. Рассказывали про Воронежское дело. Некрасивое дело; кажется, что у них уже достаточно сведений. Ты вероятно изумишься, прочитав это послание. Что же, брат, я думаю, что теперь такое время, что своя сорочка ближе к телу и повторяю опять, что все равно добрались бы до Гончарова и других и без меня и мои показания не принесут вреда, а только ускорят дело. Я думаю, что то же будет и с Воронеж. и бомбами, которые забрали у тебя. Меня обещают перевести через месяц в дом предв. заключения. Отвечай поскорее и может быть это будет последняя; как ни жалко, но иначе нельзя, я совсем болен. Ты может быть посмотришь после этого на меня как на изменника, но я таковым себя не считаю. Это убеждение не [?]

необходимость. Я люблю народ и всегда буду защищать интересъ большинства и работать въ пользу свободы, но считаю глупымъ жить на каторге не из-за дела и убеждения, а из-за людей, которые путемъ лжи и инсинуаций губятъ массу честной молодежи.

18. Записка П. Антонова А. Белоусову 10 октября 1885 г.

Я допускаю что ты былъ поставленъ въ такое положеніе, что далъ чистосердечное показаніе и несколько на тебя не сержусь, но изъ этого еще не слѣдует что я долженъ предать людей довѣрявшихъ мнѣ; а что до Н. В. [29]) то я самъ къ организаціи последняго времени питаю презреніе. В домѣ П. З. легко достать карандаш (я тамъ сиделъ), оставь свой мнѣ. Пращай.

Твой *П. Анто*[*нов*].

Я въ скверномъ настроеніи и навряд доживу до суда. Если меня на судѣ не будет, то кланяйся знакомымъ и кто будитъ въ Шлисельбургѣ, то передадутъ поклонъ сидящим тамъ моимъ товарищ[ам.]

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Кирило — имя П. Антонова в народовольческих кружках.

[2]) Шкриоба (также Шкряба), Федор Акимович, харьковский народник, арестованный 26 февраля 1883 г. и давший ряд указаний полиции. Список лиц, им оговоренных, имеется в деле деп. пол., 1884 г., № 239, «по заявлению Шкриобы»; однако текста самого «заявления» здесь нет, и оно нам пока неизвестно; судя по списку, Шкриоба знал очень мало, и указания его очень мало вразумительны. Указания эти, т. е. заявления, были даны непосредственно Судейкину, который был в Харькове в это время (это были дни больших арестов в Харькове в связи с арестом здесь Веры Николаевны Фигнер), так как после убийства Шкриобы, которое было выполнено П. Антоновым 8 января 1884 г. (Шкриоба был освобожден из-под ареста 15 сентября 1883 г.), начальник харьковского губ. жанд. управления писал 14 января 1884 г. судебному следователю харьковского окружного суда: «Шкриоба ни мне, ни подведомственным мне жандармским чинам никогда и никаких не делал ни словесно, ни письменно заявлений по делам политического характера о каком-либо отдельном лице или кружке противоправительственного направления. Делал ли Шкриоба подобного рода заявления кому-либо из чинов полиции или другим лицам, не состоящим в моем ведении, мне неизвестно» (Дозн. по делу Лопатина, т. XVI, лл. 44—45). О действительной роли Шкриобы знали в другом месте. Начальник петербургского губернского жандармского управления писал 30 января 1884 г., за № 279: «убитый в Харькове с 8 на 9 января мещанин Федор Шкряба служил секретным агентом у подполковника Судейкина и для сношений с ним имел адрес: Максимилиановский пер., д. 1, кв. 2, «Богданов». (Дозн. по лопат. делу, т. XVIII, л. 59). Это лицо, «не состоявшее в ведении» харьковского жандарма, — Судейкин, само и предало Шкриобу. Судейкин указал на Шкриобу Сергею Дегаеву, а тот через Петра Елько передал в Харьков «постановление» об убийстве Шкриобы. Небольшое извещение об убийстве, известное в двух изданиях, было написано тем же Елько, как он об этом говорит в своих показаниях.

[3]) «Записки Лопатина» — одиннадцать шифрованных записок, которые были захвачены у Лопатина при аресте и которых он не сумел проглотить. Такие же записки числом двадцать, но с гораздо меньшим числом записей, были захвачены у Н. М. Саловой и в очень малом количестве еще ранее у Н. П. Стародворского. В январе 1886 г. при аресте С. Иванова в захваченных у него аналогичных запис-

ках повторялись также имена, встречающиеся в записках Лопатина. По захваченным у Лопатина, а также Н. М. Саловой и Стародворского запискам были произведены тогда обширные розыски и аресты в Петербурге, Москве, Ростове-на-Дону, Таганроге, ст. Урюпинской, Харькове, Луганске, Ейске, Одессе, Туле, Саратове, Воронеже, Задонске, Тюмени, Симферополе, Полтаве, Кременчуге, Орле, Екатеринославе, Чернигове, Казани, Рязани, Дерпте, Минске, Тифлисе, Киеве, Ставрополе, Ярославле, Смоленске, Каменец-Подольске, Томске, Екатеринбурге. Один этот перечень городов, ключ к которым давали лопатинские записки, дает возможность судить о значении этого крупнейшего разгрома.

[4]) Гейер, Иван Иванович, член харьковской народовольческой группы, впервые привлекался в 1879 г., еще будучи учеником харьковского реального училища, но был военно-окружным судом оправдан; за ноябрьские беспорядки в 1882 г. в Харьковском ветеринарном институте был исключен и выслан на родину; принимая ближайшее участие в работе харьковской группы, организовал изготовление разрывных снарядов в Луганске; после ареста дал подробнейшие откровенные показания; хотя по приговору подлежал смертной казни, последняя заменена ему ссылкой в Томскую губернию, но уже 15 июня 1887 г. ему было разрешено жить в Туркестане, 22 ноября 1889 г. получил полное помилование, но оставлен в Туркестане. Умер в 1908—1909 гг. в Ташкенте в должности губернского советника.

[5]) Три нападения на почты: 1) под Харьковом, 17 октября 1883 г., по дороге на Чугуев и Купянск, в котором участвовали П. Антонов, Як. Бердичевский, В. Панкратов и Н. Мартынов; 2) под Харьковом, 24 октября 1883 г., на почту, отправлявшуюся в Купянск и Изюм, в котором участвовали, кроме только что упомянутых, Всеволод Гончаров и Петр Елько; здесь был убит Яков Бердичевский; 3) 17 ноября 1884 г., в четырех верстах от Воронежа, — участвовали П. Антонов, С. Кузин и В. Ливадин; здесь был убит почтальон Мануйлов.

[6]) Елько, Петр Андреевич («Владимир», «Владимир Николаевич») б. студент Киевского университета; начал свою народовольческую деятельность в киевской народовольческой группе в 1882—1883 гг.; перейдя на нелегальное положение, переехал в Харьков и здесь, главным образом, вел работу среди рабочих. Елько, занимая все более видное место, становится связующим звеном между центром и местными группами. В 1883 г. он привозит из Петербурга от Дегаева приговор Шкриобе; участвует в организации ростовской типографии и арестуется в феврале 1885 г., когда он вновь приезжает в Петербург для установления связей. После ареста он не только предает своими показаниями всех, кого только знает, но и активно помогает делу розыска. С этими целями его везут для розыска П. Антонова в Харьков; с этими же целями ему были даны прогулки с Антоновым, на которых он, напр., помог установить личность Ф. Бартенева. Подлежал смертной казни, которая была заменена ему четырьмя годами каторжных работ. По высочайшему повелению от 15 июня 1887 г. каторжные работы были заменены Елько высылкой в Туркестанский край на 6 лет. 18 октября 1889 г. был освобожден и от высылки и даже от гласного надзора.

[7]) Лисянский, Саул Абрамович, обратил на себя внимание полиции в 1884 г. вследствие сношений его в Харькове с Евг. Гедрович, которая, работая в прачечной А. И. Слоновой, «неоднократно начинала» разговоры «о трудности жизни рабочих». Однако начальник петербургского охранного отделения (Лисянский был тогда студентом Петербургского университета) 4 марта 1884 г. писал, что «в образе его жизни ничего предосудительного замечено не было и дел, которые компрометировали бы его в политическом отношении по отделению по охранению порядка и общественной безопасности, в С.-Петербурге не производилось» (Дело деп. пол., 1884 г., № 94, «О Лисянском и Кривицком», лл. 5, 27—27 об.). По воспоминаниям А. Н. Макаревского, Лисянский приехал в Харьков в начале 1885 г.

на положении нелегального. Он был, — пишет Макаревский, «такой еще наивный и необстрелянный революционер, что даже наша группа воздержалась ввести его в свою организацию». В Харькове Лисянский сблизился с Антоновым, и они поселились на одной квартире. Когда 1 мая Антонов был арестован, на эту общую квартиру полиция явилась на следующий день, 2 мая, и Лисянский оказал вооруженное сопротивление (стрелял во время обыска), убил околоточного Фесенко и ранил жандарма Булгакова. 10 июня Лисянского судили в военно-окружном суде, а 20 июня он был повешен (А. Н. Макаревский, «Революционный Харьков в 1882—1885 гг.», «Летопись Революции», 1923 г., № 5, стр. 82—83, 86—91, его же некролог: «Последние дни Саула Абрамовича Лисянского» в «Народной Воле» № 11—12, «Литература партии Народной Воли», Париж, 1905, стр. 814—815 и статьях в «Путях Революции» 1926 г., № 2—3).

[8]) Белоусов, Андрей Григорьевич, в 1882 г. был исключен из Харьковского университета в связи со студенческими волнениями и выслан в Луганск; в 1883 г. был вновь арестован в связи с делом Чемодановой и др. и получил 2 года гласного надзора полиции; уехал в Луганск. Арестован вновь 26 октября 1884 г. Из показаний о нем укажу на свидетельство Леонида Ешина, что «политическую экономию Маркса он читал очень усердно и знает ее, кажется, хорошо». Судился в лопатинском процессе, присужден к ссылке на поселение. Отбывал ссылку в Колымске, где пробыл до 1895 г. В 1896 г. умер.

[9]) «Василий Алексеевич» — Сергей Андреевич Иванов, в это время находившийся за границей, чего власти, повидимому, не знали. Антонов познакомился с Сергеем Ивановым в Харькове в сентябре 1883 г. Они встречались затем в Харькове и в Ростове-на-Дону. Иванов принимал участие в переговорах о нападениях на почту под Харьковом (Дозн. по лопатинскому делу, т. X, лл. 86—90).

[10]) «Рабочего Николая» искали вследствие следующей шифрованной записи, обнаруженной у Н. М. Саловой: «Возле полиции парикмахер Ожигов, хозяин; спросить Николая рабочего или Белоусова... Луганский завод. Будем добывать динамит». Для расследований по Луганску туда был специально командирован тов. прокурора Романов, который 1 ноября 1884 г. сообщал о своих тщетных попытках установить, кто такой этот «рабочий Николай» (Дело деп. пол., 4 делопр., 1884 г., № 417, т. II, «О Германе Лопатине», лл. 257—258). Лишь позднее, по показаниям Леонида Ешина, было установлено, что это Петр Антонов. (Дознание по лопатинскому делу, т. I, л. 124 об.)

[11]) Ширяевы Устин и Иван, братья, были арестованы в Луганске, так как они «находятся в постоянном общении» с Н. А. Ожиговым. Однако впоследствии раскрылось их более близкое участие в луганских делах.

[12]) Ожигов, Николай Александрович, луганский парикмахер, сын штабс-капитана, был обыскан 26 октября 1884 г., но оставлен на свободе под особым надзором полиции. Он признал лишь свое знакомство с Гейером по любительским спектаклям как с суфлером и знакомство с Семеном Белоусовым. По указанию М. Полякова, он принадлежал к луганской группе уже с 1883 г. Будучи освобожден, он явился на квартиру арестованного Андрея Белоусова, требуя выдачи оставленного там револьвера. 3 мая 1885 г. он был вновь арестован, сослан сперва на 3 года в Пермскую губ., в затем переведен, с удлинением срока на 6 лет, в Восточную Сибирь, в Балаганск. В связи с балаганским протестом против бойни 1889 г. приговорен к 4 годам каторги, замененной ссылкой на вечное поселение. Ум. в 1927 г. (Дозн. по лопатинскому делу, т. VIII, л. 10; т. IX, л. 78; Некролог М. Полякова «Каторга и Ссылка», 1927 г., № 6, стр. 231—232).

[13]) Нестеров, Яков Павлович, занимался письмоводством в Луганске у мирового судьи, был арестован по связям с указанными в предыдущих примечаниях лицами.

[14]) Ешин, Леонид Петрович, в 1882 г. был уволен из Харьковского ветеринарного института в связи со студенческими беспорядками. Поселившись в Луганске, он познакомился с Ив. Гейером и затем некоторое время вел занятия с ра-

бочими, находясь и впоследствии в отношениях к луганским народовольцам. Судился с Лопатиным, был приговорен к ссылке в «места Сибири, менее отдаленные».

[15]) Бомбы, взятые на квартире П. Антонова и С. Лисянского, были из числа изготовленных в Луганске. Антонов действительно не имел каких бы то ни было поручений к употреблению этих бомб в террористических целях.

[16]) Прогулки Антонову были разрешены только с Елько. Этими общими прогулками пользовались для целей розыска. Елько выпытывал у Антонова то, что надобно было департаменту полиции. Так, когда был арестован Федор Бартенев, то Елько добыл на прогулке у Антонова сведения, помогшие установить его личность (так изложено дело во всеподданнейшем докладе по этому делу — «Еженед. Записки», 1885 г., т. II).

[17]) Слова Антонова о понаехавших из-за границы могут быть отнесены лишь к 1884 г., когда после парижского съезда съехались в Петербурге Г. Лопатин, Н. Салова и В. Сухомлин, в Киев поехал тотчас арестованный В. А. Караулов, а в Одессу — А. Н. Кашинцев. В ростовскую типографию Антонов был привлечен для работ А. Н. Бахом (см. его воспоминания в «Былом», 1907 г., № 2, стр. 206—207).

[18]) К записке был приложен кусочек карандашного графита, тщательно завернутый в бумагу. Он сохранился при деле в конверте, где находится и эта записка.

[19]) Луганцы — поименованные в прим. 11—13 и 20.

[20]) Белоусов, Семен Григорьевич, брат Андрея, слесарь на луганском заводе, арестован одновременно с братом, 26 октября, судился в лопатинском процессе и был оправдан.

[21]) Слова Антонова об изменении программы и формы организации являются отголоском идей, волновавших партию «Народной Воли» с 1884 г., когда по инициативе петербургских деятелей были подняты эти вопросы, едва не приведшие к организации новой партии — «Молодой партии Народной Воли». Последняя ставила себе задачею усиление массовой работы и замену поэтому политического террора террором аграрным и фабричным, а также децентрализацию партийной организации.

[22]) «Народная Воля», № 10, вышла одновременно в двух изданиях — дерптском и ростовском. Ростовское имеет пометку, что оно — «2-ое издание»; ростовское издание короче — в нем нет имеющихся в дерптском издании иностранного обозрения, хроники арестов, отчета и некоторых заметок.

[23]) «Рабочий» № 1 — орган благоевской «партии русских социал-демократов» (недавно переиздан Ленинградским Истпартом — «Рабочий», Ленинград, 1928).

[24]) Котляревский, М. М., тов. прокурора Петербургской судебной палаты.

[25]) Ростов и Воронеж.

[26]) В нападении под Воронежем 17 ноября 1884 г. участвовали, кроме Антонова, С. Кузин и В. Ливадин (см. прим. 5).

[27]) Антонов здесь вполне прав. Елько повезли в Харьков в розыскных целях, в частности — в целях розыска именно Антонова.

[28]) Об этом эпизоде — предложении Дурново — Антонов довольно подробно рассказывает в своей автобиографии, написанной для В. Н. Фигнер («Голос Минувшего», 1923, № 2), о нем говорил и на процессе («Процесс 21», Женева, 1887).

[29]) «Народной Воли».

Конституционные проекты начала 80-х гг. XIX века.

Опубликованный недавно Центрархивом дневник Е. А. Перетца [1]) вновь оживил интерес к факту, который в старой литературе носил обозначение «конституционного движения» начала 80-х годов. Подъем революционного движения создавал в довольно широких кругах не только русского, но и европейского общества предположение о грядущем в России перевороте. Этот подъем движения затронул и либерально-земские круги, сперва — в лице Петрункевича — даже сделавшие попытку в декабре 1878 г. войти в соглашение с революционерами, но неудачно (Осинский, с которым в Киеве велись эти переговоры, не мог согласиться на отказ от аграрного переворота в грядущей революции); затем они пытались продолжать это дело и в земских собраниях и в нелегальных формах (правда, очень слабых). Не мог этот подъем не отразиться и на правительственных кругах, а также на феодально-дворянских, которые то пытались вновь вернуться к провалившимся в начале 60-х годов проектам дворянского ограничения самодержавной власти, то во введении суррогатов народного представительства видели средство привлечь на свою сторону буржуазно-земский либерализм и тем укрепить себя в борьбе с революционными сторонниками государственного переворота.

Из подобных конституционных проектов начала 80-х годов, вышедших из правительственных и близких к ним кругов, до сих пор опубликованы лишь немногие: мы знаем проекты П. А. Валуева, в. князя Константина Николаевича, гр. М. Т. Лорис-Меликова и гр. П. П. Шувалова. Записка П. А. Валуева, написанная еще в 1863 г., и записка в. к. Константина Николаевича (1866 г.) рассматривались в январе 1880 г. в особом совещании о допущении в Государственный Совет выборных от населения. Оба эти проекта были тогда отложены. В январе 1881 г. вопрос о выборном представительстве снова встал на разрешение, по инициативе Лорис-Меликова. Одобренный Александром II проект должен был получить окончательное утверждение 4 марта 1881 г. в Совете Министров. Событие 1 марта решило судьбу лорис-меликовского проекта, а вскоре и самого Лорис-Меликова.

Четвертый из упомянутых выше проектов — Шуваловский привлекал до сих пор наибольшее внимание исследователей. Несколько лет тому назад между В. Я. Богучарским, Б. Кистяковским и другими исследователями возникла вокруг этого проекта оживленная полемика по вопросу о роли гр. П. П. Шувалова в конституционном движении начала 80-х годов, а И. Д. Шишманов в статье «Конституционная записка

[1]) Центрархив. Дневник госуд. секретаря Е. А. Перетца (1880—1883.) Гиз. 1927.

гр. П. П. Шувалова» опубликовал его проект о «совещательном народопредставительстве».

Записка П. П. Шувалова, напечатанная Шишмановым в «Вестнике Европы» за 1913 г., № 8, датируется 1882 годом. Шишманов указывал, что «на обложке наверху слева написано карандашом: «Май 1882 г. Переделана из записки, поданной в конце мая 1881 г.» На основании этого Шишманов сделал вывод, что Шувалов подавал записки два раза: первый раз в мае 1881 г. и второй раз в том же месяце 1882 г. Впрочем, о первой записке (1881 г.) некоторые сведения есть в неразгаданном еще до конца документе, в так называемой «Записке об обществах, не столь вредных», впервые попавшей в печать еще в 1883 году: сведения эти — в ряде цитат из шуваловской записки. Нужно, впрочем, оговориться, что невозможно утверждать, что записка 1882 г., сообщаемая Шишмановым, действительно содержит подлинный текст той записки, которая была подана Александру III. Препровождая ее в 1883 г. Драгоманову, Шувалов пишет, что эта записка есть только «набросок записки», и действительно, текст Шишманова носит ряд черт черновика.

Новые материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, в значительной мере расширяют поле наших наблюдений и дают картину ряда изменений, которым подвергалась эта записка.

К конституционному проекту Шувалова найдены сейчас, кроме напечатанного, еще 2 текста: первый, написанный до 1 марта, и второй, относящийся, очевидно, к маю 1881 г. Дата первого текста, как написанного до убийства Александра II, не может вызывать никаких сомнений и по содержанию текста, и из сопоставления его с другими. Так, первый текст начинается главою: «Неизбежность введения представительного начала», остальные же главою: «Настроение общества после 1 марта». В первом тексте читаем: «В России до начала настоящего царствования», в тексте 1882 г.: «В России до начала прошедшего царствования», и далее: «Со вступлением же государя на престол» вместо: «С вступлением покойного государя на престол». «Совершенные преобразования» вместо «Преобразования прошедшего царствования». Наконец кончается этот до-мартовский текст политически существенным предложением автора перенести проведение реформы на будущее царствование ввиду того, что «нерасположение государя к представительному порядку имело неоднократно случай проявляться», и обществу это настолько известно, что оно не поверило бы, что дарование народного представительства не является вынужденною уступкою правительства.

Этот до-мартовский текст лег в основу позднейшего текста 1882 г., а также и того текста, которым пользовалась выше упомянутая «Записка об обществах, не столь вредных», и если сличить данный текст с текстом 1882 г. и отбросить те их различия, которые вызваны разным временем написания записок, то во всем остальном они обнаруживают свою непосредственную связь. В обоих текстах, напр., предлагается двухпалатная система представительства: нижняя палата — из членов, избранных всеми разрядами обывателей (так, как производятся земские выборы), и верхняя палата — учреждение «предохранительного свойства», которое должно иметь своим общим назначением «приостанавливать недостаточно обдуманные стремления» нижней палаты. Для большего обеспечения «умеренности» и «зрелости» верхней палаты признается и там и здесь необходимым: 1) избирателям предоставить не безусловный выбор членов, а лишь право представлять кандидатов на утверждение верховной власти, и 2) пожизненное избрание членов. Однако наш экземпляр этого до-мартовского текста вскрывает

еще один факт, существенный для оценки происхождения шуваловских проектов. Именно, этот текст представляет собой автограф отца Павла Петровича Шувалова — Петра Павловича, бывшего губернским предводителем петербургского дворянства в 1857—1862 гг., в пору упомянутых выше стремлений дворянства, под впечатлением реформы 1861 г., к конституционному режиму, когда и петербургское дворянство, возбудив ряд ходатайств, заговорило о введении местного самоуправления и, хотя и глухо, о народном представительстве. Выше мы указывали, что в 1880 г. первыми ласточками «конституционной» весны были созданные шестидесятыми годами проекты Валуева и Константина Николаевича, теперь убеждаемся, что и шуваловский проект восходит к традициям того же времени.

Второй печатаемый нами проект довольно легко позволяет отнести его к маю 1881 г. по упоминанию об апрельских «последних событиях в юго-западном крае». Однако мы стоим пока перед неразрешимым при наличных данных вопросом, был ли именно этот текст подан Александру III 23 мая 1881 г. или тот, неизвестный в полном виде, текст, отрывки из которого находятся в указанной выше записке департамента полиции. Все же политическое значение этого документа не теряет от этого своего интереса, тем более значительного, что этот майский текст 1881 года политически резко отличается как от до-мартовского текста, так и от текста 1882 г. Вместо двухпалатной системы, которую мы с иллюстративною целью подчеркнули в приведенном выше сопоставлении текстов 1881 г. (до-мартовского) и 1882 г., здесь идея представительства осуществляется не самостоятельным представительным учреждением, но каждому земскому собранию предоставлено избрание двух лишь кандидатов на должность действительных членов традиционного Госуд. Совета, вполне равноправных «с ныне существующими и пользующихся тою же бессрочностью службы и тем же чином, мундиром и содержанием», и таким образом входящих в общие рамки бюрократического аппарата. Утверждение одного из кандидатов зависит только от царя.

Колебания политической обстановки 1881—1882 гг. дают нам достаточное объяснение причин изменений записки. 1880 г. и начало 1881 г., время написания первого текста, были, вместе с тем, временем либеральных колебаний правительства, вопрос о народном представительстве тогда официально ставился на разрешение (рассмотрение проектов П. А. Валуева и в. к. Константина Николаевича, Лорис-Меликова), и до-мартовская редакция конституционной записки П. П. Шувалова носит характер проекта введения представительного учреждения. Второй текст записки относится к маю 1881 г. и составлен, следовательно, вскоре после выхода известного манифеста 29 апреля, где была подчеркнута незыблемость самодержавия, — и шуваловский проект бюрократизирует свои формы. Но если политическая обстановка вынудила изменение записки, то как только в правительстве в 1882 г. снова поднимается вопрос об учреждении народного представительства в связи с проектом Земского Собора Игнатьева, Шуваловы возвращается вновь к первому либеральному проекту.

Отметим, что этот второй текст, сохранившийся также в беловике, с которого он ниже напечатан, в черновике написан, как и первый, рукою отца — Петра Павловича Шувалова, но с поправками и исправлениями сына — Павла Петровича, известного деятеля «Священной Дружины», с именем которого до сих пор только и связывались все шуваловские записки.

Третья из печатаемых здесь записок принадлежит гр. А. А. Бобринскому. Гр. Алексей Александрович Бобринский родился в 1852 г., слушал лекции по юридическому

факультету (курса не окончил.) С 1891 г. по 1895 г. был предводителем петербургского дворянства и гласным СПБ городской думы. В III Государственной Думе сидел на скамьях правых. Состоял председателем совета «объединенного дворянства», в деятельности которого принимал значительное участие. 1 января 1912 г. был назначен членом Госуд. Совета. С 1886 г. состоял председателем Археологической комиссии. Умер эмигрантом в 1927 г. Его дневник за позднейшие годы напечатан в «Красном Архиве», т. XXVI.

Написанная под свежим впечатлением 1 марта (ее дата: 10 марта), записка Бобринского не выдвигает конкретного плана преобразований, но зато является живым откликом тех толков, которые шли тогда в близких к правительству кругах. Именно в их передаче одна из любопытных сторон этой записки. В согласии с некоторыми «конституционалистами», Бобринский событие 1 марта считает совершившимся потому, что «не призвана была Россия к охране своего властителя», и в призвании выборных людей «к совету да к содействию» он видит единственный путь к искоренению крамолы. Противникам народного представительства Бобринский возражает, что «исторического, прогрессивного движения развития народа остановить невозможно», и считает, что «то время, когда Россия должна быть призвана к совету настало»: «только в совете выборных лучших людей лежит прямой исторический путь, начертанный и указанный провидением к благоденствию и славе России», и этим более всего занят Бобринский. Однако главное положение записки: искоренение крамолы.

Подлинники печатаемых материалов хранятся в Особом отделе Моск. Центр. Архива Октябрьской Революции. Текст подготовлен к печати З. С. Кухаренко.

Редакция.

I. Первая редакция шуваловской записки.

Неизбежность введения представительных учреждений. Применение начала народного представительства к нашему государственному управлению есть такое нововведение, к которому можно относиться с сочувствием или недоверием, но осуществления которого следует, во всяком случае, ожидать в недальней будущности.

Неизбежность этого преобразования обнаруживается уже из того обстоятельства, что начало народного представительства, несмотря на все поставленные ему преграды, проникло окончательно во все государства образованного мира, что сам русский государь допускает его применение в некоторой части своих владений и что в последнее время под непосредственным его покровительством оно было введено в единоплеменные нам области, только что освобожденные от турецкого владычества. Трудно после этого себе представить, чтобы Россия могла долго оставаться единственным исключением в семье европейских государств и чтоб она не удостоилась от своего государя того доверия, которое он оказывает своим финляндским подданным или покровительствуемым им славянам.

Если засим ближе всмотреться во внутреннюю связь всех преобразований, ознаменовавших настоящее царствование, то столь же трудно

предположить, чтобы после освобождения крестьян и дарования каждому русскому подданному гражданской самостоятельности, гласного суда и участия в местном самоуправлении, после предоставления печатному слову широкого простора для обсуждения государственных вопросов и правительственных распоряжений, вся эта совокупность коренных реформ не была доведена до конечной цели, ей логически указанной и чтобы была поставлена непреодолимая преграда дальнейшему развитию нашей государственной жизни. И на самом деле, будет ли эта преграда в состоянии долго удержаться не только против возрастающего напора общественного мнения, но и против практической необходимости обращаться к жизненным силам страны для многих из стоящих на очереди внутренних вопросов?

Не следует ли после этого признать, что введение представительного начала в наш государственный строй принадлежит к числу тех исторических явлений, которые человеческая воля не в состоянии предотвратить, и что предстоящая ныне задача заключается не в упорном и бесплодном противодействии неизбежному преобразованию, а в исследовании тех условий, при которых это преобразование могло бы совершиться с наибольшею пользою или, по крайней мере, с наименьшею опасностью?

Пространство прав народного представительства. Эти условия сложны и многоразличны; между ними едва ли не первое место занимает вопрос о пространстве прав предполагаемого представительства.

По этому предмету расходятся мнения людей, даже наиболее добросовестных и благонадежных. Некоторые желают, чтобы государь передал будущим собраниям некоторую часть своих верховных прав. Другие, напротив того, полагают, что эти собрания должны носить характер исключительно совещательный.

Приверженцы первого мнения, т.-е. полноправности собрания, приводят в пользу своего мнения некоторые соображения, повидимому, весьма веские, но едва ли применимые к настоящему положению России. Они утверждают, что если будут установлены собрания чисто совещательного свойства, то эти собрания, немедленно по их созвании, будут иметь единственною целью расширение своих прав и приобретение преимуществ западных парламентов; что, таким образом, с первого приступа к делу обнаружится борьба между правительством и выборными представителями страны, борьба, которая в скором времени поведет к неизбежному разрыву. — С другой стороны, при полноправном собрании, правительство, в случае наступления существенного разногласия, сохраняет за собою право распустить палату, и возникшее несогласие получает правильную развязку посредством новых выборов; при собрании же совещательном, члены оного, в случае подобного разногласия, могут сами разъехаться и поставить таким образом правительство в затруднительное или даже почти безвыходное положение.

Эти соображения, очевидно, внушенные политическою историею Запада, не соответствуют нашим отечественным условиям. Идея самодержавия столь глубоко вкоренена в огромном большинстве русского населения, что трудно себе представить возможность открытой борьбы с государем для захвата его верховных прав. Во всяком случае, если бы даже и была сделана подобная попытка, то правительству на долгое еще время обеспечен легкий успех. На самом деле этого не будет. Нельзя отрицать, что в России находится не малое число людей, враждебно настроенных не только к настоящему государственному строю, но и ко власти и личности государя, что эти люди обладают особою энергиею, сильною организациею и во многих случаях значительным талантом. Очень может быть, что большее или меньшее число этих людей проникнет в будущее собрание и будет в состоянии завлечь людей, лишенных самостоятельных убеждений и легко возбуждаемых чужим красноречием. Но тем не менее эта группа, публично поставленная лицом к лицу ко всей массе русского народа и чувствуя свое численное ничтожество, не отважится на гласное изъявление своих притязаний и намерений. От вождей этой группы следует ожидать не безумного и открытого посягательства на верховную власть государя, а, по всей вероятности, продолжения тех тайных приемов, посредством которых они и ныне преследуют наше государственное и общественное разложение.

В дополнение к вышесказанному, следует заметить, что если даже и допустить со стороны совещательного собрания стремление к захвату власти, то это опасение не может быть устранено дарованием собранию некоторых верховных прав. Действительно, в подобном случае, несогласие может еще легче произойти по поводу разграничения этих прав и стремления к их расширению. Сущность дела останется одна и та же, с тою только разницею, что собрание будет иметь под собою некоторую законную почву для предполагаемой борьбы, правительство же будет лишено части своей нравственной силы для противодействия.

Если засим обратиться ко второму существенному аргументу противников совещательного представительства, т.-е. к опасению самовольного разъезда членов собрания в случае пренебрежения к их советам, то и этот довод, при ближайшем рассмотрении, теряет большую часть своей силы. Прежде всего, следует заметить, что самовольный разъезд членов совещательного собрания есть такое событие, которое не может состояться без предварительных переговоров и совещаний, и что правительство будет иметь полную возможность само заблаговременно распустить собрание и назначить новые выборы. Есть даже некоторый повод предполагать, что выборы, назначенные по повелению государя, недовольного своими советниками и требующего высылки более благонадежных, будут более благоприятными, чем если бы дело шло о собрании, распущенном на основании западного конституционного права. Говоря вообще, должно признать,

что вопрос о совещательном или полноправном характере собраний есть вопрос, без сомнения, весьма важный, но вопрос внешний или формальный, мало затрогивающий самую сущность дела. В том и другом случае собрание будет иметь огромное значение и несомненный вес. В том и другом случае согласное действие правительства и собрания будут вернейшим обеспечением благосостояния государства; в том и другом случае, наконец, разрыв между правительством и народным представительством будет величайшим несчастием, не оставляющим другого спасительного исхода кроме приостановки представительных учреждений и восстановления безграничного единоличного авторитета верховной власти. Но при совещательном собрании государь будет иметь полную возможность прибегнуть к этой мере прямо и открыто, простым применением удержанных им верховных прав; между тем, как при конституционном порядке, даже в случае неизбежной необходимости, разрушение этого порядка будет носить характер действия вероломного, совершенного государем в нарушение данных им торжественных обещаний.

В пользу совещательных собраний следует привести еще некоторые едва ли опровержимые доводы.

Каждому известно, что огромное численное большинство русского народа не понимает другого источника власти, кроме воли самодержавного государя. Оно нуждается в верховном вожде, на которого могло бы возлагать свои надежды и повеления которого считаются чем-то святым и ненарушимым. Отречение от этой власти, передача ее в руки какого бы то ни было представительного учреждения будет казаться действием непонятным, некоторого рода изменою со стороны государя, отказывающегося от своего народа и отдающего его в руки собрания господ, спорящих в палате. Созданный таким образом источник власти будет казаться огромному большинству народа чем-то неестественным или насильно навязанным государю, и на подобном основании едва ли можно надеяться создать прочный государственный строй.

Но рядом с этим огромным большинством, составляющим несокрушимый, но, так сказать, пассивный оплот верховной власти, имеется меньшинство, незначительное по сравнительному числу своих членов, но представляющее огромную важность по нравственному своему значению. Это меньшинство обнимает всю без исключения образованную часть нашего общества, и к нему примыкают все новые силы, постоянно выделяющиеся, по мере успехов просвещения, из глубины народных масс.

Если принять в соображение, что к этому меньшинству принадлежит все сословие землевладельцев, все лица, занимающие административные и судебные должности, все военные начальники, все общественные деятели, выходящие из пределов общинного самоуправления, далее, все лица, трудящиеся на поприще науки, литературы, журналистики, адвокатуры, — то нельзя не признать, что, в этой, срав-

нительно малочисленной, группе людей сосредоточивается государственная и общественная жизнь и что без их постоянного содействия наше отечество не только потеряло бы свое место в семье образованных народов, но обратилось бы в бессвязное сочетание разрозненных единиц. К тому следует присовокупить, что почти исключительно в среде этого меньшинства слагается общественное мнение, эта таинственная и непреодолимая сила, которой в образованном мире подчиняются судьбы государств.

Стремления всех лиц, составляющих это меньшинство, до крайности разнообразны; но между ними преобладает одно общее чувство: это болезненное неудовольствие настоящим и нетерпеливое ожидание той минуты, когда живые силы страны будут призваны к участию в государственном деле. Это возрастающее стремление образованной части нашего общества есть такое явление, которым было бы безрассудно пренебрегать; но не менее безрассудно было бы всякое преобразование, идущее в разрез простой и твердой вере в самодержавие, отражающейся в остальной массе русского народа. Необходимость соглашения этих разнородных условий и удовлетворения настоятельных потребностей времени, при соблюдении коренных отечественных преданий, составляет едва ли не сильнейший аргумент в пользу установления народного представительства совещательного свойства, т.-е. призыва, по повелению самодержца, выборных людей для воспользования их советами, но без предоставления им участия в верховной власти, сосредоточенной в руках государя.

Общий характер и организация народного представительства. В связи с вопросом о пространстве прав представительных учреждений находится вопрос о той форме и том общем характере, которые должны быть им присвоены.

Между приверженцами совещательного представительства распространено то мнение, что в настоящее время следовало бы ограничиться приглашением выборных людей к участию в заседаниях Государственного Совета, при сохранении в главных чертах характера и круга действия этого учреждения. Это предположение могло бы иметь в свое время полезное применение, но ныне подобная мера была бы, по всей вероятности, недостаточна. Она далеко не удовлетворила бы общих надежд и ожиданий и была бы принята за полумеру, носящую отпечаток робости и нерешимости. С другой стороны, народное представительство, замкнутое в столь стеснительной рамке, не могло бы оказывать главной ожидаемой от него заслуги, а именно — усиления государственной власти. Эта мысль требует некоторого разъяснения.

При всевозможных образах правления, по мере успехов просвещения и упрочения гражданской самостоятельности, развивается особая сила, трудно определяемая, ничем неузаконенная, а простирающая между тем свое влияние на все отправления государственной и общественной жизни. Это — сила общественного мнения.

В России до начала настоящего царствования общественное мнение имело мало возможности проявляться и оставалось равнодушным к большей части внутренних вопросов. С вступлением же государя на престол и по мере приведения в исполнение великих преобразований, им предначертанных, общественное мнение, освобожденное от прежних стеснений, стало быстро развиваться и постоянно расширять круг своего действия. Ныне наше отечество более и более подходит под общие условия образованных государств, где правительственная власть поставлена в необходимость зорко следить за общественным мнением, направлять его, насколько это возможно, уступать ему, в случае необходимости: одним словом, итти рука об руку с общественным мнением и из этого союза заимствовать нравственную силу, необходимую для твердого и последовательного ведения государственных дел.

К сожалению, для наших государственных людей эта задача трудно исполнима.

Наше общественное мнение проявляется постоянно в самых разнообразных формах: в бесчисленном множестве разговоров, сочинений, журнальных статей, в постановлениях и ходатайствах органов местного самоуправления. Несмотря на эту разрозненность, оно неоднократно призывалось на помощь правительством для подготовления и приведения в исполнение предначертанных преобразований; и на самом деле оно оказывало дружное содействие во всех тех случаях, где дело шло об обеспечении личной самостоятельности, о развитии местного самоуправления, об отмене стеснительных привилегий или не менее стеснительных порядков. Но по вопросам, выходящим из круга этих единовременных освободительных реформ и касающимся однако живейших интересов государства, его безопасности, экономического быта, внутреннего благоустройства, — общественное мнение вообще раздробляется на множество бессвязных и разноречивых проявлений, не могущих служить ни полезным указанием, ни действительною точкою опоры для правительства. Зато все эти разрозненные голоса постоянно сходятся для прямого или косвенного осуждения состоявшихся мероприятий, для прямого и косвенного порицания правительственных деятелей. Этот дух критики и неудовольствия весьма естественен. Совершенные преобразования устранили, без сомнения, множество зол и принесли нам огромнейшие благодеяния, но, тем не менее, они не могли излечить все недуги, тяготевшие над нашим отечеством и составляющие, в большей или меньшей степени, неизбежный удел всякого человеческого общества. Человеческая природа такова, что по мере исцеления тяжких страданий недуги, более легкие и дотоле мало замеченные, ложатся, в свою очередь, тяжелым бременем и что каждое оказанное благодеяние порождает целый ряд новых нужд, настоятельно требующих удовлетворения. Сверх того, не следует терять из виду, что наше поколение, находясь еще под впечатлением минувших порядков, не успело рас-

статься с привычкою видеть в органах правительства нечто враждебное, едва ли могущее внушать сочувствие или доверие. Таким образом, при всей преданности России своему государю, весь правительственный строй, составляющий необходимый проводник между верховной властью и народом, остается предметом общего нерасположения и лишен возможности искать в общественном мнении необходимого сочувствия и содействия. С другой стороны, опасение этого недоброжелательства простирает свое разлагающее влияние на деятельность должностных лиц и порождает в самой среде правительственного организма отсутствие единства в направлении, неверность исполнения и какое-то постоянное колебание между послаблением и произволом.

Привлечение народного представительства к участию в государственном деле является вернейшим средством для устранения всех этих неблагоприятных условий. Присутствие выборного элемента устранит в значительной степени то недоверчивое настроение, от которого не могло отвыкнуть наше общество. Общественное же мнение, вместо того, чтобы проявляться в виде бессвязной и неприязненной силы, будет олицетворяться в правильном и законном учреждении, с которым правительственная власть будет иметь возможность входить в соглашение и нравственная поддержка которого будет придавать всем мероприятиям недостающие им последовательность и единство.

Не подлежит сомнению, что водворение желаемого согласия будет составлять сложную и нелегкую задачу. Тем не менее, эта задача будет несравненно более исполнима, чем успешное управление государством посредством правительственного организма, лишенного сочувствия, и при общественном мнении, негодном к оказанию содействия и способном лишь к порицанию и подрыву власти.

Если предшествующие соображения применить к вопросу о форме народного представительства, наиболее применимой к России, то нельзя не признать необходимым, чтобы означенное представительство по своему составу и организации могло признаваться действительным выражением общественного мнения страны, так как без соблюдения этого условия ожидаемое от него содействие лишилось бы большей части своего значения.

Н и ж н я я п а л а т а. Согласно сему, желательно, чтобы существенным и живым органом народного представительства было собрание, состоящее исключительно из выборных членов и пользующееся положительною самостоятельностью в пределах предоставленных ему совещательных прав.

Что касается до избрания членов означенного собрания, то казалось бы необходимым признать за основание те самые начала, согласно которым производятся ныне земские выборы, т.-е. привлечение всех разрядов обывателей к непосредственному или посредственному участию в выборах. При таком составе избирателей можно надеяться на создание народного представительства, выражающего действительные стремления страны и в среде которого должно будет образоваться

значительное большинство, преданное государю и способное к полезному содействию правительственному делу.

При всей однако несомненной благонадежности коренных чувств народного представительства, следует предвидеть и возможность некоторых неблагоразумных увлечений, в особенности в первое время существования собрания, когда еще не успеет сложиться прочное большинство и пока умы будут находиться под влиянием прежнего смутного состояния общественного мнения. Подобные увлечения, и ныне нередко проявляющиеся в нашей ограниченной общественной жизни, будут, по всей вероятности, явления случайные и скоропреходящие, развитию которых может заранее быть поставлена преграда в самой организации народного представительства.

Верхняя палата. Для сего необходимо, чтобы рядом с собранием, составляющим существенный орган представительства, было другое учреждение, предохранительного свойства, соответствующее верхним палатам западных государств. Это учреждение должно иметь общим назначением приостанавливать недостаточно обдуманные стремления народного представительства и давать, таким образом, возникающим вопросам время достаточно созревать; в случае же увлечений положительно вредных или опасных оно должно давать им решительный отпор и самостоятельным своим противодействием предупреждать непосредственные столкновения между народным представительством и правительственной властью.

Для исполнения этого назначения необходимы два условия: 1) чтобы была уверенность в постоянной благонадежности верхнего собрания; 2) чтобы, при этом, верхнее собрание пользовалось возможным уважением и достаточным весом в общественном мнении. Достижение этих условий находится в прямой зависимости от состава собрания.

В представительных государствах состав верхних палат весьма различен. Бывают наследственные члены, члены по назначению верховной власти и члены по выборам.

О создании в России наследственных пэров нет надобности распространяться. Оно шло бы без малейшей пользы, в разрез нашему народному духу, и созданное таким образом учреждение не только было бы лишено всякого нравственного веса, но возбуждало бы вражду и неуважение во всех без исключения слоях нашего общества.

Второй способ, т.-е. правительственное назначение членов верхнего собрания удовлетворяло бы, даже с избытком, одной стороне вопроса, давая правительству возможность составить из верхнего собрания всегда послушное себе орудие. Но эта самая послушность лишила бы это учреждение всякого предохранительного значения. Общественное мнение усматривало бы в нем составную часть самого правительства, и, при таких условиях, каждое несогласие между верхним и нижним собранием принимало бы характер прямого столкновения с правительственною властью.

По всем соображениям следует отдать предпочтение применению выборного начала. Не подлежит сомнению, что избрание членов верхней палаты должно бы быть подчинено особым правилам; для этой цели мог бы быть установлен ограниченный состав избирателей преимущественно из лиц, уже облеченных общественным доверием. Этим избирателям могло бы быть предоставлено не безусловный выбор членов, а лишь право представлять кандидатов на утверждение верховной власти; но, во всяком случае, необходимо, чтобы тем или другим путем верхняя палата была произведением выборного начала и признавалась не правительственным учреждением, а составною частью — частью наиболее умеренною и зрелою народного представительства. Для большего же обеспечения этой умеренности и этой зрелости, желательно, чтобы было применено еще одно условие, а именно, пожизненное избрание членов.

Пожизненность выборных членов, при постоянном их соприкосновении с высшим правительством, повело бы вернейшим путем к желаемой цели, т.-е. к образованию верхней палаты, неспособной, конечно, к пассивному послушанию, но зато готовой оказывать самостоятельное содействие всем благим начинаниям и давать столь же самостоятельный отпор всяким враждебным и опасным стремлениям.

Участие земских собраний в государственном представительстве. В дополнение к предшествующим соображениям необходимо сказать несколько слов об одном предположении, весьма распространенном в нашем обществе и согласно которому народное представительство должно бы состоять из депутатов, высылаемых всеми губернскими земскими собраниями государства.

Применение этой меры имело бы, по всей вероятности, самые неблагоприятные последствия.

Депутат, выбранный не чисто избирательным съездом, а организованным собранием, желания и стремления которого ему известны и перед которым он должен предстать по окончании возложенного на него поручения, находится в положении, лишающем его необходимой самостоятельности. Подобный депутат из советника, вызванного верховной властью для обсуждения общих польз государства, обращается поневоле в поверенного, ответственного непосредственно перед выславшими его доверителями.

Плоды подобной системы имели случай вполне проявиться при высылке дворянских депутатов во время освобождения крестьян, и применение этого порядка к народному представительству было бы, без сомнения, столь же неудачно.

Этим путем получилось бы собрание, члены которого не считали бы себя уполномоченными на ту долю уступчивости, которая составляет жизненное условие всякого представительного правления и без которого ни отдельные оттенки мнений не могут слиться в одно общее большинство, ни самое большинство не имеет возможности установить и удержать прочное соглашение с правительством.

Подобная система повела бы, таким образом, не к исцелению, а к увековечению настоящих наших общественных недугов.

Мысль о предоставлении земским собраниям избирательных прав могла бы получить одно только безвредное применение. Земским собраниям было бы возможно поручить избрание членов верхней палаты и то при непременном условии, чтобы означенные члены выбирались пожизненно и были, таким образом, ограждены от зависимости, препятствующей их полезной деятельности.

Образ действий правительства. Все вышесказанное по поводу состава и организации народного представительства обнимает только одну сторону вопроса. Участь всего предполагаемого преобразования находится в зависимости и от другого, не меньшей важности условия — от будущего направления и образа действий правительственной власти.

Очевидно, что для власти, действующей гласно и открыто под нравственным контролем народного представительства, требуется степень самонаблюдения и безукоризненности, мало известная при других порядках, и что там, где дело идет о приобретении добровольного содействия, необходимо соблюдение всех условий, могущих обеспечить общественное доверие. Эти условия сами по себе не сложны. Здесь требуется, прежде всего, здравый смысл и политическая честность, т.-е. верность общественной пользе, данному слову и справедливости.

Означенные условия до сего времени не составляли всегдашнего удела наших государственных людей. Есть однако некоторая уверенность, что недостающие качества сами привьются к будущим правительственным деятелям под неотразимым влиянием действительной гласности и правильно проявляющегося общественного мнения.

В заключение ко всем предшествующим заметкам, нельзя не выразить того убеждения, что какие бы ни были избраны меры для водворения представительного порядка, всему этому делу должно быть предпоставлено одно коренное условие. Необходимо, чтобы введение нового порядка истекало из личной воли государя и признавалось знаком милости и доверия его к народу, а не последствием каких бы то ни было требований или опасений. Необходимо, кроме того, чтобы благодарность всего общества восходила непосредственно до самого престола и не останавливалась на том или другом государственном деятеле.

Эти существенные условия едва ли исполнимы в настоящее царствование. Нерасположение государя к представительному порядку имело неоднократно случай проявляться, и оно до того общеизвестно, что дарование представительных учреждений было бы принято не за самостоятельное изъявление его державной воли, а за неохотную уступку, выпрошенную настояниями приближенных советников. Насколько можно предусматривать обстоятельства будущего времени, казалось бы, что лучшим временем для предполагаемого преобразо-

вания было бы начало будущего царствования. В таком случае однако, ввиду нетерпения, проявляющегося в нашем обществе, было бы полезно, чтобы отныне предугадывалось до некоторой степени намерение наследника престола. Эта надежда, при всей своей неопределительности, была бы достаточна для успокоения умов, в особенности, если бы в то же время было приступлено к некоторым мерам, нисколько не противоречащим настоящему порядку, но тем не менее, могущим служить подготовлением ожидаемой будущности.

Сюда относятся преимущественно исправление и усовершенствование наших административных порядков и дальнейшее следование по пути и без того избранному в последнее время нашим правительством. Не менее важно было бы заблаговременное приведение наших финансов в возможно удовлетворительное положение, так как финансовые вопросы наиболее способны возбуждать противодействие собраний, и как в особенности должно быть избегнуто водворение представительного порядка во время острого финансового кризиса.

При соблюдении означенных условий, т.-е. при постоянном следовании правительства по пути внутренних усовершенствований и при достаточной нравственной уверенности, что представительный порядок составляет конечную цель самого правительства, можно на все продолжение настоящего царствования с достоверностью ожидать успокоения общественного мнения и улучшения его направления. Но не следует терять из виду, что это затишье будет некоторого рода нравственным кредитом, открытым правительству, и что, чем шире и продолжительнее будет этот кредит, тем необходимее для будущего царствования будет осуществление окрепших надежд.

2. Вторая редакция шуваловской записки.

Настроение общества после злодеяния 1 марта. В первые дни после злодеяния 1 марта не было места для другого впечатления, кроме общего ужаса, овладевшего русскою землею. Со всех концов империи рвались к подножию престола для выражения глубокой скорби, негодования и вместе с ним искреннейшей преданности государю. Казалось, что кровь царя-мученика укрепила и запечатлела навсегда союз государя со всеми членами русской семьи.

Нравственные недуги общества. Но рядом с этими порывами верности стали проявляться признаки менее успокоительного свойства, раскрывающие опасность и глубину нравственных язв, проникших во все слои нашего общества. С каждым днем, более и более обнаруживались: сильная организация крамолы, сознательное или бессознательное содействие, ей оказываемое значительною частью образованного населения, проникновение крамолы не только в состав администрации, но и в рабочий класс, а иногда и в самые ряды армии, наконец, сомнительное настроение крестьянства,

обманутого коварными наущениями и способного в некоторых случаях к совершению неожиданных насилий.

Меры к устранению этих зол. Ввиду всех этих опасных явлений предлагаются ныне как в правительственной, так и в общественной среде разные средства к их устранению. Одни возлагают все свои надежды на предупредительные и репрессивные меры правительства; другие не видят другого спасения, кроме применения к нашему отечеству западного конституционного строя, третьи утешаются разными красноречивыми изречениями, лишенными внутреннего содержания. Весьма многие, наконец, не видя перед собою никакого благонадежного исхода, относятся к окружающим их явлениям с каким-то безучастным фатализмом.

Казалось бы, однако, что, при трезвой оценке настоящего положения нашего отечества, при твердой решимости не увлекаться ни предвзятыми понятиями, ни пристрастными суждениями, при принятии в руководство одних лишь указаний здравого смысла, можно бы притти к менее односторонним и более плодотворным заключениям.

Прежде всего, едва ли возможно согласиться со взглядом тех лиц, по мнению коих одно лишь строгое и непреклонное применение правительственной власти способно вывести наше общество из болезненного его состояния. В поддержку этого мнения приводятся вообще прежние примеры нашей истории и в особенности царствование императора Николая Павловича. Действительно, между эпохою его восшествия на престол и настоящим временем представляется некоторое наружное сходство. Николай Павлович, как и ныне царствующий государь, встретил с первого шага перед собою опасный заговор, но этот заговор он подавил твердою рукою и затем неуклонным применением самодержавной воли он обеспечил России 30 лет спокойствия, послушания и порядка.

Но этот пример положительно неприменим к настоящему времени.

Заговор 14 декабря был явлением внешним, ограниченным и не оставившим за собою никаких видимых корней. Подавив заговор, верховная власть нашла перед собою общество, сохранившее все прежние предания, проникнутое не только духом, но и привычкою безусловного повиновения, и не смеющее помышлять о других политических побуждениях, кроме благоговейного страха перед волею государя. И в самом деле, во все продолжение царствования Николая Павловича, несмотря на отсутствие всяких мер личной предосторожности и на значительное число лиц, пострадавших, иногда и безвинно, от правительственных мер, не было в пределах империи ни одного покушения на жизнь государя, ни одного сколько-нибудь опасного политического заговора.

Ныне времена далеко не те; крамола пустила многочисленные корни в разные слои нашего общества и, несмотря ни на казни, ни на предупредительные меры правительства, она находит в окружающей среде средства к постоянному пополнению своих рядов.

Что же касается самого общества, то со времени великих преобразований прошедшего царствования оно несомненно подверглось коренному перерождению и представляет ныне почву, едва ли удобную для приемов исключительно авторитетного характера.

При всех однако совершившихся переменах в сознании огромнейшего большинства населения самодержавие сохранилось всецело. Оно составляет и ныне единственный источник власти и краеугольный камень всего государственного строя. Но для исполнения своего священного назначения самодержавная власть не может более удовольствоваться одними лишь услугами должностной иерархии. Ей необходимо сблизиться с общественными силами, ею самою призванными к жизни, и пещись о направлении их ко благу и преуспеянию отечества.

Осуществление означенного начала, т.-е. совместного применения государственной власти и нравственного воздействия на общество, составляет основную мысль нижеследующих соображений.

Меры административные. Не подлежит сомнению, что все правительственные меры, могущие воспрепятствовать внешнему проявлению крамолы и затруднить ее распространение, должны стоять в настоящее время на первом плане.

При этом очевидно, что главная и неусыпная забота всех и каждого должна быть обращена на охранение безопасности государя, в лице которого каждый истинно русский человек усматривает не только возлюбленного верховного вождя, но и олицетворение самой идеи отечества и государства.

Но этим не должна ограничиваться заботливость правительства. Необходимо еще, чтобы законный порядок и спокойствие были повсюду бдительно оберегаемы местными властями и чтобы каждая смута была подавляема при самом ее возникновении не столько крутыми, сколько своевременными мерами. Последние события в юго-западном крае с избытком доказывают последствия несвоевременных репрессивных мер; воспоминания же о пугачевском бунте дают понятие о тех неожиданных бедствиях, которые могут в данную минуту этим путем разразиться на государство.

Необходимо еще, чтобы государственная власть имела в своем распоряжении вполне благонадежную полицейскую организацию, действующую с полным единством и способную зорко наблюдать за настроением общественного мнения; чтобы правительство обращало особое внимание на ограждение церкви, школы и армии от крамольной пропаганды и чтобы оно особенно заботилось об обеспечении за собою должного влияния на направление органов печати. Все эти меры, составляющие повсеместно одну из главнейших забот правительств, в особенности там, где дело идет о борьбе с враждебными силами, не применялись у нас до сего времени с достаточною умелостью и настойчивостью, между тем их пренебрежение может во многих случаях повлечь за собою обессиление всех благих предначинаний государственной власти.

Важность сохранения внешнего мира. Наконец, есть еще обстоятельство, которое не может быть обойдено молчанием, — это крайняя необходимость удержания, хотя бы на некоторое время, мирных и благоприятных отношений к иностранным государствам. Самые жизненные внутренние вопросы, вопросы аграрные и податные, находятся в теснейшей зависимости от экономического и финансового состояния государства; благоприятное же разрешение этих вопросов было бы до крайности затруднено упадком народного кредита, причиняемым не только самою войною, но и каждым опасением международного разрыва. Не следует терять из вида и то, что всякая война, даже и победоносная, оставляет за собою глубокое нравственное сотрясение, могущее при болезненном без того состоянии нашего общества повлечь за собою неисправимые последствия.

Недостаточность одних административных мер. Соблюдение всех вышеприведенных условий представляет жизненную важность, и на них должно прежде всего быть устремлено внимание и энергия правительства в смутную минуту, нами ныне переживаемую. Но этим путем далеко не разрешается вся предстоящая задача.

Необходимость нравственного воздействия на общество. Предполагаемые меры останавливают внешние проявления зла, замедляют его распространение и создают благоприятные условия для его исцеления, но они мало содействуют самому исцелению. Подавление нравственного зла, имеющего свои корни в душе человека, достигается не полицейскими и административными приемами, но единственно непринудительным воздействием на ум человеческий, на его чувства и стремления. По этому поводу могут быть предоставлены следующие соображения:

Сподвижники крамолы. Группа злодеев-фанатиков, всегда готовых жертвовать и чужою и своей жизнью для преступных целей, сама по себе малочисленна. Но сила и опасность этих людей не заключается единственно в их отваге и организации; эта сила таится еще в той огромной среде, которая сознательно или бессознательно способствует крамоле и из которой крамола имеет возможность постоянно вербовать новобранцев.

Лица, сочувствующие крамоле. Действительно, за непосредственными сподвижниками крамолы замечается, прежде всего немалое число личностей, положительно сочувствующих ее деятельности, или, по крайней мере, ее руководящим началам, но не обладающих достаточною решимостью, чтобы стать в ее ряды.

Эти личности редко и лишь в задушевных разговорах высказывают свои крайние убеждения; вообще же они располагают уменьем прикрывать их самыми благонамеренными побуждениями; они, таким образом, не только ограждают себя от всякого законного преследования, но и сохраняют возможность занимать влиятельное положение

в рядах так называемой интеллигенции, в печати, школе и администрации. В их руках окончательно сосредоточиваются все средства к широкой, так сказать, подготовительной пропаганде, обнимающей едва ли не все наше образованное общество.

Болезненное состояние общества. Если от распространителей вредных понятий перейти к обществу, служащему поприщем их деятельности, то здесь замечаются некоторые несозревшие еще проявления той новой жизни, к которой Россия была призвана в прошедшее царствование. Это — крайняя впечатлительность, легкая восприимчивость ко всякой искусно приправленной новизне и общий недостаток стойкости и самостоятельности в суждениях. Понятно, что при подобных условиях наше общество представляет удобное поприще для ловких распространителей опасных учений; и нечему удивляться, если в этой заразительной атмосфере, охватывающей молодого человека с самой школьной скамьи, вырабатываются постоянно некоторые личности, способные к крайним увлечениям. Неудивительно и то, что под влиянием означенных условий совокупность нашего образованного населения представляет тот болезненный и тревожный характер, который ныне в нем усматривается.

Живучесть родных преданий. Но, к счастию, этот кажущийся успех враждебных сил есть явление более поверхностное. Оно не могло заглушить коренные народные чувства, сила которых еще в последнее время столь ярко обнаружилась при самом восшествии государя на престол. И, какие бы ни были временные колебания в видимом настроении общества, есть полная уверенность, что эти чувства сохранили свою живучесть и что в сердце огромного большинства русских людей таятся благотворные родные струны, к которым государь может смело прикоснуться доверчивою рукою.

Польза народного представительства. Вернейшим средством для достижения этой цели был бы призыв государя, обращенный к живым выборным силам страны для участия в государственном деле.

Идея о подобном соединении самодержавия с тою или другою формою народного представительства у нас не нова и проникала неоднократно в высшие государственные сферы. Но в настоящее время ввиду всех стоящих на очереди внутренних вопросов, она приобретает особую важность, так как едва ли возможно представить себе практическое разрешение этих вопросов без участия, в том или другом виде, представителей местных польз.

Неудобство временного вызова депутатов от земства. По этому поводу выражается нередко мысль, проникающая даже в правительственные сообщения, о необходимости вызова депутатов от земств для выслушания по некоторым предметам их предварительного мнения. Хотя эта мера и считается многими более осторожною, чем установление постоянного представительного

учреждения, она, тем не менее, должна быть признана несравненно более опасною.

Подобная временная и ограниченная мера едва ли способна возбудить горячую благодарность и будет, вероятно, принята не столько за проявление милости и доверия государя, сколько за правительственное распоряжение, обнаруживающее несостоятельность администрации и открывающее обществу удобное поприще для присвоения себе некоторой самостоятельности. По созвании же временных представителей от земства, государственная власть будет иметь перед собою членов организованных совещательных учреждений, высланных с более или менее определительным полномочием и имеющих в виду скорое возвращение в избравшую их среду для представления отчета в своей деятельности. Эти поверенные будут по необходимости до такой степени несговорчивы, что едва ли окажется возможным достигнуть взаимного согласования их мнений, а еще менее — согласования этих мнений с общими видами правительства. Плоды подобной системы имели случай вполне проявиться при высылке дворянских депутатов во время освобождения крестьян; и применение этой системы к вопросам, ныне стоящим на очереди, едва ли оказалось бы удачным. Во всяком случае, последствия всякой неудачи будут в настоящее время несравненно важнее. При неблагоприятном исходе, каждый депутат, возвращаясь в свое земство, заразит его своим неудовольствием, и окончательным последствием всего этого, при следующих очередных собраниях земства, может легко быть одновременное заявление со всех концов империи неприязненных ходатайств.

Выгоды постоянного представительного учреждения. Если, взамен временного вызова депутатов от земства, допустить предположение о даровании выборным людям постоянного и определенного участия в государственном организме, то дело представляется в совершенно ином виде.

Прежде всего, не может подлежать сомнению, что подобное проявление царской воли возбудит общие и искреннейшие чувства благодарности и окажет, с первого приступа к делу, самое благодетельное влияние на нравственное настроение общества. Но этим далеко не должны ограничиться плодотворные последствия предполагаемой меры.

Общественное мнение, значение и нравственная сила коего не могут быть отвергнуты, проявляется в настоящее время таким образом, что редко может служить пособием для правительства и, в большей части случаев, носит неприязненный характер, затрудняющий все отправления государственной жизни.

Руководители общественного мнения пользуются для проявления своей деятельности бесчисленным множеством средств — каковы: частные разговоры, судебные прения, совещания местных собраний и в особенности печатное слово. Повсюду выражаются суждения о наших внутренних делах, но суждения бессвязные, разноречивые,

мало способные служить нравственною опорою государственной власти и представляющие некоторое единодущие лишь для прямой и косвенной оппозиции правительству или для проведения опасных тенденций.

Это нечто вроде партизанской войны, преследуемой повсюду против правительства деятельными, осторожными и часто неуловимыми врагами.

Очевидно, что постоянное и организованное собрание выборных людей удалит на задний план все эти разрозненные явления и что в центральном представительном учреждении, выходящем из самых недр страны, огромное большинство общества будет усматривать вернейшего для себя руководителя.

Дело состоит только в том, чтобы означенное учреждение не обратилось в центральное орудие вредных стремлений, было, напротив того, постоянным и добросовестным помощником правительства во всяких благих его предначинаниях.

Достижение этой цели, т.-е. установление полезного и благонадежного представительства, повидимому, осуществимо; оно осуществимо если не в полном развитии представительного начала, то, по крайней мере, в существенных его чертах и на такой период времени, в продолжение которого общество успело бы отрезвиться от настоящего брожения; дальнейшее развитие этого начала будет впоследствии зависеть от усмотрения верховной власти и находиться в связи с обстоятельствами, ускользающими ныне от человеческой предусмотренности.

Выборные члены Государственного Совета. Предполагаемый благоприятный результат мог бы, по всей вероятности, быть осуществлен следующею простою мерою: предоставлением каждому губернскому земскому собранию избрания двух кандидатов на должность члена Государственного Совета [1]). Под членами Государственного Совета здесь разумеются не депутаты-эксперты или временные заседатели, но действительные члены, вполне равноправные с ныне существующими и пользующиеся тою же бессрочностью службы и тем же чином, мундиром и содержанием.

Эта мера, с первого взгляда, может поразить своею странностью.

Предоставление земству замещения высших должностей в государстве, должностей, служивших доселе наградою за долголетнюю службу первых сановников империи, может показаться, в особенности в высших служебных сферах, чем-то изумительным и непонятным.

---

[1]) Само собою разумеется, что утверждение одного из кандидатов зависело бы единственно от государя и что там, где нет земского собрания, оно было бы заменено на этот предмет особым избирательным съездом. (*Примечание в подлиннике.*)

Между тем, эта именно неожиданность и новизна составляют одно из главных достоинств предлагаемой меры.

Достоинства этой меры. Это будет служить ясным, простым, всем понятным проявлением воли самодержца, делающего смелый шаг для сближения с своим народом и неподчиняющего себя при этом никакой условной преграде. Другое достоинство этой меры заключается в том, что ею устанавливается та форма народного представительства, которая наименее может казаться послаблением самодержавных прав государя. Действительно, Государственный Совет, в состав коего предполагается ввести выборных людей, сопровождал [sic!] доселе самодержавие и, следовательно, с ним бесспорно совместно. При дополнении состава этого учреждения права его нисколько не изменяются. Наконец, вся мера может быть обставлена таким образом, чтобы она нисколько не казалась выпрощенною уступкою, а носила несомненный характер самостоятельного изъявления самодержавной воли.

Что же касается до практического применения предполагаемой меры, то в ней, повидимому, соединяются все условия, обеспечивающие ее благонадежность и безопасность.

1) Выборы, произведенные под впечатлением только что неожиданно дарованного права, будут в большей части случаев вполне удовлетворительными и, если в собрание и проникнут этим путем некоторые неприязненные элементы, то не иначе, как в виде самого незначительного меньшинства.

2) Так как избранные лица будут занимать пожизненные должности, новые же местные выборы будут происходить лишь постепенно, по мере выбытия членов, то можно считать благонадежность общего состава Совета обеспеченною на продолжительное время.

3) Число вновь избранных членов Государственного Совета будет приблизительно равняться числу членов, заседающих ныне по назначению государя. Удержание этого равновесия будет вполне зависеть и на будущее время от верховной власти.

4) Предоставление коронным и выборным членам безусловно одинакового положения воспрепятствует образованию из них двух противоположных лагерей, чего можно бы опасаться, если бы выборные люди призывались в Государственный Совет с временным или ограниченным поручением.

При подобном составе и организации Государственного Совета нельзя сомневаться в полной возможности для правительственных лиц, благонамеренных, добросовестных и сколько-нибудь умелых, установить и упрочить самые благоприятные отношения к новому учреждению.

Ожидаемый результат. Последствием же их согласного действия будет большая безукоризненность в ведении государственного дела, сложение с правительства части нравственной ответственности, ныне всецело на нем лежащей, и окончательное усиление

государственной власти дружным содействием общественного мнения [1]).

Возвращаясь к способу избрания предполагаемых членов Государственного Совета, следует признать, что выбор их земскими собраниями, т.-е. совещательными учреждениями, а не чисто избирательными съездами, хотя в принципе и неправилен, но может, тем не менее, в настоящем случае быть признан безвредным, так как здесь дело идет о членах пожизненных, следовательно, вполне самостоятельных и не остающихся в зависимости от своих избирателей.

Между тем, земство, несмотря на все присущие ему недостатки, признается в общественном мнении любимым органом нужд и стремлений местного населения, и предоставление избрания всякому иному съезду или учреждению лишило бы выборных людей необходимой степени общественного доверия и нравственного авторитета.

Говоря вообще, для возможного успеха предполагаемой меры необходимо, чтобы ей не предшествовала никакая ломка существующих порядков, никакое нововведение, могущее казаться подготовительною мерою предосторожности; необходимо, чтобы вся мера носила вполне несомненный характер личного повеления государя, а не произведения трудов какой бы то ни было приготовительной комиссии.

Необходимо, в особенности, чтобы почин этой меры не мог ни в малейшей степени быть приписан тому или другому из царских советников и чтобы благодарность общества восходила всецело и непосредственно к подножию престола.

3. Записка А. А. Бобринского.

Несколько скоро набросанных слов по поводу общих толков, мнений и предположений.

Ныне 10-е число марта. Прошло десять дней со дня покушения 1 марта, а между тем кажется, что впечатление, произведенное убиением русского царя, среди бела дня, с каждым днем только усиливается. Общество не может свыкнуться с настоящим положением.

Неожиданно, внезапно все как бы поставлено вверх дном. Приходится искать новых законов жизни, новых условий, при которых имело бы хотя какой-либо смысл то, что среди нас за последние дни происходит.

---

[1]) Нельзя однако не упомянуть об одной крайне необходимой предосторожности. Было бы желательно, чтобы смета министерства императорского двора была изъята из обсуждения Государственного Совета при рассмотрении госуд. росписи и вносилась в означенную роспись одною лишь валовою цифрою. Для сего следовало бы ныне же определить расходы министерства двора одною постоянною суммою, которая затем переходила бы из года в год без всякого изменения. (*Примечание в подлиннике.*)

Иные пытаются исследовать положение наше, допытываются до исходных причин зла, ищут, что и как довело Россию до позора 1 марта. Люди эти чают прекращения бедствий родины в непосредственном действии на основные причины зла. Другие пожимают плечами при виде таковых исследований: «Дело, мол, сложное. Искать причин зла можно в течение многих лет, а между тем нужны меры. Нужно пресечь зло. Нужно раздавить зловредное растение, а затем уже исследовать болотистую почву, породившую такое растение. Нам, мол, времени нет осушать болот общественного строя: следует топтать и давить».

С таким воззрением и мы отчасти готовы согласиться. Так. Настойчивая необходимость требует задавления, затоптания той шайки злоумышленников, которая свободно действует в столице России, наводя ужас на всех и каждого, развевая страшное знамя смерти и разрушения, печатая свою циническую «profession de foi».

Да. Необходимо раздавить эту шайку. Необходимо действовать и действовать скорее. История оценит, много ли сделано было, в этом смысле, в течение последних десяти дней.

Но как раздавить эту шайку? Вот вопрос, который ныне на устах у каждого. Встречаются люди, бесспорно умные, искренно любящие отечество и преданные царю, которые предлагают целую систему репрессивных мер для борьбы с внутренним врагом.

Мы беремся за перо только потому, что, внимательно выслушав такого рода предложения некоторых лиц, мы пришли к убеждению, что по красноречивым их доводам и по известной логической последовательности их конечных выводов предложения эти могут, при известных условиях, иметь влияние на принятие высшим правительством того или другого направления внутренней политики управления Россией.

Мы, кроме того, убеждены, что принятие правительством мер, предлагаемых сказанными лицами, поведет отечество наше по крайне опасному и вредному пути. Мы видим в оружии, предлагаемом такими лицами, тяжелый меч давно отживших веков. Много рук потребуется для совладения этим мечом: а таких рук мы ныне, при предлагаемых сказанными лицами условиях, — не видим. Боимся, дабы не соскользнул тяжелый меч из непосильных рук, в кои он царским доверием мог бы быть вложен. Убеждены, что лишь соскользни этот меч... тогда все вздрогнет на Руси. Вздрогнет Россия и усумнится. А тогда уже немыслима будет борьба. История достаточно показывает, к чему доводят такие движения народов.

Нам говорят, что «русский государь не должен уступить злодеям. Не благом должно отразиться на России злодеяние 1 марта. Не послаблений, не уступок теперь настала пора. Нет. Требуется отнять свободу; отобрать права. Следует расширить круг действий администрации, учредить бесконтрольные наместничества. Да будет полиция вправе произвольно обыскивать всех и каждого, без прокурора, без понятых».

Страшные, в самом деле, ужасающие, страшные меры. А что, ежели скользнет меч? А где те люди, кои могут считаться действительно стоящими на высоте поста бесконтрольных наместников? А где та идеальная полиция, которая воспользуется громадными, предоставленными ей правами и не обратит их в ужаснейший бесконтрольный произвол?

А ежели скользнет меч, ежели полиция станет злоупотреблять правом произвола — тогда закипит русское общество. И вправе будет оно и хмуриться и негодовать, ибо не оно виновато. О, нет, не Россия виновата в убиении своего царя. Не на нас падает кровь государя-освободителя. Не призвана была Россия к охране своего властителя; не дано было русским людям высказать верноподданнического своего слова, не разрешено земским представителям молвить царю своему: «Призови нас, царь-государь, к совету да к общению с тобой. Знаем мы родину нашу; знаем, где гнездится крамола. Вели нам, государь, охранять тебя, оберегать священную твою жизнь. Костьми ляжет за тебя вся земля твоя, но дозволь вести борьбу. Дозволь нам раздавить негодную шайку...»

Так говорили бы люди русские, да не дано им было говорить. И многое предложили бы мы. Огородили бы мы царя своего... приняли бы меры к спасению священной его особы и, быть может, не пал бы государь под рукой убийцы, кабы вполне вверил себя своим «детушкам», избранным людям земли русской.

Он пал. Двадцатилетний безумец поверг к земле властелина миллионов людей... Он пал — и Россия склонила долу многоскорбную голову свою. И замолкло и затихло все. Вознеслись по всей земле горячие молитвы наши... засветились храмы божие... «О, Господи, храни царя нашего».

Так молится вся Россия. И в благоговейном молчании, не желая ничем потревожить царственную кручину, царскую печаль, ждет и уповает русская земля. И опять не смеют люди русские пасть к стопам венценосца; не смеют бить челом государю своему: «Взмилуйся, государь, призови нас, людей твоих, к совету да к содействию. Доверься нам. Сильна и обильна земля наша. Дай нам указать тебе меры борьбы, меры подавления зла».

— «Призвать русских людей?» возражают нам, «но ведь и нигилисты этого требуют. Ужели императору делать уступки злодеям перед гробом отца своего? Ужели теперь следует приступать к послаблениям?»

Мы ответим лишь одно: нас не понимают. Уступки? Послабления? Кто о них говорит? Ужели мы просим уступок разбойничьей шайке и послабления для убийц государя? О, нет. Глубоко преданны царю своему, проливая скорбные слезы над окровавленною его могилою, мы не виновны в том, что злодеи прикрывают свои деяния чистым плащом прогрессивного, исторического развития страны. Нет; сто крат нет. По течению реки плывет гниющее тело, рассевая ядовитое

зловоние. Примите меры; уничтожьте зловонное тело, но из-за того, что плывет оно по течению, не останавливайте течения; не запруживайте всей реки. Это было бы безрассудно и легкомысленно. Да и реки прочно не запрудить. Она должна осилить и разорвать плотину... Мы спрашиваем: какие тогда будут последствия?

Так, исторического, прогрессивного движения развития народа остановить невозможно. Никакие противо-исторические меры не пособят. Ставить преграды законному историческому развитию — безумие, грех... «c'est plus qu'un crime, c'est une faute».

Дело лиц, стоящих во главе правления, прислушиваться к «глаголу времен», приглядываться к признакам эпохи. Когда известные исторические вопросы созрели, тогда долг правительства не запружать, а давать ход этим вопросам.

По нашему убеждению, то время, когда Россия должна быть призвана к совету, настало. Исторический вопрос необходимости того или другого представительства страны — созрел. Пора пришла созвать выборных русских людей и отдать на их суждение животрепещущий вопрос дня: «Россия наводнена разбойниками, царя-освободителя убили. Помогите, люди русские, дайте совет: как освободиться от воров?» — и заговорят люди русские, и укажут они на меры строгие и крутые.

Мы смеем уверять, что русская душа сумеет охранять страну от беды и уберечь своего государя. Даст собор земский добрый совет царю и заслужит и царское спасибо, и благодарность всей земли. И замолкнут воры. Их раздавят. Уничтожат их небольшую шайку. Но как бы ни была мала эта шайка, убить ее, расщатать и покорить ее может только русская земля, вся. Никакие административные меры ныне к успеху не поведут.

К чему послужили: верховная комиссия? громадные права генерал-губернаторов? военные суды? административные переселения? — убили государя, нашего, в Петербурге, среди бела дня. Подкопались враги наши под самые многолюдные улицы. Нет, не к добру привели экстренные меры эти. Да будет же дозволено усумниться ныне, когда меры эти предполагаются нам опять.

Есть что-то наивное, детски упрямое в уверениях, что государь не должен уступить.

Призвать всю страну для борьбы с цареубийцами — это не уступка. Возложить на лучших людей России задачу отмстить за позор и посрамление 1 марта — это не послабление.

Нет. Исторический опыт научает нас быть осторожными. Репрессивные меры в настоящее время могут повести к ужасному исходу, к опасному неудовольствию страны. Тогда снова пролита будет кровь... Она будет лежать на ответственности советчиков правительственного террора.

Призовите Россию к совету. Выборные люди послужат отечеству правдою. Они помогут царю уничтожить зло. Честных людей в Рос-

сии много. Они сильны; они одолеют врагов. Меры строгости, без сомнения, должны быть приняты. Выборные люди их укажут. Но тогда эти меры, принятые по совету всей земли русской, поведут к тем прямым и успешным последствиям, к которым никогда не может привести административное распоряжение единичных властей.

А наказывать всю страну, стращать всех и каждого, терроризировать всю Россию за гнусное преступление наших отъявленных врагов — обидно и несправедливо; да и, наконец, не поведет никогда к добру.

Только в совете выборных лучших людей лежит прямой исторический путь, начертанный и указанный провидением к благоденствию и славе России.

Граф Алексей Александрович Бобринский.

С.-Петербург.
10 марта 1881 г.

Московский адрес Александру II в 1870 г.

(Из переписки К. П. Победоносцева с И. С. Аксаковым.)

Публикуемые ниже письма относятся к 1870 году; интерес их в том, что они одинаково показательны для данного исторического момента и для обоих авторов — представителя позднего славянофильства, который еще пытается сочетать идейную «независимомость» с полной «честной покорностью» самодержавию, и вдохновителя нараставшей правительственной реакции, трезвого скептика, для которого наивная идеология дружественного корреспондента — только признак отсутствия у него и его единомышленников «политического смысла».

К концу 60-х годов в достаточной мере выяснились основные и ближайшие результаты «великой реформы» 1861 г.: недостаточность земельного наделения при крайней тягости платежей, а в политическом быту страны — расцвет бюрократического властвования и над «освобожденной» массой и над сословным «земством». Быстро были изжиты и надежды и опасения, связанные с ожиданием еще более глубоких и коренных сдвигов в жизни страны. Так и в славянофильском лагере давно заглохли восклицания Ивана Аксакова о том, что «народ пробуждается», «народ призывается к действию», или тревога Юрия Самарина по поводу «неизбежного [как ему казалось] сближения двух крайностей — верховной власти и народа, причем все промежуточное будет раздавлено, а это — вся просвещенная Россия, вся наша культура». На деле не получилось «сближения крайностей», но «все промежуточное» все-таки осталось в значительной мере в накладе: правящие верхи сохранили свой крупно-землевладельческий, аристократически-феодальный уклад, а бюрократия готова была обслуживать интересы нараставшего капитализма, но обеим этим правительствовавшим силам были в большой мере чужды интересы среднепоместного дворянства, все более сближавшегося с городской торгово-промышленной буржуазией под руководящим влиянием общественных деятелей славянофильского толка. При таких условиях в славянофильских политических формулах, признающих за правительством самодержавную полноту «права действия», а за народной общественностью свободное «право мнения», был свой вполне реальный смысл: нужна опора в сильной центральной власти для защиты средних «промежуточных» слоев от их подавления феодально-аристократическими верхами и разорения с утратой помещичьего положения в деревне, а для этого необходимо, чтобы власть вдохновлялась «свободным мнением» — «всей просвещенной России», к которой, конечно, не причислялись ни аристократические общественные верхи, ни темная народная масса. Чуждым было славянофильству стремление к политической свободе; даже созыв земского собора казался Юрию Самарину несвоевременным при современном «разобщении сословий»: земский собор мог стать аре-

ной для проявления классовой борьбы. Но «духовная» свобода, свобода мнения, слова, печати казалась желательной как путь к подчинению правительственной политики общественному мнению, которым славянофилы рассчитывали руководить. Этот расчет оправдывался, казалось, тем положением, какое основная славянофильская группа заняла в Московском городском управлении.

Адрес Московской Городской Думы Александру II, послуживший поводом к обмену письмами между И. С. Аксаковым и К. П. Победоносцевым, был вызван правительственной декларацией от 19 октября 1870 г., которой русское правительство объявило — в самый разгар франко-прусской войны, — что более не считает себя связанным теми статьями Парижского мира 1856 г., которые так резко ограничили права России на Черном море. Декларация вызвала целую дипломатическую бурю возражений и протестов, но все дело это закончилось Лондонской конвенцией 20 февраля 1871 г., которая, по существу, удовлетворила требования русского правительства. В противовес дипломатической буре, грозившей, как могло одно время казаться, перейти в более серьезные международные осложнения, ряд общественных организаций был вызван на патриотические выступления, предназначенные на внушение западным державам, что правительственная декларация находит полную поддержку в стране. Адрес Московской Городской Думы был составлен городским головой кн. В. А. Черкасским и проредактирован И. С. Аксаковым. Славянофильская политическая формула нашла в этом адресе характерное и своеобразное выражение. Адрес обещает царю, что внешние опасности найдут Россию «тесно сомкнутою вокруг престола», но поясняет ему, что залога успехов в области внешней политики надо искать «в той силе народного самосознания и самоуважения, которую вносит государство во все отправления жизни», а достигается эта сила «неуклонным служением началу народности», которое сплачивает в государственном единстве все окраины и все общественные классы. Такое объединение всех национальных сил требует, с одной стороны, «доверия царя к своему народу», а, с другой — «разумного самообладания в свободе» и «честности в покорности» народа. Адрес и выдвигает, как необходимые условия установки таких «нравственных» отношений между народом и правительством, требование «простора мнению и печатному слову», «свободы церковной и свободы верующей совести».

Адрес, составленный непрошенными советчиками власти, не понравился и официально не был принят, хотя Городская Дума Москвы его единогласно поддержала в составе 150 гласных — купцов и городских обывателей. Обиженный Иван Аксаков разразился по этому поводу большим письмом к Победоносцеву, в котором довольно справедливо соображает, что правительству вовсе не нужны какие-либо «искренние» общественные мысли и настроения, а нужна демонстрация перед Европой, напоминающая «те декорации с изображением пушек, драконов и разных чудищ, которыми китайцы вздумали было в последнюю войну застращивать европейцев», и заявляет, что признание такого адреса — неуместным наводит на вопрос, возможно ли быть «честным и искренним человеком в России — в смысле гражданском» (не порывая, надо добавить между строк, с самодержавием) — или приходится признать, что «пошлость и подлость становятся характеристичными чертами русского общества», неустранимыми при данном строе отношений.

Не случайно, не только в силу личных отношений, обращен протест Аксакова к К. П. Победоносцеву. Конечно Победоносцев не имел в те годы и малой доли того влияния, какое получит позднее, при Александре III, и он имел полное основание отклонить —

в своем ответе Аксакову — всякую ответственность за суждения «петербургского общества», вожаком которого отнюдь не был. Но Аксаков зато верно чуял в Победоносцеве одного из наиболее цельных и законченных представителей бюрократического консерватизма, сугубо враждебного всякой общественной самодеятельности, хотя бы и уложенной в узенькие рамки «честной покорности». Под свежим впечатлением от адреса, с которого он получил копию, Победоносцев выразил свое мнение о нем в письме к жене И. С. Аксакова, Екатерине Федоровне, своему давнему и довереннейшему корреспонденту. Весьма вероятно, что это письмо и послужило ближайшим поводом для обращения Аксакова к Победоносцеву, хотя он на него и не ссылается. Осторожно редактированный, тягучий и уклончивый по форме, хотя вполне определенный по существу, ответ Победоносцева характеризует московское славянофильское выступление как «честную попытку произвесть действие искренним словом назидания», попытку, которая была «неудачным расчетом». Неудачным было это выступление и по форме, так как в нем звучит претензия давать «назидание», ни на чем не основанная, и по содержанию, так как выдвинуло общие формулы о «просторе мнения» и «свободе совести», реальное содержание которых и не определено точнее и неясно в практическом осуществлении. Начала, провозглашаемые московским адресом, не могли рассчитывать на успех ни у правительства, ни у народа. Царю-самодержцу — «подозрительно все, что разумеет свободу, как право, утвержденное на идее», а что касается народа — «то, конечно, среди поголовной бедности, стеснений и нужды всякого рода — мысли его недоступны политические формулы свободы». Так отклоняет Победоносцев в своем письме притязание Ивана Аксакова сделать славянофильскую идеологию базой для «неразрывной связи царя и народа», вскрывая со сдержанной пренебрежительной иронией внутреннюю пустоту этой фразеологии и отсутствие в ней «политического смысла».

А. Пресняков.

Письмо И. С. Аксакова К. П. Победоносцеву [1]).

Москва, 2 декабря 1870 г.

Не знаю, верен ли слух, но говорят, что адрес Московской Думы тебе не нравится, что ты его бранишь, а вместе с тобой сплошь и все петербургское общество. Вместе с тем, — уже не говорят, а положительно известно, что этот адрес возвращен Думе официально с уведомлением, что министр внутренних дел не счел даже себя вправе представить его государю. Разумеется, нет такого слабоумного человека в России, который бы поверил, что русский министр может осмелиться посягать таким образом на права самодержавного государя, перехватывать адресованные ему письма, скрывать от царя публичное, письменное выражение чувств и желаний целой Москвы, которой Дума есть только законная представительница. Не понимаю, к чему понадобилось разыгрывать такой secret de comédie и на такой обширной сцене, — ибо Московский адрес (отчасти благодаря именно своим злоключениям) быстро распространяется, и распространяется по всей

[1]) Текст писем подготовил к печати Н. Пенчковский.

России, — но как бы то ни было, — смысл министерского заявления ясен: государь недоволен адресом и не хочет его принять.

Это известие прискорбное; оно и огорчит глубоко и смутит — смею думать — всю Россию. Оно еще раз свидетельствует о том колоссальном недоразумении, которое тяготеет на всех отношениях власти к народу. Но подойдем к делу ближе: что именно могло не понравиться в адресе? Разве не выражается в нем полной готовности поддержать правительство в его новейшей политической попытке, — принести все необходимые жертвы для ограждения нашей чести и достоинства, подвергнутые всем испытаниям, каким может угрожать декларация 19 октября? А, между тем, — и правительство не может же упускать этого из виду, — его собственный правительственный такт должен же был подсказать ему, что как бы ни сочувствовала Россия с [sic!] декларацией, — все же эта декларация была для России сюрпризом, и сюрпризом ошеломляющего свойства, qui frésait la guerre, скажу я по-французски, чтобы быть понятнее тебе, петербургскому жителю. Однако же не было даже сочтено нужным или хотя бы приличным подготовить к такой нечаянности общественное мнение той страны, которая, кажется, наиболее в ней заинтересована и признана понести на себе все ее последствия. Этот характер сюрприза, приданный декларации, был, конечно, причиной, почему адрес не вдруг был подан озадаченным обществом. Первое ощущение было: недоумение, затем явилась потребность оглянуться на свои силы и средства и вообще отнестись не легкомысленно, а серьезно к делу — по меньшей мере, серьезному. Если б даже и вовсе никаких адресов подано не было, а с л ы ш н о было только молчание, то и тогда к России можно было бы с справедливостью применить слова Горчакова: la Russie se recueille. Тем не менее, после некоторого раздумья (вполне естественного и совместного с достоинством мыслящего общества), Москва представила адрес, и адрес такой, которого действие на Европу, — в том смысле, в каком это желательно правительству относительно декларации, — было бы, несомненно, значительнее, если бы он был обнародован, чем действие всей массы прочих адресов, отлитых в одну общую, будто казенную форму. Москва твердо и громко выговорила свое упорное желание, чтобы слово государя «обратилось в дело несокрушимое». Следовательно, с этой стороны адрес не заслуживает упрека.

Что же есть в адресе такого, чем могла бы оскорбиться самодержавная власть? Непочтителен он разве? Но этого, я думаю, даже ни один обер-камергер не скажет. Он не только почтителен, но и искренно л ю б о в е н, а признавать искреннюю любовность в отношениях подданных к своему государю д е р з о с т ь ю или отвергать ее, как что-то обидное и неприятное, — до этого ни о каком монархе не слыхано; это и помыслить о нашем государе было бы преступно, да оно и немыслимо. Что же, наконец? Нет ли в адресе скрытого посягательства на самодержавную власть или требования политических прав? Но не говоря о том, что адрес с подобными [sic!] никогда бы и не прошел в Мо-

сковской Думе, никогда бы и подписан не был мещанами и купцами, — в адресе положительно нет и намека на подобное посягательство. — Спрашивается: разве, — не требование, а ожидание от самого государя, и даже не свободы, а только большего простора мнению и печатному слову, свободы церковной и свободы верующей совести, — разве это есть требование политических прав? Разве позволительно предположить, что государь не сочувствует с [sic!] свободой совести и свободой церковной или не желает «искренности и правды в отношениях народа к власти», той искренности и правды, ради которых именно и просит адрес простора мнению и печатному слову и которые невозможны там, где стеснено мнение и его выражение в печати? Неужели самодержавие равнозначительно с угнетением верующей совести, мысли, слова? Неужели же самодержавие есть отрицание всякой человечности, всякой честности в подданных и, уподобляя их бессловесным, требует от них только одного: неосмысленного повиновения?.. Я, признаюсь, думал иначе; иначе думали и подписавшие Московский адрес, и уж не над этим ли нашим московским идеализмом издеваются теперь в Петербурге?

Да, действительно, главная характеристическая черта, господствующий дух нашего адреса — это стремление стать, наконец, к власти в отношения нравственные, установить, наконец, честность в покорности: вот единственное притязание этой беспритязательной русской покорности пред самодержавной властью. Признавая самодержавие непреложным историческим фактом, зиждущимся на сознании и воле всего русского народа, мы взамен нашего повиновения, нашего отречения от личной гражданской свободы, которою всяк живой пользуется в Европе, — мы просим только уважения к нашей нравственной свободе, к нашему человеческому достоинству. Мы готовы повиноваться и повинуемся, как ни один народ в мире, — но не заставляйте же нас лгать, раболепствовать, подличать. Наша общественная совесть наболела от беспрестанной лжи и безнравственности нашего положения, и мучительная потребность правды все сильнее и сильнее сказывается в обществе. Неужели правительство не видит и не сознает, что только в правде — условие его собственной силы и крепости, что невозможно более пробавляться подобиями и декорациями, что рано или поздно придется ему поискать опоры в действительной, а не мнимой, только для параду выставляемой, гражданской доблести, и что нет места гражданской доблести там, где нет искренности и честности в отношении к власти?..

Все это так, скажут, может быть, у вас в Петербурге, да заявлять-то это теперь несвоевременно.

Несвоевременно? Разве подобное заявление может быть когда-либо несвоевременным? Не только не своевременно, но время, давно время заявлять о том, если уже не слишком поздно, потому что искренность и нечестность [sic!] положения уже породили глубокие нравственные недуги, уже отравляют общественный духовный организм, подтачивают

его силы. Пошлость и подлость становятся характеристичными чертами русского общества, а с ними никнет общественный дух, меркнут таланты, тупеет ум, скудеет страна честными, талантливыми и умными. Это оскудение людьми — факт неоспоримый: осмотритесь кругом. Не вы ли же, в Петербурге, постоянно кричите: «Людей нет! Где у нас люди?..»

Несвоевременно? Но когда же время для русских подданных выразить правительству свои задушевные мысли и желания?.. Печать стеснена (я более, чем кто-либо другой, имею право о том свидетельствовать); мало того, ей грозят, по слухам, еще большие, тяжкие стеснения. Мысли, подобные высказанным в адресе, были в свое время высказываемы в «Москве» и послужили поводом к ее запрещению. Разве существует какой-либо путь для непосредственных сношений общественной мысли с верховною властью? Только в форме так называемых адресов, представляемых по какому-либо торжественному случаю, и позволяется обществу являться как бы обществом, имеющим как бы свой голос и свое мнение. Выходит, вся беда в том, что оно приняло адрес не за пустую форму и не поняло, или не захотело понять, что от Москвы требуется только разыграть известную роль в общей демонстрации (dèployade) «общественного мнения».

Да, оно не захотело понять, что правительству нужно не общественное мнение, искренно и свободно высказывающееся, а только подобие общественного мнения, на которое можно было бы опираться перед Европой. Да и не ловко же, в семье просвещенных европейских государств, являться страной, лишенной всякого общественного мнения и национального самосознания. Подобно тому, как полкам, стоящим в строю, командуется иногда «вольно», — причем вольность ограничивается правом сморкаться, кашлять и тому подобных отправлений, и вслед затем сменяется командой «смирно», — подобно тому командуется у нас и обществам, городским и сословным, подать свой вольный голос, но в пределах известной программы и в известных, почти стереотипных выражениях. Но такое разыгрывание роли «общественного мнения» оставляет след глубокого нравственного унижения в самом обществе: представлять людей независимых, смеющих иметь и высказывать свое мнение, становится для него день ото дня невыносимее. Подобное парадирование своим общественным мнением пред Европою не слишком ли напоминает те декорации с изображением пушек, драконов и разных чудищ, которыми китайцы вздумали было в последнюю войну застращивать европейцев? Ведь тайна этих адресов не может же остаться скрытой для Европы, которая и без того называет Россию царством парадов, фасадов и подобий.

Вот в этом-то отношении Московский адрес мог бы сослужить истинную службу правительству. Никто в Европе, именно вследствие заявленных в нем желаний, не мог бы счесть его поддельным или заказным, а всякий признал бы его искренним голосом общественного мнения. И всякий увидал бы в нем, рядом с заявленными желаниями,

выражение истинной преданности и признательности государю, и полную готовность оказать ему всевозможное содействие и поддержку для предпринятого им возвращения России права самообороны. Вопреки мысли многих, нападающих на наш адрес, мне кажется, что благосклонный прием, оказанный этому адресу, возвысил бы в Европе значение русской верховной власти, явил бы ее еще грознее и могущественнее. В этом адресе послышалось бы для Европы то теснейшее сближение царя с народом в духе национальности, которого Европа всего более страшится; то правительственное движение в смысле нравственной свободы, которое удесятеряет нравственные силы России, дает ей внутреннюю крепость, — бодрость упования и несокрушимую веру в себя. Я уже не говорю о том искреннем восторге, с которым московское общество встретило бы всякое слово благоволения и сочувствия государя к ее честному и правдивому заявлению. Вот что мог бы сделать благосклонный прием, и нельзя не скорбеть душой, что существует такое средостение, которое не пропускает до внутреннего слуха верховной власти слов истины, обращенных к ней из народа, или пропускает их не иначе, как искаженными, перетолкованными, в сопровождении самых враждебных комментарий.

Вот почему в адресе нашем, так почтительно и любовно, но в то же время с выражением непреложного убеждения, осмелились мы напомнить о тех условиях силы и преуспеяния, которые необходимы как для власти, так и для народа и которые заключаются, — повторю слова адреса — в силе народного самосознания и самоуважения, вносимой государством во все отправления его жизни, внешние и внутренние, в доверии царя к своему народу, в разумном самообладании в свободе и честности в покорности — со стороны народа, в связи царя с народом, основанной на общении народного духа, на единстве стремлений и верований... Если прежде можно было полагать, что подобное изложение нашего гражданского вероисповедания в адресе, вызванном декларацией 19 октября, неуместно, то теперь, после всего, что случилось, — ужели кто будет продолжать считать его неуместным?..

Теперь что же вышло? Адрес распространится по России с известием о непринятии его государем и повергнет Россию в тяжкое недоумение. Он может проникнуть и за границу и подать повод к самым нелестным заключениям о степени нашего духовного развития, к самым невыгодным толкам о нашем правительстве, о том, якобы оно не хочет допустить искренности мнения и его выражения в печатном слове (тогда как, по новейшим известиям, даже Турция объявила свободу печати), — не хочет допустить честности в покорности, не сочувствует [sic!] и с свободой совести.

Все это очень прискорбно. Остается верить, что прочти государь Московский адрес без предупреждения и предубеждения, один, в беседе лишь с своею совестью, он отозвался бы на адрес иначе.

Тем не менее, для нас, простых смертных, вопрос сводится в настоящее время к тому: можно ли быть честным и искренним человеком в России — в смысле гражданства? Вопрос — важный для совести каждого русского, — вопрос, не менее важный и грозный для власти.

Иван Аксаков.

Письмо К. П. Победоносцева И. С. Аксакову.

18 декабря 1870 г.

Любезнейший друг
Иван Сергеевич.

Письмо свое от 2 декабря ты начинаешь так: «Говорят, что адрес Московской Думы тебе не нравится, что ты его бранишь, а вместе с тобой сплошь и все петербургское общество».

Этими словами ты как будто делаешь упрек мне лично и, сверх того, как будто ставишь меня в ответственность за петербургское общество. Прежде всего спешу снять с себя эту последнюю ответственность, особливо ввиду крайней неопределенности, которая связана с понятием: петербургское общество. Не только за мнения целого общества, но и за мнения того или другого кружка я не отвечаю, никогда не считав себя руководителем мнений для общества, к которому, вообще, принадлежу здесь только внешним образом. В настоящем же случае я менее всего могу быть ответствен, потому что мне случалось мало с кем и говорить про Московский адрес. Начиная с осени, я не выезжаю никуда в общество, за исключением вечеров в Михайл[овском] дворце, раз в неделю. Здесь только случается мне встречать так называемое общество в числе 8—9 человек, и здесь только случалось мне два раза участвовать в разговоре об адресе, причем всякий раз встречал я уже состоявшиеся и большею частью сочувственные с адресом мнения. Из этих 2 разов однажды — разговор был между мною, тестем твоим Ф[едором] Ив[ановичем] [1]) и великой княгиней Еленой Павловной. Ни в тот, ни в другой раз мнение мое, каково бы оно ни было, не могло подействовать на готовые уже и сложившиеся мнения собеседников. Затем, раза 3 или 4 случалось иметь разговор об адресе вдвоем со встречным человеком — и только. Из великих мира сего кроме великой княгини Ел[ены] Павл[овны] я никого не видел настолько, чтобы говорить об адресе, и даже не мог узнать до сих пор, какого об нем мнения великий князь цесаревич. Из этого можешь судить, в какой мере справедливо предположение, что какая-либо часть здешнего общества могла бранить адрес «вместе со мной».

Перехожу к личному упреку. Упрек можно понять, когда он делается за брань. Бранить — значит осуждать с бранью, с пристра-

[1]) Тютчевым, известным поэтом.

стием, с желанием побороть. Но это обвинение совсем несправедливо. Я никогда и ни перед кем в этом смысле не б р а н и л адреса. Бранить бумагу — значит бранить ее составителей. Но составителей ее я уважаю настолько, что не стал бы бранить их.

Но за всем тем неоспоримо — в чем, конечно, и ты согласишься со мною, — что всякий волен иметь свое м н е н и е об адресе, и никто не в праве упрекать меня за то, что я имею свое, не в праве упрекать, если я и выражаю его. Мнение мое составилось тогда, когда я еще ни с кем не говорил об адресе, а только что получил копию с него и прочел один, сам с собою. В тот же вечер писал я к Катерине Федоровне [1]) и, по дружбе, сообщил ей свое впечатление. С тех пор, слышав довольно людей, которым адрес весьма понравился, я все-таки не переменил свое мнение и остался при своем впечатлении. Впечатление мое было такое: адрес этот огорчил меня. Мнение было такое: адрес — это есть ошибка увлечения и неловкий поступок. Предвидя совершенно, что адрес возбудит недоумение, подозрение и задние мысли — у тех, к кому адресован, я огорчился, что люди честные, от которых он идет, понесут на себе отражение того фальшивого света, в котором эта бумага представится.

И не могла она представиться в ином свете. Как вы могли ожидать иного впечатления, я до сих пор понять не могу — и твое письмо мне не объясняет этого. Все, что ты пишешь, конечно, нашлось в мысли у составителей адреса, как идеальное предположение, свидетельствующее только о прямоте и честности вашего политического взгляда. Но, чтоб уяснить адрес, надлежало раскрыть и это предположение, то-есть присоединить к адресу изложение целого политического учения — что сделать, конечно, было невозможно и что, быв сделано, осталось бы бесплодною попыткой.

Нельзя забыть ни на минуту, какая это бумага — адрес, и к кому он адресован — к царю. Тут, очевидно, надо было рассчитать: может ли быть известного рода речь понята и принята тем, к кому адресована, затем — может ли она быть в настоящий момент крепким и веским словом, которое, и помимо известного лица, сказалось бы в умах истиною, имеющею реальное значение. Если был такой расчет, он был, по мнению моему, неверен.

Во-первых, потому, что в основу адреса положены три просьбы, или желания — от имени народа — свободы печати, свободы церковной, свободы совести. Вот прием, который сразу отнимал надежду, чтобы слово было понято и принято. Можно было бы надеяться, если бы прием был проще и предмет жалобы указан был явственно для всех. Сказать: выражение мнения стеснено у нас до того, что не позволяют высказываться даже вот о каком предмете, — совсем не то, что сказать: нам нужна свобода слова, простор в выражении мнения. Сказать: для оживления и просвещения народного духа нужна проповедь, а она стес-

[1]) Жена И. С. Аксакова.

нена полицейским надзором — совсем не то, что сказать: нам нужна свобода церковная. Первое может быть понятно и простому уму, поставлено в связь с самою явственною потребностью; последнее — есть отвлечение, есть политическая доктрина. Как скоро произнесено это слово: с в о б о д а п е ч а т и, например, свобода церкви, — сейчас возникает нескончаемый ряд вопросов, по которым доныне продолжается борьба в политическом мире, — борьба потому, что по этим вопросам в умах и мнениях возможна безграничная контроверсия. Скажешь: с в о б о д а б е з у с л о в н а я: много ли найдешь решительных умов, которые с полною верою допустили бы такую свободу? Допускаешь ограничения, установление отношений, необходимость организации или надзора, — сейчас поднимается туча вопросов: как, когда, каким образом? И в этой туче тускнеют и смешиваются основные черты самого понятия о свободе.

Итак, по моему мнению, эти категорические выражения употреблены были в адресе совсем некстати. Требовалось такое слово, которое могло бы захватить мысль у всех истиною и ее сосредоточить в полной силе р е а л ь н о г о понятия; а употреблено такое слово, которое способно рассеять и раздвоить мысль. Не могли вы ожидать, чтобы государь понял и принял в идее, как целое, формулу свободы: слишком хорошо известно, что в последнее время стало ему подозрительно все, что разумеет свободу, как право, утвержденное на идее. Не могли вы ожидать, чтобы непосредственные его советники уразумели искренно эти слова о свободе. Что же затем оставалось в расчете? Неужели можно было серьезно думать, что это слово о свободе раздастся в общественном мнении и в нем найдет себе почву, опору, уразумение? Если такова была ваша мысль, я не могу разделять ее. При всеобщей неопределительности понятий у нас, может быть, легче и удобнее, чем где-либо собрать сочувственные голоса под знамя, на котором написано общее положение, особливо о свободе — слово, которое с первого разу не требует объяснения и для всех приятно; но у нас же, при первом столкновении с действительностью, люди всего скорее разбегаются из-под знамени, обвиняя других, что обольстили их и изнасиловали; люди станут в ежедневном деле своем разрывать на части то самое начало, которое утвердили сочувствием и подписью. Это — о публике нашей, о мнении общества — оно посудит об адресе, многие выскажутся сочувственно, но никто не поддержит. Приведу два примера. Одна дама, известная в здешних кругах, приведена была в восторг вашим адресом; но за два дня перед тем я был свидетелем, с каким негодованием говорила она об увлечениях наших газетных статей и как горячо доказывала необходимость обуздания прессы. Другой господин — тоже очень известный, негодует на адрес, но я слышал, с каким энтузиазмом он незадолго перед тем отстаивал начало безусловной свободы. Вот — публика. Что же касается до народа, в массе его, то, конечно, среди поголовной бедности, стеснений и нужды всякого рода, мысли его недоступны политические формулы свободы, и в народе они не отзовутся.

Во-вторых, если надобно было высказаться именно в этом смысле, то — на мой личный взгляд, надо было несколько изменить форму выражения. Вторая половина адреса, особливо со слов: государь! представляет ряд категорически выставленных положений, которые в мысли государя, преисполненного сознанием самодержавия, могли отразиться в виде наставления, или урока. Это мне показалось с первого взгляда, а я говорю только о своем впечатлении.

Вот тебе, любезнейший друг Иван Сергеевич, мой краткий ответ на твое слово. За личное мое мнение, кажется, никому нет основания на меня сердиться, и я его высказываю здесь только потому, что ты меня на это вызвал письмом своим.

Я уже объяснил, как несправедливо — личное мое мнение причитать к б р а н и. Повторяю, что к чувству, вызвавшему адрес, я не могу не иметь уважения, но самый адрес в настоящем его виде считаю политической ошибкой. Эта честная попытка произвесть действие искренним словом назидания была неудачным расчетом. Пружину, которую предполагалось привесть в действие, нельзя было утвердить на той точке, на которой искал ее адрес: на этом месте не имеется предполагаемой точки опоры. Но сверх того и самая пружина такого свойства, что нельзя было ожидать успешного ее действия. Итак, весь механизм, быв приведен в действие, не нашел под собою почвы. Нельзя было и ожидать, что почва найдется.

Вот отчего я огорчился, прочитав ваш адрес. Грустно было думать, что в нем — люди мелкие, своекорыстные, имеющие власть, без знания и без высоких побуждений, получат повод и предлог — выставить людей, одушевленных лучшими побуждениями, честных и умных — людьми неблагонадежными или лишенными политического смысла. Так и случилось, к несчастью. Иных же более плодотворных последствий от подачи адреса, хотя бы в отдаленном будущем, я не предвижу. Если я ошибаюсь в этом своем мнении, — тем лучше для дела; но сознаюсь, что за честность и искренность мысли, вызвавшей адрес, я могу поспорить с кем бы то ни было; но я не в силах возражать, когда подачу этого адреса называют политической ошибкой.

Твой *К. Победоносцев.*

18 декабря. П-бург.

Новые пушкинские рукописи и материалы.

Автографы Пушкина и материалы о нем, краткий обзор которых дается нами ниже, обнаружены в архиве б. светл. князей Горчаковых, внуков канцлера кн. А. М. Горчакова (1796—1883), бывшего лицейским товарищем Пушкина.

В первые годы революции часть архива Горчаковых с пушкинскими документами была перевезена из ленинградского дома Горчаковых на Большой Монетной улице в здание б. Археологического института (Фонтанка, 22) и числилась за Архивным кабинетом университета, откуда лишь в 1926 г., на основании постановления Совнаркома РСФСР от 13 марта 1926 г. о частных архивах, поступила в Ленинградский Центральный Исторический Архив.

Вновь найденные материалы могут быть, для удобства обозрения, подразделены на пять отделов: 1) автографы Пушкина, 2) литературные произведения, 3) переписка, 4) материалы, относящиеся к дуэли и смерти Пушкина, и 5) альбомы.

Автографы Пушкина. 1. Три тетради в четвертку (по 12 страниц каждая) с поэмой «Монах». 2. Тетрадка в четвертку (8 стр.) со стихотворением 1814 г.: «Послание к Наталье» («Так и мне узнать случилось»). 3. Тетрадка в восьмушку (12 стр.) со стих. 1814 г.: «Арист, и ты в толпе служителей Парнасса». 4. Тетрадка в четвертку (8 стр.) со стих. 1814 г.: «Послание к Батюшкову» («Философ резвой и пиит»). 5. Лист почтовой большого («конторского») формата бумаги (4 стр.) со стих. 1815 г.: «Князю А. М. Горчакову» («Пускай, не знаясь с Аполлоном»). 6. Полулист, согнутый пополам (4 стр.), со стих. 1815 г.: «К Лицинию» («Лициний, зришь ли ты? на быстрой колеснице»). 7. Полулист, согнутый пополам (4 стр.), со стих. 1817 г.: «К молодой вдове» («Лида, друг мой неизменный»).

Второй отдел, почти исключительно в копиях, написанных на отдельных листах, в тетрадях и альбомах, заключает в себе литературные произведения следующих авторов:

А. С. Пушкина. Стихотворения 1814 г.—1. «Кольна» («Источник быстрый Каломоны»). 2. «Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало» («Вот зеркало мое — прими его, Киприда!»). 3. «Красавице, которая нюхала табак» («Возможно ль вместо роз, амуром насажденных»). 4. «Avez-vous vu la tendre rose» (Stances). 5. «Опытность» («Кто с минуту переможет»). 6. «Блаженство» («В роще сумрачной, тенистой»). 7. «Пирующие студенты» («Друзья, досужный час настал»). 8. «Козак. (Ехал козаче и пр.)» («Раз полунощной порою»). 9. «Воспоминания в Царском Селе» («Навис покров угрюмой ночи»).

1815 г. — 10. «Рассудок и любовь» («Младой Дафнис, гоняясь за Доридой»). 11. «Погреб» («О, скальтесь надо мною»). 12. «Воспоминания. К Пущину» («Помнишь ли, мой брат по чаше»). 13. «Слеза» («Вчера за чашей пуншевою»). 14. «Живописцу» («Дитя Харит и воображенья»). 15. «Роза» («Где наша роза»).

1816 г.—16. «Фиал Анакреона» («Когда на поклоненье»). (2 списка). 17. «Заздравный кубок» («Кубок янтарный полон давно»). 18. «Окно» («Где мир одной мечте послушной»). 19. «Певец» («Слыхали ль вы за рощей глас ночной») (2 списка). 20. «К Наташе» («Вянет, вянет лето красно»).

1818 г. — 21. «Ура, в Россию скачет» ([Сказки] Noel). 22. «За ужином объелся я» [1]).

1819 г. — 23. «Вольность» («Беги, сокройся от очей»). 24. «К императрице Елисавете» («На лире дикой [sic!], благородной»).

1821 г. — 25. «К Ч-ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет»). 26. «Элегия» («Я пережил свои желанья»).

1825 г. — 27. «19-е октября 1825» («Роняет лес багряный свой убор»).

1826 г. — 28. «В надежде славы и добра» (Стансы).

1827 г. — 29. «Когда, бывало, в старину». 30. «В отдаленнии от вас».

1828 г. — 31. «Своими пылкими страстями» (Портрет).

1831 г. — 32. «Евгений Онегин» («Прощай, свидетель падшей славы» — гл. VII, строфа XXXVIII; «По скучным родственным обедам» — гл. VII, строфа XLIV; «Но в них не видно перемены» — гл. VII, строфа XLV; «Их дочки Таню обнимают» — гл. VII, строфа XLVI; «Ее привозят и в собранье» — гл. VII, строфа LI; «У ночи много звезд прелестных» — гл. VII, строфа LII).

1835 г. — 33. «На выздоровление Лукулла. Подражание латинскому» («Ты угасал, богач младой»).

1836 г. — 34. «Отцы пустынники и жены непорочны» [2]).

Батюшкова К. Н. Стихотворения: 1809 г. — 1. «Страшный суд Русских пиитов, или видение на берегах Леты Дон Ипотаса де Ротти («Вчера Бобровым усыпленный»). 1813 г. — 2. «Певец в беседе любителей Русского слова». («Певец. Друзья! все гости по домам»).

Воейкова А. Ф. «Дом сумасшедших» («Други милые, терпенья»).

Волконской кн. З. А. «Conversation entre Josephine et Napoléon à sa première entrevue à Malmaison» («Venez Napoléon et prenez votre place»).

Вяземского кн. П. А. Стихотворения: 1821 г. — 1. «Песня» («Как обман, как упоенье»).

1827 г. — 2. «Чем вас отпраздную, прославлю».

1853 г. — 3. «Кружью» («Впереди хоругвь Владимира Святого»).

1854 г. — 4. «1854 год» («Зарею бурной и кровавой»).

Неизвестного года. — 5. «Немного их, но есть два, три мгновенья».

Давыдова Д. В. Стихотворения: 1804 г. — 1. «К Бурцову» («Бурцов! иера, забияка»). 2. «Клятва гусаров» («В дымном поле на биваке»).

1814 г. — 3. «Возьмите меч — он недостоин брани».

1819 г. — 4. «Старинные гусары» («Где гусары прежних лет»).

Дельвига бар. А. А. Стихотворения: 1814 г. — 1. «К поэту-математику» («Скажите мне, Фиониас любезный»). 2. «Дафна» («Мне минуло шестнадцать лет»). 3. «Триолет князю Горчакову» («Тебе желаю, милой князь»). 4. «Эпиграмма» («Поэт надутый Клит»).

Ок. 1816 г. — 5. «Поляк (баллада)» («Бородинские долины осеребрялися луной»).

---

[1]) В списке это стихотворение имеет подпись: *К* [?].. *Г*..

[2]) Стихотворения: 1—3, 5—8, 10—20 и 23 в списках, сделанных рукою А. М. Горчакова; 4 — список рукою А. Д. Илличевского; 9 — рукою А. А. Дельвига. Кому принадлежат списки стихотворений: 21, 22, 24—34, пока определить не удалось.

1820 г. — 6. «Тихая жизнь» («Блажен, кто за рубеж наследственных полей»). 7. «Застольная песня» («Други! Пусть года несутся»).

Неизвестных годов. — 8. «На рождение В. К. Кюхельбекера» («Мрак распростерся везде»). 9. «Того уж нет» («Бывало, я на все сердился»).

Жуковского В. А. Стихотворения: 1814 г. — 1. «Старушка» («На кровле вран печально прокричал»).

1816 г. — 2. «Овсяной кисель» («Дети, овсяной кисель на столе; читайте молитву!»). 3. «Песня» («Кольцо души девицы»).

1817 г. — 4. «Утешение в слезах» («Скажи, что так задумчив ты?»).

1818 г. — 5. «Рыцарь Тогенбург» («Сладко мне твоей сестрою»). 6. «Утренняя звезда» («Откуда звездочка краса?»). 7. «Рыбак» («Бежит волна, шумит волна»). 8. «Жалоба пастуха» («На ту знакомую гору»).

1823 г. — 9. «Записка от Жуковского фрейлинам графине Самойловой и Варваре Павловне Ушаковой» («Не грех ли вам, прекрасная графиня»).

Илличевского А. Д. 1814 г. — 1. «К Ниобеиной статуе. Эпиграмма» («Зевес, во гневе к Ниобее»). 2. «Цефиз (идиллия, подражание Клейсту)» («Филлинт! Драгой Филлинт! Тебя ли обретаю?»). 3. «В прекрасный летний день, вечернею порою». 4. «Эпиграмма» («Я обокраден! Я лишился!»). 5. «Эпиграммы» (1. «Титир убогий наш поэт». 2. «Что телу без души существовать нельзя». 3. «Чему дивиться тут, что летом и зимою». 4. «Систему новою Никандр изобретает». 5. «Клит смеет утверждать в народе». 6. «Скажите, отчего так Клав переменился»).

1815 г. — 6. «Гостеприимство» («Цвет любови — Нагандова»). Неизвестных годов. — 7. «Посуда. Басня» («Не помню я, какой подрядчик»). 8. «Домовой» («Старик. «О внучек! страшен сатана»).

Кокошкина П. Ф. «Как мгновенье наслажденья».

Мятлева И. П. «Le cotillon» («Celèbre est votre jour de fête»),

Нелединского-Мелецкого Ю. А. «Жизнь моя тобою хранится».

Пушкина В. Л. 1. «Couplets sur la prise de Paris. 19 Mars 1814» («Messieurs, Nous sommes à Paris»). 2. «Сапожник и его сват». Басня. («Желая возвратить сон сладкий и покой»). 3. «Преимущество дарований». Басня. («Сосед однажды за обедом»). 4. «Когда приходит час» (Мадригалы). 5. «О, боги, я хочу, чтоб милый счастлив был» (Желание подруги). 6. «Стихи в альбом» («Альбом есть памятник души»).

Тютчева Ф. И. «Велели вы — хоть, может быть, и в шутку».

Кроме того, имеется одно стихотворение *Duros* «A la violette» («Aimable fille du printemps») и несколько произведений неизвестных лиц, именно: стихотворения: 1. «Сон» («Кто столько мог тебя, мой друг, развеселить?»). 2. «Sonnet» («Grand Dieu! tes jugements sont remplis d'équité»). 3. «Couplets» («Ami, il est un refrain»). 4. «Stances» («Sur une mer pleine d'orages»). 5. «Сокол и голубь». Басня. («Слетел на голубка сокол; поймал, клюет»). 6. «Эпиграмма» («Чу, слышно, что Псарев над одами трудится»). 7. «Промчались грозны времена». 8. «Comme la terre rafraichie» (Couplets). 9. «Chanson» («C'est un pêche que la paresse»). 10. «L'immortelle Allegorie» («Licidas, d'un labeur pénible»). 11. «Эпитафия Наполеону» («Под камнем сим лежит»). 12. «Козак» («Ты, чья резвая рука»). 13. «На слова: никак нельзя — ну, так и быть. Отрывок из куплетов» («Я прав, он виноват; решите»). 14. «На слова: с позволения сказать. Отрывок («С позволения сказать, Я сердит на вас ужасно») и прозаические: 1. «Символ политической веры русского». 2. «Скрыжали Наполеона». Сюда же, к отделу литературных произведений, можно отнести: *Горчакова А. М.* — «Разбор оды графа Хво-

стова на вторичное вступление союзников в Париж». *Юдина П. М.* «Марий на развалинах Карфагена» и *Энгельгардта Е. А.* — «Приветствие, говоренное при торжественном выпуске воспитанников Лицея в 1817 г.» [1]).

Переписка распадается на 2 части: *письма кн. Александра Михайловича Горчакова и письма к нему разных лиц.* Письма самого кн. Горчакова состоят из писем его к его родственникам Пещуровым, Алексею Никитичу, Елизавете Никитичне и Елизавете Христофоровне, и баронессе Веймарн (Анна-Варвара, ур. баронесса Ферзен, двоюродная сестра матери А. М. Горчакова, жена генерала Ив. Ив. Веймарн). Письма к Пещуровым, в количестве 128, охватывают годы: 1811—1828 и распределяются следующим образом: за 1811 г. — 4 письма, 1812—2, 1814—5, 1815—7, 1816—22, 1817—37, 1818—34, 1825—12, 1826—1, 1827—1, 1828—3. Письма к баронессе Веймарн, в количестве 2, написаны в 1814 году.

Письма к А. М. Горчакову состоят из: писем к нему директора лицея Е. А. Энгельгардта за период 1817—1846 гг., именно: за 1817—6 писем, 1818—14, 1835—1, 1844—2, 1846—2; писем периода 1817—18 гг., лицейских товарищей Горчакова: Ломоносова С. Г. — 6 писем; Малиновского И. В. — 3, Юдина П.М. — 4, Яковлева М. Л. — 3; Корсакова Н. А. (?) — 2; одного письма К. К. Штоффрегена 1818 г. и писем разных лиц, переплетенных вместе в одну общую тетрадь, озаглавленную: «Correspondance Etrangère. — Divers Compatriotes. — Souvenirs de Societé, jusqu'en janvier 1834». Во второй части — «Divers Compatriotes», — среди писем других лиц, имеются письма: за 1821—31 гг. Е. А. Энгельгардта, 1823 г.— лицейского товарища князя М. А. Корфа и В. А. Жуковского. В 3-ей части — «Souvenirs de Societè» — находятся письма: за 1827—32 гг. графини Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, ур. Браницкой, 1833 г. — графа Александра Михайловича Борха, Софии Петровны Свечиной.

Материалы, касающиеся дуэли и смерти А. С. Пушкина, заключаются, частью, в копиях и списках уже известных документов, частью, в подлинниках и копиях, еще не опубликованных. Сюда входят: копия письма князя Петра Андреевича Вяземского Александру Яковлевичу Булгакову от 5. II. 1837 г.; список, рукою княгини Марии Александровны Горчаковой (по первому браку гр. Мусиной-Пушкиной), имеющий название «Relation sur la duel du Pouschkine»; копии: известного анонимного пасквиля, полученного Пушкиным 4. XI. 1836 г., письма А. С. Пушкина гр. Бенкендорфу 21. XI. 1836 г., письма А. С. Пушкина барону Геккерену от 26. I. 1837 г., письма барона Геккерена А. С. Пушкину от 26. I. 1837 г., записок виконта Д'Аршиака А. С. Пушкину от 26. I. 1837 г., записок виконта Д'Аршиака А. С. Пушкину от 27. I. 1837 г., письма А. С. Пушкина виконту Д'Аршиаку от 27. I. 1837 г., письма Д'Аршиака кн. П. А. Вяземскому от 1/13. II. 1837 г., письма К. К. Данзаса кн. П. А. Вяземскому от 6. II. 1837 г., письма графа Бенкендорфа графу Г. А. Строганову (от 1 или 2. II. 1837 г.), отрывка письма графа М. С. Воронцова из Одессы к М. И. Лексу от 12. II; подлинник письма кн. П. А. Вяземского графине М. А. Мусиной-Пушкиной (кн. Горчаковой) от 15. XII. 1837 г.; списки стихотворений М. Ю. Лермонтова, Э. Губерта и неизвестного автора на смерть А. С. Пушкина.

---

[1]) Стихотворения неизвестных авторов: 3, 8, 9, 13 и 14, повидимому, принадлежат коллективному творчеству лицеистов.

Стихотворения: Батюшкова, Воейкова, Давыдова — 1 и 2, Дельвига — 1, 2, 4 — 7 и 9, Жуковского — 2 — 9, все Илличевского, В. Л. Пушкина — 1 и неизвестных авторов 1 — 6, 9, 13 и 14 — списки руки А. М. Горчакова. Стихотворения Дельвига — 3 — 8 — автографы.

Прозаические произведения: Юдина — автограф; Горчакова — разбор оды Хвостова — автограф.

Чьей рукою сделаны остальные списки, пока не установлено.

Альбомов сохранилось четыре: три — кн. А. М. Горчакова и один, принадлежавший, повидимому, жене его — кн. Марии Александровне.

Первый из альбомов кн. А. М. Горчакова хранит автографы (раннего периода) его лицейских товарищей [1]): Есакова С. С., Яковлева М. Л., Корфа М. А., Пущина И. И., Илличевского А. Д., Кюхельбекера В. К., Корсакова Н. А., Вольховского В. Д., Маслова Д. Н., Костенского К. Д., Дельвига А. А., Бакунина А. П., Ржевского Н. Г., Пушкина А. С., Стевена Ф. Х., Мясоедова П. Н., Корнилова А. А., Броглио С. Ф., Комовского С. Д., Малиновского И. В. и гувернера Иконникова А. Н. Несомненно, запись Пушкина в этом альбомчике — самый ранний из известных до сих пор автографов поэта.

Два другие альбома представляют собою собрание автографов (в очень незначительном количестве), выписей и списков произведений, изречений, писем и пр. различных авторов как русских, так и иностранных. Выписи, в большинстве случаев, сделаны рукою самого кн. Горчакова. Альбом княгини Марии Александровны — довольно типичный женский альбом того времени — также состоит из собрания автографов, списков и копий произведений и писем различных лиц и хранит засушенные цветы, рисунки, визитные карточки.

Литературные произведения русских авторов, находящиеся в альбомах Горчаковых, вошли в настоящем обзоре в отдел литературных произведений. Из иностранных же писателей здесь имеются произведения: Aime-Martin, Byron, Delacroix, Milton, Millevoye, J. J. Rousseau, W. Scott, M-me de Stael, R. Southey и др.

В заключение следует упомянуть об имеющихся в архиве шести «чистых» печатных листах (1—2, 4—7) подготовлявшейся к изданию повидимому еще в дореволюционное время книги. Листы не имеют обложки и заглавного листа, но на первой странице первого листа имеется шмуц-титул: «Переписка князя А. М. Горчакова за время обучения его в Царскосельском лицее». Здесь напечатаны: письма княгини Е. В. Горчаковой к сыну, Александру Михайловичу, за 1811—1816 гг., а именно: за 1811 г.—11 писем, 1812—16, 1813—15, 1814—7, 1815—11, 1816—2; письмо кн. Е. В. Горчаковой кн. Г. Кантакузену (1811 г.); письмо доктора Триниуса к кн. Е. В. Горчаковой и 13 писем Александра Михайловича Горчакова к Пещуровым, Алексею Никитичу и Елизавете Никитичне, за 1811—1816 гг.: за 1811—2, 1812—1, 1814—3, 1815—6, 1816—1.

Все указанные материалы в настоящее время подготовляются к печати.

М. Цявловский.

---

[1]) Фамилии лицеистов приводятся в порядке записей их в альбоме.

Поэма А. С. Пушкина „Монах“.

I.

Первое известие о поэме Пушкина «Монах» появилось в печати шестьдесят пять лет тому назад, в статье В. П. Гаевского «Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения» [1]). Сам лицеист и собиратель лицейской старины, Гаевский в своей работе широко воспользовался устными преданиями — рассказами лицейских товарищей Пушкина. Вот что он узнал от них о первых литературных опытах Пушкина: «По рассказам товарищей Пушкина, он в первые два года лицейской жизни [2]) написал роман в прозе «Цыган» и вместе с М. Л. Яковлевым комедию «Так водится на свете», предназначенную для домашнего театра. После этих опытов он начал комедию в стихах «Философ», о которой упоминает в записках, напечатанных в его биографии Анненковым, но, сочинив только два действия, охладел к своему труду и уничтожил написанное [3]). В то же время он сочинил, в подражание Баркову, поэму «Монах», которую также уничтожил, по совету одного из своих товарищей. Увлеченный успехом талантливого и остроумного произведения дяди, В. Л. Пушкина, «Опасный сосед», которое ходило тогда в рукописи и с жадностью читалось и перечитывалось, племянник пустился в тот же род и кроме упомянутой поэмы написал «Тень Баркова» — балладу, известную по нескольким спискам... Все эти пять произведений, по отзывам товарищей поэта, сочинены в 1812, 1813 и не позже 1814 г....» [4]). Итак, по свидетельству Гаевского, поэма «Монах» написана — в подражание Баркову — в начальный период пребывания Пушкина в лицее, во всяком случае н е п о з ж е 1814 г., и уничтожена по совету одного из товарищей.

---

[1]) «Современник» 1863, № 7, стр. 155, 157.

[2]) Первые два года лицейской жизни захватывают период с октября 1811 по октябрь 1813 г.

[3]) Речь идет об отрывках из лицейских записок, датируемых точно 1815 г. (Сочинения Пушкина, редакция С. А. Венгерова, т. V, стр. 411). 10 декабря 1815 г. Пушкин записал: «Начал я комедию — не знаю, кончу ли ее». А 16 января 1816 г. товарищ Пушкина Илличевский писал своему другу Фуссу: «Кстати о Пушкине: он пишет теперь комедию в 5 действиях, в стихах, под названием «Философ» (Я. Грот. «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники». Изд. 2-е. СПБ. 1899, стр. 67). Следовательно, приурочение комедии «Философ» к первому периоду лицейской жизни (1811—1813 гг.), сделанное Гаевским, является неверным. Не мешает отметить эту, одну из многих, неточностей Гаевского.

[4]) Гаевский из пяти названных им произведений Пушкина знал только одно: балладу «Тень Баркова». Из этой «неприличной» баллады Гаевский мог привести лишь несколько строф с рядом многоточий.

Дальнейшие сообщения о «Монахе» идут от лицейского товарища Пушкина князя А. М. Горчакова. Сам Горчаков ничего не записал ни о «Монахе» ни о Пушкине — он был слишком сановен и не мог снизойти до записей, а только «рассказывал» своим почтительным слушателям. Его рассказы записаны тремя слушателями — князем А. И. Урусовым, академиком Я. К. Гротом и редактором «Русской старины» М. И. Семевским.

Князь Урусов посетил князя Горчакова 20 апреля 1871 г. и, вернувшись от него, тотчас же изложил его рассказ о Пушкине в письме к редактору «Русского архива» П. И. Бартеневу [1]). Семидесятидвухлетний старик, министр иностранных дел и государственный канцлер, только что получивший «светлейшего», Горчаков рассказал Урусову о том, что Пушкин вообще любил читать ему свои вещи и внимательно прислушивался к критическим замечаниям его, Горчакова, и принимал их к исполнению. Со слов Горчакова Урусов сообщил Бартеневу: «Пользуясь своим влиянием на Пушкина, князь Горчаков побудил его уничтожить одно произведение, «которое могло бы оставить пятно на его памяти». Пушкин написал, было, поэму «Монах». Князь Горчаков взял ее на прочтение и сжег, объявив автору, что это произведение недостойно его имени. Эстетическое развитие князя Горчакова, его любовь к искусству (он составил себе превосходную коллекцию картин, в числе которых, по отзыву знатоков, нет посредственностей) должны были дать ему значительный вес в глазах чуткого и восприимчивого поэта». Итак, по Гаевскому, Пушкин послушался совета одного из своих товарищей и сам уничтожил поэму «Монах». По Горчакову, он сам, Горчаков, взял рукопись и сжег.

8 мая 1880 г. академик Я. К. Грот посетил князя Горчакова перед отъездом своим на открытие памятника Пушкину в Москве. Восьмидесятидвухлетний светлейший князь, уже перевернувший в это время самую темную страницу своей служебной карьеры (так он сам называл свою работу на Берлинском конгрессе), был не совсем здоров. Грот записал: «Он принял меня очень любезно, выразил сожаление, что не может быть на торжестве в честь своего товарища, и, прочитав на память большую часть послания его «Пускай, не знаясь с Аполлоном», распространился о своих отношениях к Пушкину. Между прочим он говорил, что был для нашего поэта тем же, чем la cuisinière de Molière (кухарка Мольера) для славного комика, который ничего не выпускал в свет, не посоветовавшись с нею; что он, князь, когда-то помешал Пушкину напечатать дурную поэму, разорвав три песни ее...» [2]). Новая версия: Горчаков разорвал три песни дурной поэмы и тем помешал Пушкину напечатать ее.

В 1881 г. (осенью) и в 1882 г. (весною) навещал Горчакова М. И. Семевский. В это время Горчаков, уже на 83-м году жизни, сложил служебное бремя и жил за границей, в Ницце. Семевский занес сейчас же по выслушании в свою записную книжку следующий рассказ Горчакова: «Славного лицеиста, нашего поэта Пушкина, я весьма любил и был взаимно им любим. С удовольствием вспоминаю, что имел на него некоторое влияние, о чем сужу по следующему случаю. Однажды, еще в лицее, он мне показал стихотворение довольно скабрезного свойства. Я ему напрямки сказал, что оно недостойно его прекрасного таланта. Пушкин немедленно разорвал это стихотворение» [3]). Речь, надо думать

[1]) П. И. Бартенев напечатал отрывки из этого письма в 1883 году, на страницах «Русского архива», т. III, стр. 205—206.

[2]) Я. К. Грот, назв. работа, стр. 268.

[3]) «Русская старина» 1883, октябрь, стр. 164, в статье «Кн. А. М. Горчаков в его рассказах из прошлого». Статья подписана «М.-ской», но в оглавлении этого LI тома «Русской старины» сказано: «записал и сообщил редактор», т. е. Семевский.

идет о том же «Монахе». Итак, третья версия: Пушкин, по совету Горчакова, сам разорвал свое стихотворение, им неодобренное.

Конечно, нельзя требовать точности от воспоминаний старца на восьмом десятке, даже если он государственный канцлер. Неважно, сжег или разорвал, но светлейший князь во всех трех версиях одно помнил твердо и одно утверждал категорически, что рукописи нет, что она уничтожена. А между тем рукопись неприличного «Монаха» вместе с другими автографами Пушкина и лицейскими реликвиями мирно хранилась в архиве Горчакова. Не стоит гадать на тему, говорил ли Горчаков эту неправду умышленно или по старческой забывчивости. Светлейший князь был человек необычайного тщеславия. Конечно, тщеславие побуждало его к рассказам о том, как Пушкин ценил его эстетические и критические замечания, чего в действительности и не было. А раз похвастав, что по его совету была уничтожена поэма Пушкина, как же можно было обнаружить наличие рукописи в собственном архиве!

Следующее, пятое по счету, сообщение о «Монахе» появилось в 1899 г. — в первом томе «Остафьевского архива князей Вяземских». Это пятое — в действительности первое, хронологически известие о «Монахе»: 4 октября 1819 г. кн. П. А. Вяземский из Варшавы писал А. И. Тургеневу: «Сделай милость, скажи племяннику, чтобы он дал мне какого-то своего «Монаха» и «Вкруг я Стурдзы хожу» и все, что есть нового». Письмо Вяземского привлекло внимание исследователей к «Монаху». В. И. Саитов, комментируя это письмо, высказался: «Под «Монахом», быть может, разумеется «Русалка», напечатанная впервые в издании 1826 г., или же поэма «Монах», которую Горчаков сжег — как произведение, недостойное имени Пушкина» [1]. Но «Русалка» есть «Русалка», а «Монах» есть «Монах». Для предположительного отожествления «Русалки» с «Монахом» у Саитова не было никаких данных, но это предположение «обосновали» еще новыми предположениями. П. О. Морозов — «первоначально это стихотворение («Русалка»), может быть, называлось «Монах» [2] — и В. Е. Якушкин — «может быть, первоначально поэт даже так и назвал свою пьесу — «Монах», а потом изменил заглавие ради цензуры» [3]. Против этого «может быть» совершенно справедливо восстал Н. О. Лернер в своих рецензиях на второй том академического Пушкина: «Русалка» и «Монах» совсем не одно и то же [4]. Действительный, но не высказанный мотив к замещению «Монаха» «Русалкой» в письмах Вяземского диктовался таким соображением: «Монах» — произведение раннего лицейского периода; «Русалка» — написана в 1819 г., а запрос Вяземского относится к 1819 г. Но решительно никакой неловкости нет, если мы поймем слова Вяземского и так, как они написаны. Вяземский слышал о «Монахе», но ничего не знал о нем, а потом и запросил Тургенева. В изданной переписке Вяземского с Тургеневым не находим никакого ответа Тургенева на запрос Вяземского от 4 октября, но пробелов в переписке нет. По получении письма Вяземского, Тургенев писал ему 15 и 22 октября и 22-го сообщил ему: «Пушкин переписал для тебя Стансы на Свободу, но я боюсь и за него и за себя посылать их к тебе» [5]. О «Монахе» ни слова, да Пушкин и ничего не мог сделать, так как рукопись была взята Горчаковым. Тургенев не отожествлял «Монаха» с «Русалкой», а о «Русалке», написанной в 1819 г., он писал Вяземскому много лет спустя

[1] Остафьевский архив князей Вяземских, т. I, СПБ, 1899, стр. 323 и 646.
[2] В издании сочинений Пушкина, ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 566—567.
[3] Сочинения Пушкина. Изд. Академии наук, т. II, СПБ, 1905 г., стр. 80.
[4] «Былое», 1906, № 6, стр. 304—305; «Русский архив», 1906, № 8, стр. 603—604.
[5] Остафьевский архив, СПБ, 1899, т. I, стр. 335.

в 1824 г., 7 января: «Читал ли ты «Русалку»? Если нет, то пришлю, старая пьеса, прелестная...» [1]). Это сообщение Тургенева, ускользнувшее от внимания исследователей, должно было бы удержать их от неосновательного отожествления «Монаха» с «Русалкой».

В 1908 г. Н. О. Лернер еще раз перебрал всю литературу о «Монахе» в специальной заметке [2]), еще раз категорически высказался за раздельное существование «Русалки» и «Монаха» и сделал важное фактическое дополнение: «По некоторым известиям, «Монах» сохранился до наших дней, и владеющее рукописью лицо держит ее под спудом». Это прикровенное сообщение Н. О. Лернер разъяснил только после появления в печати известий о находке пушкинских рукописей в архиве Горчаковых. «Я знал, что поэма «Монах» хранится у «светлейших князей» Горчаковых, потомков канцлера, в их доме на Большой Монетной улице, и сделал попытку познакомиться с нею через посредство историка Н. Д. Чечулина, бывшего в дружеских сношениях с Горчаковыми. Чечулин, по моей просьбе, говорил с владельцем рукописи, но кн. Горчаков ответил, что не может исполнить мое желание, хотя и вполне сочувствует ему, потому что связан распоряжением деда, запретившего показывать рукопись кому бы то ни было из «посторонних». Мне было сообщено, что рукопись не может быть показана мне, но и никому никогда не будет показана. Так же не удалась и попытка, предпринятая потом покойным Б. Л. Модзалевским» [3]). Да, трудненько было вести дело с «светлейшими». И мне пришлось через того же Чечулина ходатайствовать о сообщении мне автографов посланий Пушкина к Горчакову: Чечулин любезно сообщил мне, что автографы имеются, но показаны быть не могут. Выходили, одно за другим, издания сочинений Пушкина, где печатались по неисправным спискам послания поэта к Горчакову; государственный канцлер любил декламировать их, но не снизошел к просьбам издателей и исследователей, хотя между ними были даже и воспитанники того лицея, который был окружен ореолом в воспоминаниях всех лицеистов, — не соблаговолил даже показать, только показать эти рукописи.

II. [4])

Перед нами — три тетрадочки, три песни («три песни дурной поэмы разорвал Горчаков» — так записал Грот). Каждая тетрадка, в четвертушку писчего листа серой с синеватым оттенком бумаги, сшита цветной шелковинкой. Исправлений почти нет, немногие из них сделаны самим Пушкиным. Экземпляр, перебеленный начисто и — надо думать — поднесенный автором своему другу. Среди пушкинских автографов Горчаковского архива имеется и еще один подносный, нарядный автограф «Послания к Батюшкову»: на нем полностью Пушкин прописал «Александру Михайловичу Горчакову». Палеографические особенности рукописи, водяные знаки (1813 г.) не имеют большого значения, ибо они свидетельствуют лишь о том, раньше какого срока рукопись не могла быть переписана набело. А для суждения о том, когда поэма была написана, придется обратиться к иным доказательствам. Можно было бы сослаться и на приведенные Гаевским рассказы лицей-

[1]) Остафьевский архив, т. III, СПБ, 1899, стр. 3.

[2]) Пушкин. Сочинения. Ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 538.

[3]) «Красная газета», вечерний выпуск, четверг, 22 ноября 1928 г., № 322, заметка: «Монах» Пушкина. Для полноты обзора литературы отметим, что рассказы Горчакова повторены в статье Н. А. Гастфрейнда в книге «Товарищи Пушкина по императорскому царскосельскому лицею», т. I, СПБ, 1912 г. Здесь дан биографический очерк Горчакова.

[4]) Дальнейшее изложение дает первоначальный набросок введения к полному тексту «Монаха» в отдельном издании.

ских товарищей Пушкина, которые относили «Монаха» к первым двум годам лицейской жизни Пушкина и никак не позже 1814 г. Показания Гаевского не всегда точны, но это хронологическое приурочение «Монаха» к раннему лицейскому периоду следует принять, ибо оно подверждается наблюдениями над почерком, детски красивым и неустойчивым, над языком, еще связанным архаизмами, над стихом, еще неуклюжим, над стилем, еще не дающимся автору. В 1815 г. Пушкин так уже не писал. Одно достоинство следует отметить в произведении 13—14-летнего автора: совершенство композиции всей поэмы. Остановимся сейчас еще на некоторых соображениях, заставляющих относить «Монаха» к 1814—1813 г., но не дающих возможности уточнить датировку.

Источники творческого воображения, создававшего «Монаха», сводятся к трем группам впечатлений. Первая группа дана чтением и изучением литературных образцов; вторая — созерцанием картин, которые Пушкин видел на стенах дворцовых покоев, и гравюр, которыми была так богата французская книга XVIII века, и, наконец, третья возникала из непосредственных возбуждений реальной действительности. Несколько слов о действительности, питавшей эротику 13—14-летнего мальчика, воспитанника закрытого учебного заведения, которое казалось ему монастырем. Чувственные вожделения, давшие реальную основу эротике «Монаха», шли от сцены домашнего театра графа Варфоломея Васильевича Толстого. 2 сентября 1815 года лицейский товарищ Пушкина Илличевский писал из Царского Села своему другу Фуссу в Петербург: «Описать ли тебе, как я провожу время? — Наше Царское Село в летние дни есть Петербург в миниатюре. И у нас есть вечерние гулянья, в саду музыка и песни, иногда театры. Всем этим обязаны мы графу Т о л с т о м у, богатому и любящему удовольствия человеку. По знакомству с хозяином и мы имеем вход в его спектакли — ты можешь понять, что это наше первое и почти единственное удовольствие» [1]). По словам Гаевского, «лицеисты вместе с другими посетителями засматривались на первую любовницу доморощенной труппы Наталью, которая однако же была плохою актрисою» [2]). Вот этой-то Натальей и была уязвлена чувственность 13—14-летнего поэта. Яркую характеристику эротического увлечения Пушкина крепостной актрисой дает его «Посланье к Наталье», появившееся в печати в полной редакции только в 1905 г. Подросток-поэт еще далек от физиологической близости к женщине и не на яву, а только в воображении дерзает пламенной рукой ласкать белоснежну полну грудь и только во сне видит с собой милую в легком одеянии, — «робко, сладостно дыханье, белой груди колебанье, снег затмившей белизной». Автор послания не без некоторого стыда и сам сознается, что он впервые чувствует себя влюбленным.

Миловидной жрицы Тальи,
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце — Купидон.
Так, Наталья, признаюся,
Я тобою полонен,
В первый раз еще (стыжуся)
В женски прелести влюблен...

---

[1]) К. Я. Грот. Пушкинский лицей (1811—1817). СПБ. 1911, стр. 50. Любопытно, что при публикации этого письма в книге Я. К. Грота «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники» в дату письма вкралась опечатка: вместо 1815 г. поставлен 1816. Так с 1816 г. письмо это и вошло в исследовательскую литературу!

[2]) «Современник», 1863, № 7, стр. 139.

Автобиографичность этого признания в первой влюбленности не достаточно, пожалуй, даже совсем не оценена. К сожалению, мы не можем сделать хронологического приурочения. Мы не знаем даты возникновения театра Толстого; из письма Илличевского нам уже известно, что летом 1815 г. театр играл. Играл ли он в 1812, 1813 г., когда лицеисты начали его посещать, на это указаний пока не находим. Хронологию «Посланья к Наталье», печатающегося под 1814 г., нельзя считать установленной. Единственным основанием является категорическое утверждение Гаевского: «Пушкин написал в 1814 г. напечатанные [Анненковым. *П. Щ.*] в отделе стихотворений неизвестных годов посланья «К Наталье» и «К молодой актрисе» [1]). Но мы, к сожалению, не знаем, чем руководился Гаевский при датировке: собственными домыслами, представлявшимися ему бесспорными, или определенными фактическими указаниями. Кроме того для нас ясно, что послания «К Наталье» и «К молодой актрисе» должны быть разделены значительным промежутком, а они и печатаются-то рядом: если первое относится к началу увлечения, то второе, понятно, к позднему моменту, моменту охлаждения. Да, кроме того, и по формальным достижениям, второе послание стоит настолько выше первого, что говорить об одновременности их создания не приходится.

«Посланье к Наталье» заканчивается саморекомендацией автора предмету своей страсти, не имеющему представления о том, кто этот нежный Целадон.

— Да кто ж ты, болтун влюбленный?
— Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак,
Взглянь на окна загражденны,
На лампады там зажженны...
Знай, Наталья, — я монах.

Заключительная строка приводит нас к поэме «Монах». Лицей — монастырь, лицеист — монах: он подвержен искушениям плоти, и «Посланье к Наталье» является в известной мере рассказом об искушениях, в которые ввергал лицеиста-монаха образ Натальи, тревоживший и сон и воображение. Поэма «Монах» дает рассказ об искушениях плоти, которые выпадают на долю придуманного автором монаха. В известной мере поэт объективирует впечатления собственных искушений, вызванных образом Натальи. Он и сознается простодушно в своем увлечении, называет по имени Наталью. Она есть эротическое бродило в творческом процессе создания «Монаха». Поэт жалеет, что он не владеет кистью художника, иначе он

Представил бы все прелести Натальи,
На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венок душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвой Тальи,
Стан охватил Киприды б пояс злат.

Любопытно, что, выбирая своему монаху искушение и располагая в литературных образцах целым арсеналом разнообразнейших искушений, Пушкин в процессе объективации собственных переживаний остановился на одном виде — на искушении частью женского туалета. Не женский образ привиделся монаху, а юбка — сладострастная черточка, характерная для подростка.

[1]) «Современник», 1863, № 7, стр. 139

Огню любви единственна преграда,
Любовника сладчайшая награда
И прелестей единственный покров,
О, юбка, речь к тебе я обращаю,
Строки сии тебе я посвящаю,
Одушеви перо мое, любовь.

И от этого обращения переход к действительности:

Люблю тебя, о, юбка дорогая,
Когда, меня под вечер ожидая,
Наталья, сняв парчевый сарафан,
Тобою лишь окружит тонкий стан...
Что может быть тогда тебя милее,
И ты, виясь вокруг прекрасных ног,
Струи ручьев прозрачнее, светлее,
Касаешься тех мест, где юный бог
Покоится меж розой и лилеей.

А в «Послании к Наталье» —

Скромный мрак безмолвной ночи...
Я один в беседке с нею.
Вижу... девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею...

Эротика «Монаха» легко сближается с эротикой «Послания к Наталье», и эта близость дает повод к заключению, что и то и другое произведения писаны приблизительно в одно и то же время. Что написано раньше, послание или поэма? Если счесть автобиографическим момент ожидания Натальи, описанный в поэме, то хронологически первенство надо отдать «Монаху». Но вслед за волной чувственности, залившей строки послания и поэмы, пришла «первая любовь». В программе записок Пушкин пометил только «первая любовь», а в отрывках из лицейских записок под 29 ноября 1815 г. находим подробную запись. Пошли иные песни, бесконечно далекие от признаний Целадона перед Натальей и его вожделений:

«Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался летом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкруг меня угрюмой скуки тень.

Я счастлив был!.. Нет, я вчера не был счастлив: поутру я мучился ожиданием, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу, — ее не видно было! Наконец, я потерял надежду; вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, — сладкая минута!

Как она мила была! Как черное платье пристало к милой Бакуниной!

Но я не видел ее 18 часов — ах!

Какое положение, какая мука! Но я был счастлив пять минут».

Можно без опасения ошибки принять утверждение Гаевского о хронологии «Монаха» — не дальше 14-го года, но нет, в сущности, препятствий отодвинуть поэму к 1813 году.

III.

Приурочение «Монаха» к начальному периоду лицейской жизни можно подкрепить и еще одним соображением. Из литературных источников, оказавших влияние на создание «Монаха», на первом месте надо поставить, понятно, Вольтера, а огромное воздействие Вольтера на Пушкина приходится именно на ранний период лицейского творчества: в это время он не имеет соперников, и только позже начинается влияние и других иностранных писателей.

О вольтерианстве Пушкина не стоит распространяться. Вопрос достаточно освещен. Приведем итоги, сделанные академиком Н. П. Дашкевичем: «В ряду великих писателей Вольтер был первым кумиром юности Пушкина, о чем прямо говорят и сам Пушкин и другие. В то время этот «сын Мома и Минервы, воспитанный Фебом, отец Кандида, Фернейский злой крикун», казался Пушкину «поэтом в поэтах первым, соперником Эврипида, Ариоста, Тасса внуком»:

Он все: везде велик
Единственный старик!

Потому-то был он

Всех больше перечитан,
Всех менее томит.

Во время пребывания в лицее Пушкин читал произведения Вольтера и биографию его. Нашего поэта интересовали тогда по преимуществу поэтические произведения Вольтера, которые он переводил и которым подражал и в детстве, в годы учения, и вскоре потом (1814—1819)» [1]).

Из всех произведений Вольтера наибольшее обаяние производила на Пушкина поэма «Орлеанская девственница» — произведение «самое возмутительное и нечестивейшее», по отзыву врагов Вольтера, «книжка славная, золотая, незабвенная, катехизис остроумия», по отзыву Пушкина. В 1818 г. отъезжавшему в чужие края Н. И. Кривцову Пушкин подарил экземпляр «Девственницы» — «святую библию Харит». О ней писал Пушкин:

Амур нашел ее в Цитере,
В архиве шалости младой.
По ней молись своей Венере
Благочестивою душой.

Под влиянием Вольтера, его «Девственницы», Пушкин пробовал написать поэму «Бова». В ней читаем следующее обращение к Вольтеру:

О, Вольтер, о муж единственный!
Ты, которого во Франции
Почитали богом неким,
В Риме — дьяволом, антихристом,
Обезьяною — в Саксонии,
Ты, который на Радищева
Кинул было взор с улыбкою,—
Будь теперь моею музою!

[1]) Н. П. Дашкевич. Статьи по новой русской литературе. СПБ. 1914, стр. 201—202.

Поэма «Монах» приносит нам свидетельство Пушкина о том, чем был для него Вольтер. И в «Монахе» литературным образцом для Пушкина был Вольтер и его «Девственница». Необходимо остановиться на вступлении к «Монаху», содержащем обращение к Вольтеру и... к Баркову.

Певец любви, фернейский старичок,
К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь!
Куда, скажи, девался твой смычек,
Которым я в «Жан д'Арке» восхищаюсь?
Где кисть твоя? Скажи, ужели ввек
Их ни один не найдет человек?
Вольтер! Султан французского Парнасса,
Я не хочу седлать коня Пегаса,
Я не хочу из муз наделать дам,
Но дай лишь мне твою златую лиру
Я буду с ней всему известен миру...
Ты хмуришься и говоришь: не дам.

Так же, как и в «Бове», Пушкин горит одним желанием — творить по Вольтеру, взяв в образец его поэму об «Орлеанской девственнице». До такой степени горит желанием, что сейчас же начинает подражать «Девственнице». Вслед за только что приведенными стихами идет обращение к Баркову, но обращение это отнюдь не надо принимать по существу. Барков замещает только Шаплена в «Девственнице», бездарного и грубого автора скучнейшей, правоверней шей поэмы об «Орлеанской деве». Вольтер обращается к Шаплену:

O Chapelain, toi dont le violon,
De discordante et gothique mémoire,
Sous un archet maudit par Apollon
D'un ton si dur a raclé son histoire;
Vieux Chapelain, pour l'honneur de ton art,
Tu voudra bien me prêter ton génie:
Je n'en veux point; c'est pour Lamotte-Haudart
Quand l'Iliade est par lui travestie.

Приведем сделанный Пушкиным в 1825 г. перевод этих стихов «Девственницы», не совсем близкий к подлиннику:

О ты, певец сей чудотворной девы,
Седой певец, чьи хриплые напевы,
Нестройный ум и чудотворный вкус
В былые дни бесили нежных муз!
Хотел бы ты, о, стихотворец хилый,
Почтить меня скрипицею своей,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь из модных рифмачей.

Издеваясь над Шапленом, Вольтер вводит в свою поэму шуточно злое обращение к своему конкуренту. Выдерживая тон подражания, Пушкин, после восторженно почтительного обращения к Вольтеру, противопоставляет Вольтеру Баркова. Сопоставим два обращения: Вольтера к Шаплену и Пушкина к Баркову в «Монахе»:

А ты, поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,

Под Геликон упавший в грязь с Вильоном, [1])
Не можешь ли ты мне помочь, Барков?
С усмешкою даешь ты мне скрыпицу,
Сулишь вино и музу пол-девицу —
Последуй лишь примеру моему.

Но, как Вольтер от предложения Шаплена, так и Пушкин решительно отказывается от Баркова:

Нет, нет, Барков! Скрыпицы не возьму.
Я стану петь, что в голову придется.
Пусть как-нибудь стих за стихом польется.

Барков не был для Пушкина тем, чем Шаплен был для Вольтера, и выдвижение Баркова не имеет ценности в сравнительно-литературном аспекте. Но отказ от Баркова в «Монахе» не единичен, не нов. В «Городке», написанном в 1814 году, Пушкин категорически отвергает возможность подражания Баркову: перебирая авторов, запретные произведения которых наполнили потаенную сафьяновую тетрадь, Пушкин останавливается на Баркове (в этих стихах Свистов обозначает Баркова):

Но назову ль детину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнил лишь собой?
О ты, высот Парнасса
Боярин небольшой,
Но пылкого Пегаса
Наездник удалой!
Намаранные оды,
Убранство чердаков,
Гласят из рода в роды:
Велик, велик... Свистов!
Твой дар ценить умею,
Хоть, право, не знаток;
Но здесь тебе не смею
Хвалы сплетать венок:
Свистовским должно слогом
Свистова воспевать...
Но убирайся с богом!
Как ты, в том клясться рад,
Не стану я писать.

Пушкин и Барков — тема, еще не поставленная в литературе. Речь идет, понятно, не о Баркове — Академии наук переводчике, а о Баркове — отце барковщины, авторе порнографической стихотворной литературы, до сих пор не дождавшейся печати. Историки литературы брезгливо обходили этот род литературы, а в известной мере он заслуживает внимания, как весьма влиятельный, ибо уж очень большим распространением пользовался. Кажется, только один С. А. Венгеров пробовал разобраться в барковщине, но сквернословие, которым, действительно, уснащены произведения Баркова, раздавило исследователя. «Подавляющее большинство из того, что им написано в нецензурном роде, состоит из самого грубого кабацкого сквернословия, где вся соль заключается

[1]) Вильон вряд ли был известен Пушкину, но помянут, очевидно, ради рифмы: Аполлон — Вильон.

в том, что всякая вещь называется по имени. Барков с первых слов выпаливает весь немногочисленный арсенал неприличных выражений и, конечно, дальше ему уже остается только повторяться. Для незнакомых с грязною музою Баркова следует прибавить, что в стихах его, лишенных всякого оттенка грации и шаловливости, нет также того почти патологического элемента, который составляет сущность произведений знаменитого маркиза де-Сад... В Европе есть порнографы в десять раз более его безнравственные и вредные, но такого сквернослова нет ни одного» [1]). Но, кроме сквернословия, следовало бы отметить в Баркове простонародный юмор, реалистическую манеру и крепкий язык. В той борьбе, которая шла в литературе против высокого штиля, Баркову тоже надо отвести маленькое место. Пушкин не стал учеником Баркова: помимо его собственного отказа от подражаний Баркову, можно сослаться и на то, что барковщины, как сквернословной струи, вообще в произведениях Пушкина нет. От крепкого словца, которое встречается у Пушкина, нельзя восходить к термину барковщины. Кажется, в лицейской жизни Пушкина был период барковского уклона. Недаром лицеисты в одной «национальной» песне пели про Пушкина:

А наш Француз
Свой хвалит вкус
И матерщину порет...

Можно было бы с барковским периодом лицея связать «Тень Баркова», балладу, свидетельство о которой, исходящее от Гаевского, мы привели выше. К сожалению, мы не знаем полного текста «Тени Баркова». Гаевский привел только отрывки, а списки, которые были известны и ему и П. А. Ефремову, до нас не дошли, по крайней мере, не найдены мной в ленинградских рукописных хранилищах. Но любопытно, что и тут автор заставляет Баркова призывать к подражаниям ему, Баркову, и предлагать свою скрыпицу, свой смычок:

... изо всех певцов
никто так.....
Хвалы мне их не нужны.
Лишь от тебя услуги жду —
Пиши в часы досужны!
Возьми задорный мой гудок,
Играй, как ни попало!
Вот звонки струны, вот смычок,
Ума в тебе не мало.
Не пой лишь так, как пел Бобров,
Ни Шаликова тоном,
Шихматов, Палицын, Хвостов
Прокляты Аполлоном.
И что за нужда подражать
Бессмысленным поэтам?
Последуй ты . . . . . .
Моим благим советам!
И будешь из певцов певец,
Клянусь . . . . . !
Ни чорт, ни девка, ни чернец
Не вздремлют над тобою!

[1]) С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПБ. 1891, т. II, стр. 152—153.

Впрочем, герой баллады «Тень Баркова» — поп; ирония в том, что именно попу Барков предлагает петь барковским слогом [1]).

«Монаха» Гаевский, на основании отзывов товарищей, назвал поэмой, сочиненной в подражание Баркову, но и свидетельство самого Пушкина и поверхностное даже знакомство с «Монахом» не позволяют нам принять этой неверной характеристики. Отметим, что и в области откровенно порнографической литературы Пушкин предпочитал французские образцы и высоко ставил выдающегося представителя этой литературы Алексиса Пирона. «Пирон, — по словам Пушкина, — хорош только в таких стихах, о которых невозможно намекнуть, не оскорбляя благопристойность». Пирон в известном смысле стоит Баркова.

Но, отвергнув решительно Баркова, Пушкин остался при Вольтере и «Девственнице» [2]). Быть может, выпады против монахов и попов подсказаны борьбой Вольтера с церковью и ее служителями. Правда, выступление против монашества не ставилось главной задачей «Монаха»:

... Лира! стой! Далеко занесло
Уже меня противу рясок рвение;
Бесить попов не наше ремесло [3]).

---

[1]) Любопытна судьба «Тени Баркова» в пушкинской литературе. Статья Гаевского с отрывками баллады появилась в 1863 году. Ближайшее издание сочинений Пушкина вышло в 1870 году. Редактор его Г. Н. Геннади напечатал отрывки в примечаниях к первому тому. Вслед за этим изданием вышло в 1880 году издание, редактированное П. А. Ефремовым (первое, им редактированное). Здесь Ефремов ввел «Тень Баркова» в текст под 1814 годом (т. I, стр. 55—57), но в следующем, втором своем издании, вышедшем в 1882 году, он исключил «Тень Баркова». Мотивы исключения изложены им дважды: в 1903 году в статье «Мнимый Пушкин» («Новое Время» 1903 г., 2 августа, № 9845) и несколько иначе в примечаниях к пятому, им редактированному и изданному Сувориным, А. С., изданию сочинений Пушкина (т. VIII, СПБ. 1905, стр. 18). Ефремов передает, что, когда он сообщил Гаевскому о принадлежности «Тени Баркова» другому автору, не Пушкину, Гаевский сам уже «встретил его отказом от своего прежнего предположения». Тут же Ефремов добавляет: «Кто же, однако, наговорил таких подробностей, какие были приведены им при напечатании отрывков «Тени Баркова»?» Очевидно, у Ефремова оставалась какая-то доза сомнения в отрицании авторства Пушкина. А Гаевский в своем экземпляре статьи «Пушкин в лицее», переплетенном с приложенными страницами и находящемся ныне в моем распоряжении, записал: «По удостоверению П. А. Ефремова, «Тень Баркова» — не Пушкина». Таким образом, он только констатировал мнение Ефремова, но не высказал своего отношения к нему. Опубликование «Монаха» дает повод к постановке и разработке вопроса об авторе «Тени Баркова».

[2]) Данные о влиянии «Девственницы» на творчество Пушкина собраны в статье С. Мочульского (предисловие к русскому переводу «Орлеанской девственницы». Изд-во «Всемирная Литература». 1924, т. I, стр. XXXVIII—XLII).

[3]) Уместно напомнить здесь и стихи из «Городка», писанного в 1814 году:

Но, боже, виноват!
Я каюсь пред тобою;
Служителей твоих,
Попов я городских
Боюсь, боюсь беседы,
И свадебны обеды
Затем лишь не терплю,
Что сельских иереев,
Как папа — иудеев,
Я вовсе не люблю . . .

Приемы построения поэмы подсказаны «Девственницей» — деление на песни с подзаголовками, дающими содержание, отступления от основной темы в сторону лирических излияний, полемические выпады, авторские признания и размышления, иронический тон. Но за всем тем подросток-автор стремится к известной самостоятельности, т о л ь к о подражателем он себя не хотел бы считать. Он выбирает свой сюжет, черпает подробности из окружающей его действительности, сражается с отсталыми и бездарными представителями российской словесности...

IV.

Откуда Пушкин взял сюжет «Монаха»? П. Садиков и А. Суздалев, изучавшие рукопись, сделали любопытное наблюдение: «Происхождение сюжета «Монаха» вскрывается легко: это обработка сказания, взятого из р у с с к о й житийной литературы, именно, из жития архиепископа Новгородского Иоанна» [1]). Вот краткое содержание этой части жития. Беру его из пролога. Архиепископ Иоанн отличался благочестивой жизнью. Дьявол хотел его попугать, но был им побежден. Начал дьявол трепетать в рукомойнике, святой же закрестил умывальницу крестом. Дьявол человеческим голосом запросил отпустить его: сила креста палила его, и он не мог дольше терпеть. И приказал святой дьяволу отнести его в Иерусалим. Верхом на бесе святой съездил в Иерусалим, поклонился гробу Христову и в ту же ночь вернулся и освободил беса от запрета. Бес наказал святому молчать о ночном путешествии, но Иоанн не посчитался с наказом беса, рассказал кое-кому об этом. Дьявол решил отомстить святому и обличить его в блуде. Приходили многие из первых лиц города к Иоанну за благословением, и вот дьявол много раз показывал посетителям то сапоги женские, то мониста и многое другое. Посетители сильно смущались. А раз дьявол преобразился в деву, пошел впереди посетителей, а затем забежал за келью святого и стал невидим. Новгородцы пришли в негодование и пустили плот со святым вниз по Волхову. А плот чудом божиим пошел вверх по реке, и новгородцы поняли, что святой стал жертвой бесовского искушения [2]).

Совпадения очевидны: и в житии, и в поэме Пушкина предметами искушения являются части женской одежды, и там, и там способ поимки беса схож — освященной водой, и, наконец — это главное — и Иоанн, и Панкратий, герой поэмы, совершают путешествие в Иерусалим на бесе. Но, осторожности ради, нельзя пока поддерживать утверждение о заимствовании Пушкиным сюжета непосредственно из жития Иоанна. Правда, житие, написанное в самом конце XV века, получило широкое распространение; но не меньшее — имели многочисленные народные легенды, которые признаются производными этого жития. Стоит упомянуть хотя бы о легенде «Поездка в Иерусалим», напечатанной в известном сборнике А. Н. Афанасьева. Но дело в том, что неизвестный автор, создававший «Житие Иоанна», сам в свое время смущался чрезмерной его легендарностью, сам «неверием одержим был» [3]), ибо мотив путешествия на чорте был тоже весьма распространен, и еще подлежит выяснению, из какого источника заимствовал его автор «жития». Поэтому впредь до детального расследования можно оставить открытым вопрос об источнике, который непосредственно послужил Пушкину для «Монаха».

[1]) Это указание сделано в работе П. Садикова и А. Суздалева о «Монахе», рукопись которой находится в ред.-изд. отделе Центрархива.

[2]) Пролог, под 7 сентября. По изданию Синодальной типографии.

[3]) В. О. Ключевский. Древне-русские жития, как исторический источник. М. 1871, стр. 162—163.

V.

Помимо сюжета, в «Монахе» имеются и еще кое-какие руссизмы. Монастырь, в котором спасался монах, находится под Москвой — «не в далеке от тех прекрасных мест, где дерзостный восстал Иван Великий, на голове златой носящий крест»; монах молится «Николы пред иконой»; юбка сравнивается с белым снегом, напавшим на каменистый брег Москвы-реки. Потом подробности царскосельские — Мария Антоновна Нарышкина, князь Д. П. Горчаков, поэт-сатирик, великосветские утехи, описанные в 3-ьей песне «Монаха». (В 1815 году Пушкин собирался написать «Картину Царского Села» и там описать «жителей Царского Села»). Наконец, и в «Монахе» Пушкин не обошелся без Боброва; чтением его стихов бес усыпил монаха. Насмешливо помянут и Шаховской: в доме у него «потеют».

Особое место в ряду источников «Монаха» занимают картины. Ни в каком другом произведении Пушкин не упоминает сразу столько имен живописцев — Рафаэль, Корреджио, Тициан, Альбани, Верне, Пуссен, Рубенс. Во второй песне — сновидение монаха, в третьей — воображаемый пейзаж, несомненно, списаны с картин, которые были перед глазами молодого Пушкина. Специалистам следовало бы остановиться на изучении этого источника творчества Пушкина (не только в «Монахе»). О совпадении настроенности поэта и живописца можно судить по пейзажу, нарисованному Пушкиным:

Иль краски б взял Вернета иль Пуссина;
Волной реки струилась бы холстина,
На небосклон палящих, южных стран
Возведши ночь с задумчивой луною,
Представил бы над серою скалою
Вкруг коей бьет шумящий океан
Высокие, покрыты мохом стены;
И там в волнах, где дышет ветерок,
На серебре вкруг скал блестящей пены
Зефирами колеблемый челнок
Нарисовал бы в нем я Кантемиру,
Ее красы...

И не входя в детальные расследования, можно сказать, что пейзаж, описанный Пушкиным, похож на пейзаж именно Верне, а не Пуссена. Пуссен помянут Пушкиным едва ли не для рифмы!

Мы уже приводили выше стихи, в которых Пушкин изображает, как он нарисовал бы портрет Натальи:

Грудиться б стал я жаркой головою,
Как Цициан иль пламенный Албан:
Представил бы все прелести Натальи,
На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венок душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвой Тальи,
Стан охватил Киприды б пояс злат...

Вспоминается обращение Пушкина в 1815 году «К живописцу»:

Вкруг тонкого Гебеи стана
Венерин пояс повяжи;

Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи.
Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь.

Не следует отрицать литературных влияний в послании «К живописцу», но чувствуется и реальный источник портретов, нарисованных Пушкиным: — портрет живописный. Повторяем, специальные расследования на тему о влиянии произведений живописи необходимы.

VI.

Поэма «Монах», три песни ее, по крайней мере, нам теперь известны. Позволительно поставить вопрос: 1) такая ли это плохая и такая ли это скабрезная поэма? и 2) имело ли хоть какую-нибудь реальную почву эстетическое и моральное возмущение князя Горчакова? На первый вопрос можно ответить только категорическим отрицанием: в ряду других лицейских произведений поэма займет не последнее место по формальным достижениям — надо не забывать, что она принадлежит перу 13—14-летнего мальчика. А если говорить о скабрезности, то здесь ее меньше, чем во многих других известных нам произведениях Пушкина этого периода. Ясен по этим же соображениям ответ и на второй вопрос. Когда семидесятидвухлетний Горчаков облыжно заявил, что он уничтожил «Монаха» и устранил темное пятно на творчестве Пушкина, он, конечно, имел в виду сказать, что он сделал это давно, сейчас же по создании поэмы, в лета далекой, розовой юности. Но если старику-канцлеру, может быть, и было к лицу прюдничество и лицемерное ханжество, то 15—16-летний лицеист вовсе не чужд был лицейскому эротизму, который таким ключом бил в Пушкине. Можно думать, что именно эротические увлечения объединяли этих, в сущности, чужих друг другу людей — Пушкина и Горчакова [1]). В архиве Горчакова оказались нарядные автографы и «Монаха», и «Послания к Наталье», и стихотворения «К молодой вдове». Горчаков был миловиден в своей юности, по словам Пущина; ему была дана нежная краса, по словам Пушкина. Пушкин советовал Горчакову:

Они прошли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора!
Спеши любить — и, счастливый вчера,
Сегодня вновь будь счастлив осторожно;
Амур велит, — и завтра, если можно,
Вновь миртами красавицу венчай...

И даже кончина Горчакова рисовалась Пушкину в освещении эротическом. Он желал ему, чтоб в страстном упоении и с томной сладостью в очах

Из рук младого Купидона
Вступая в мрачный чели Харона,
Уснул... Ершовой на грудях.

Пушкин точно предсказал сердечную жизнь Горчакова. Женолюбие его отмечают многие его современники. «Прекрасный пол у князя Горчакова играл вообще большую роль» — вспоминал барон А. Е. Врангель. «Прозорливый взгляд Горчакова привык

[1]) Об отношениях Пушкина и Горчакова см. мою статью в издании «Сочинений Пушкина», редакция С. А. Венгерова, т. I, стр. 230 и след.

угадывать женскую прелесть и все ее значение» — писал князь Вяземский. Если бы перед нами и не лежали три песни «Монаха», все-таки мы не могли бы, не должны бы поверить тому, что юноша-лицеист с такими замашками мог уничтожить «Монаха» за эротизм. Нет, Горчаков хранил и с о х р а н и л не совсем нравственные стихотворения своего лицейского товарища и в старости лет лелеял свои лицейские воспоминания, декламируя послание с упоминанием о грудях Ершовой.

Вот тут Пушкин ошибся — с пожеланием о роде смерти, приличествующем «ветренному любовнику и другу измены». Он умер на 84-м году жизни, через 46 лет после смерти Пушкина. Он оказался тем последним из круга лицеистов первого выпуска, пережившим всех своих товарищей, о котором Пушкин в 1825 году писал:

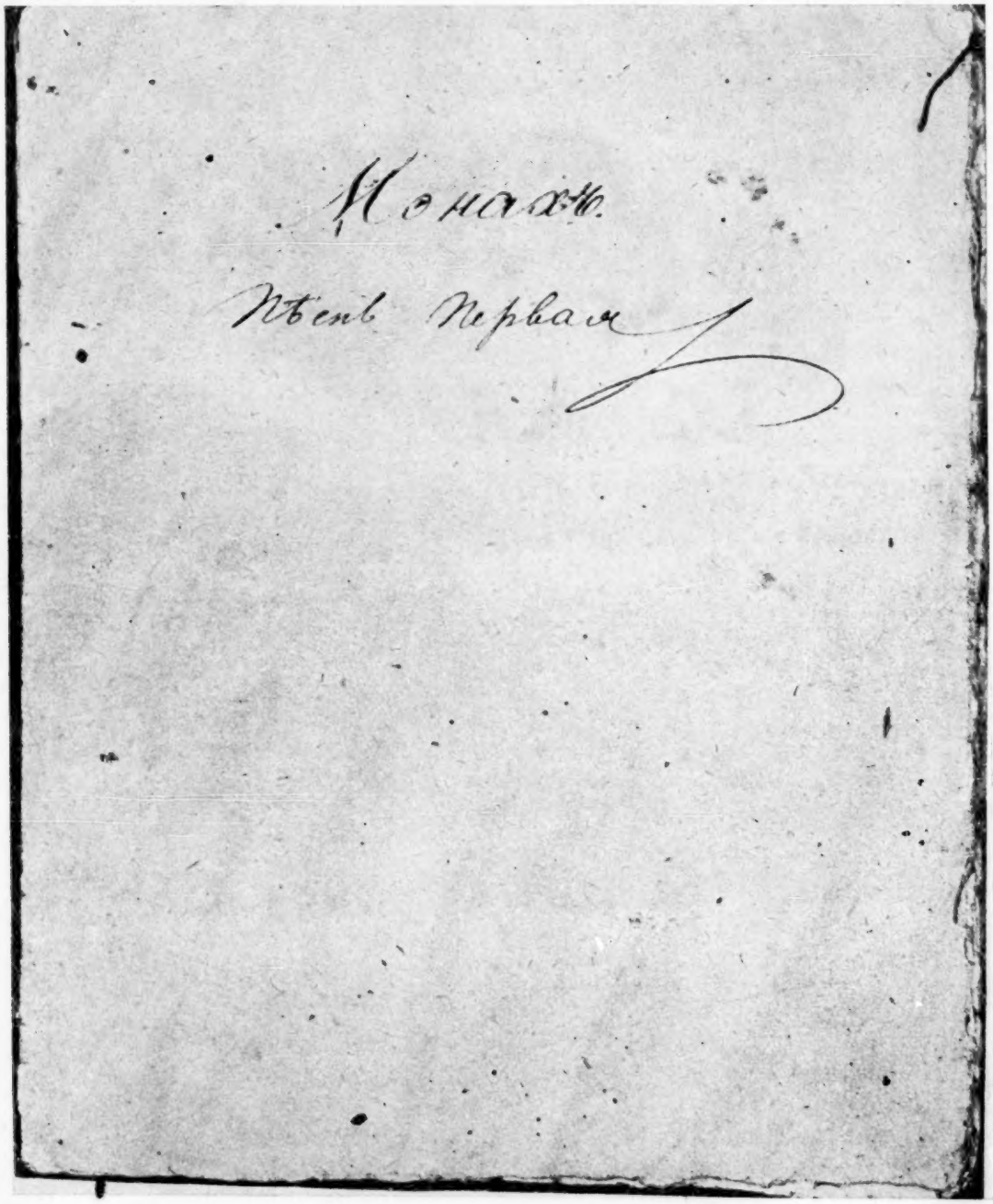
Кому из нас под старость день лицея
Торжествовать придется одному?
Несчастный друг! Средь новых поколений
Докучный гость, и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...

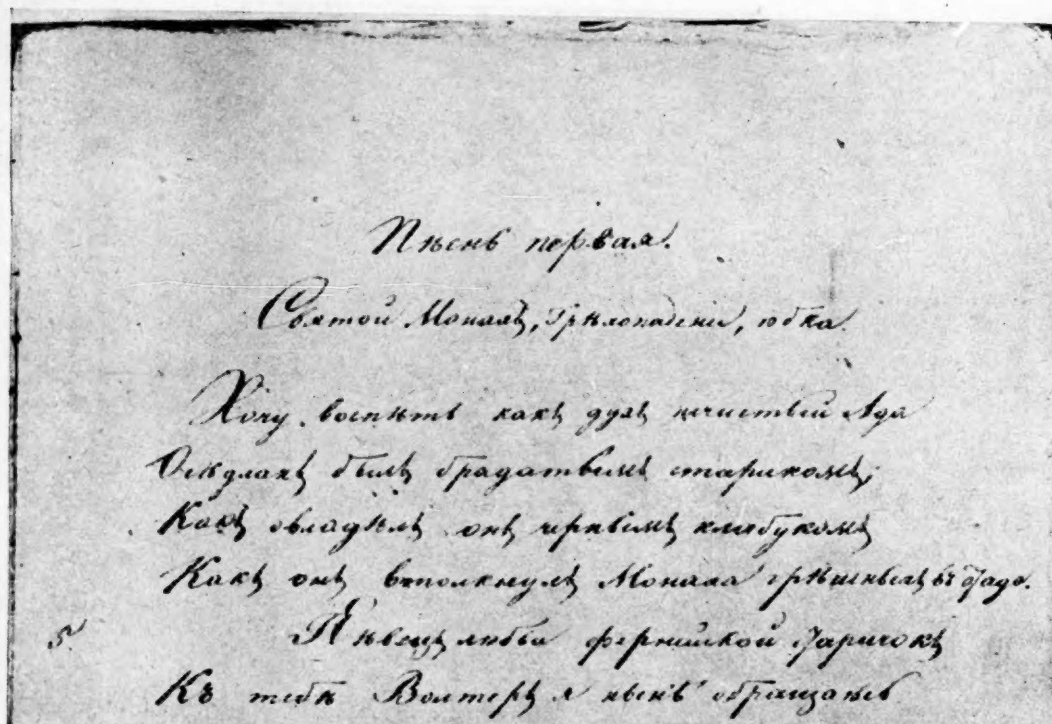
... Вспоминал, но без особой скорби, ибо был самодоволен; пусть, наполненный самомнением, хвастался своим влиянием на Пушкина. Можно простить смешное и наивное хвастовство за то, что не уничтожил «дурной и скабрезной» поэмы.

П. Щеголев.

В настоящем томе «Красного Архива» публикуется «Песнь первая» поэмы А. С. Пушкина «Монах». «Песни» вторая и третья будут напечатаны в следующем томе нашего журнала.

Редакция.


Монахъ.
Актъ Первый



Пѣснь первая.

Святой Монахъ, грѣхопаденье, юбка.

Хочу воспѣть какъ духъ нечистый Ада
Осѣдланъ былъ брадатымъ старикомъ;
Какъ овладѣлъ онъ чернымъ клобукомъ,
Какъ онъ втолкнулъ Монаха грѣшныхъ въ стадо.
Пѣвецъ любви фернейской старичокъ,
Къ тебѣ Вольтеръ я нынѣ обращаюсь.
Куда скажи дѣвался твой смычокъ,
Которымъ я въ Жанъ д'Аркъ восхищаюсь,
~~Скажи~~ Гдѣ кисть твоя, скажи, ужели вѣкъ
Ея ни одинъ не найдетъ человѣкъ?
Вольтеръ! Султанъ французскаго Парнаса
Я не хочу сѣдлать коня Пегаса
Я не хочу изъ музъ надѣлать дамъ
Но дай лишь мнѣ твою златую лиру
Я буду съ ней вездѣ извѣстенъ миру.
Ты хмуришься и говоришь: не дамъ.

А ты поэтъ, проклятый Аполлономъ,
Испачкавшій простенки кабаковъ,
Подъ Геликонъ упавшій въ грязь съ Вильономъ,
Не можешь-ли ты мнѣ помочь, Барковъ?
Съ усмѣшкой дашь ты мнѣ скрыпицу,
Сулишь вино, и музу пол-дѣвицу
„Послѣдуй лишь примѣру моему.“
Нѣтъ, нѣтъ, Барковъ! скрыпицы не возьму,
Я стану пѣть что въ голову придется
Пусть какъ нибудь стихъ за стихомъ польется.

Не вдалекѣ отъ тѣхъ прекрасныхъ мѣстъ,
Гдѣ дерзостный востал Иванъ-великой
На головѣ златой носящій крестъ,
Въ глуши лѣсовъ въ пустынѣ мрачной, дикой
Былъ монастырь въ глуши его стѣнахъ
Подъ старость лѣтъ одинъ святой Монахъ
Святымъ житьемъ, молитвами спасался
И дней къ концу спокойно приближался.
Нашъ труженикъ не слишкомъ былъ богатъ

За пышность онъ не могъ попасться въ адъ.
Имѣлъ кота имѣлъ псалтырь и чотки
Клобукъ, стихарь, да штофъ зеленой водки.
Вошедши въ домъ гдѣ мирно жилъ монахъ
Не золота увидели-бъ вы горы
Не мраморъ тамъ привлекъ-бы ваши взоры
Тамъ не висѣлъ Рафаэль на стѣнахъ.
Увидели-бъ вы стулъ объ трехъ ногахъ
Да въ уголку скамейка въ пол-аршина
На коей спалъ и завтракалъ Монахъ
Тамъ пуховикъ надъ лавкой не вздувался
Хоть монахъ онъ въ пухъ не валялся
Межъ двухъ простынь на мягкихъ тюфякахъ.
Весь круглой годъ святой Отецъ постился
Весь божій день онъ въ кельи проводилъ
Помилуй мя въ полголоса читалъ
Лишь ночью спалъ и всякій часъ молился.

А ты Монахъ мятежный езуитъ!
Краснѣй теперь коль ты краснѣть умѣешь
Коль совѣсти хоть капельку имѣешь;

Кракова и ты богатый Кармелитъ
И ты твердынь Печерской Лавры житель
Сердецъ и душъ смиренной повелитель...
Но, лира! стой! — Далеко зашла
Ужъ мнѣ противу разныхъ рвѣній;
Бранить поповъ не наше ремесло.
Панкратій жилъ щастливъ въ уединеніи
Надѣялся увидѣть вскорѣ рай
Но ни одинъ земли безвѣстной край
Защитить насъ отъ Дьявола не можетъ —
И въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ черной Сатана
Подъ стражею, отъ злости когти гложетъ
Узнали вдругъ что разгорожена
Къ монастырямъ свободная дорога
И вдругъ толпой всѣ черти поднялись
По воздуху на крыльяхъ понеслись
Иной въ Парижъ къ [illegible] Капуцинамъ
Съ копѣйками, а червонцами полезъ
Тотъ въ Ватиканъ къ брюхатымъ Шаман-цамъ
Бургонскаго и макаронъ несъ;

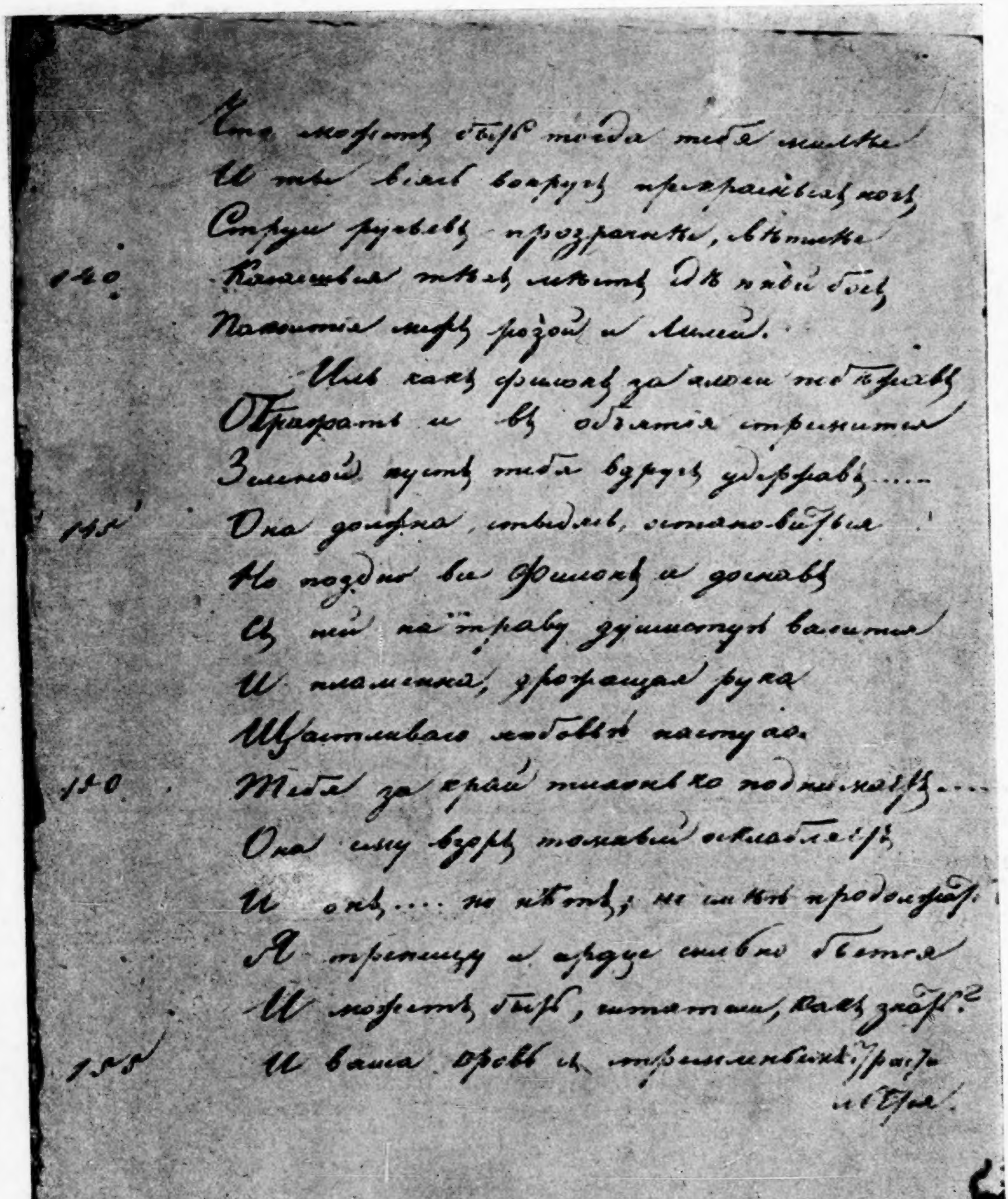
Тотъ дѣвкою съ прiятствомъ повалился
Тотъ молодцомъ къ монашенкамъ пустился.
И видѣлъ я, что будто старый попъ
Одной ногой уже вступившiй въ гробъ
Двухъ молодицъ вѣнчалъ предъ налоемъ
Чортъ прибѣжалъ Амуровъ съ цѣлымъ роемъ
И вдругъ Дьячокъ на крылосѣ вздремалъ
Попъ замолчалъ – на дѣвицу глядѣлъ
А дѣвица на Дьякона глядѣла
У милаго кровь шибко закипѣла
А бѣсъ велѣлъ имъ къ небу – же въ адъ повелъ.

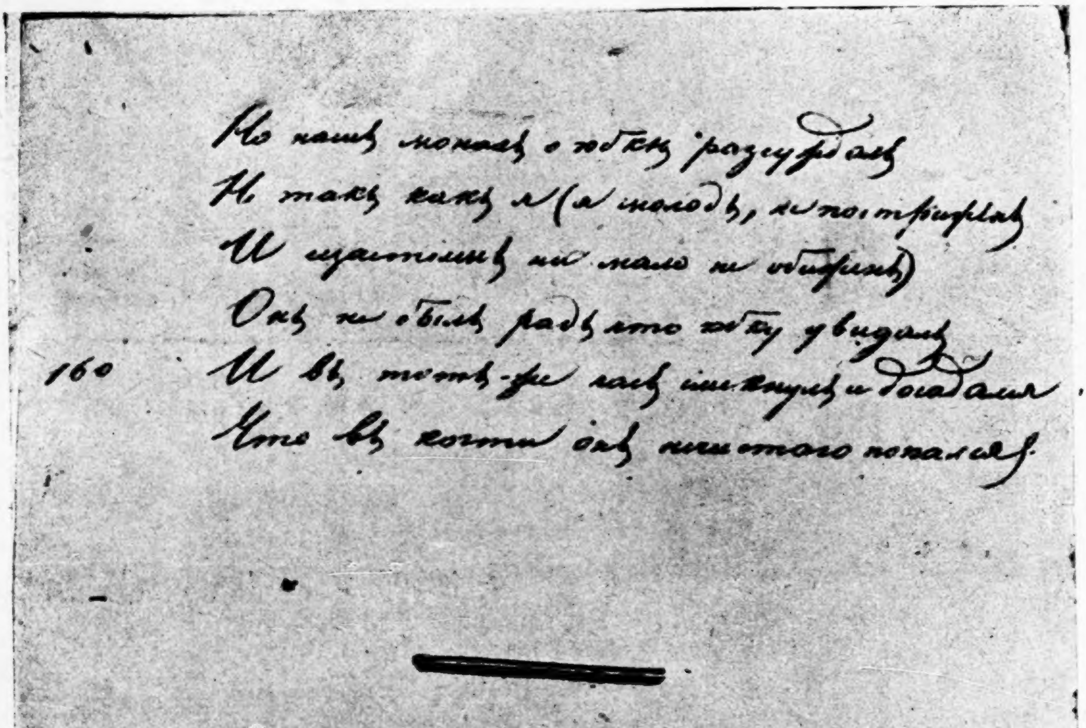
Ужъ тихая ночь на небо всходила
Ужъ въ городахъ утихъ вседневный шумъ
Луна въ окно Монаха освѣтила.–
Въ молитвенникъ весь углубивши умъ
Панкратiй нашъ Николы предъ Иконой
Со вздохами земные клалъ поклоны.–
Пришолъ Молокъ (такъ дiавола зовутъ)
Панкратiя подъ черной рясой скрылся.
Святой Монахъ молился ужъ молился.
Вздыхалъ, вздыхалъ, а Дiаволъ тутъ какъ тутъ.

Бьетъ часъ, Молокъ не хочетъ отступиться
Бьетъ два, бьетъ три нечистый все сидитъ
Ужъ будешь мой онъ самъ съ собой ворчитъ
А нашъ старикъ ужъ началъ крепиться
На лавку сѣлъ, потеръ глаза, зѣвнулъ
Съ молитвой три раза протянулся
Зѣвнулъ опять, и... чуть чуть не заснулъ
Однакожъ нѣтъ! Панкратий вдругъ проснулся
И снова бѣсъ Монаха соблазнять
Чтобъ усыпить Боброва сталъ читать
Монахъ скучалъ, монахъ тому дивился
Вѣкъ не зѣвалъ какъ Богу онъ молился
Но — нѣтъ ужъ силъ, увы, Псалтирь слова
Онъ позабылъ, упала голова
Какъ яблоко по груди покатилась
Со лбу рука въ колѣни опустилась
Молитвенникъ, упалъ изъ рукъ подъ столъ
Святой вздремалъ, всхрапѣлъ, какъ жирный волъ

Несчастный! спи... Панкратий вдругъ проснулся
Въ задъ и впередъ со страхомъ оглянулся

Прекратился съ постели онъ встаетъ -
Глядитъ вокругъ — свѣтильня не нагорѣла;
Чуть слабый свѣтъ вокругъ себя лiетъ;
Что то въ углу какъ будто забѣлѣло
Монахъ идетъ что-жъ юбку видитъ онъ
„Что вижу я!..„ ужь ето только сонъ
Вскричалъ монахъ остолбенѣвъ блѣднѣя
„Какъ! ето что?...„ и продолжать нѣмѣя
Какъ вкопанный предъ бѣлой юбкой сталъ
Молчалъ, краснѣлъ, щупалъ, трепеталъ.
Огонь любви единственна отрада
Любовникам щастливая награда,
И прелестей единственный покровъ,
О юбка! рѣчь къ тебѣ я обращаю
Строки сiи тебѣ я посвящаю
Одушеви перо мое, любовь!
Люблю тебя о юбка дорогая
Когда меня подъ вечеръ ожидая
Наташинька снявъ парчевый сарафанъ
Тобой лишь окружитъ тонкiй станъ


Что можетъ быть тогда тебѣ милѣе
И ты вьясь вокругъ прекрасныхъ ногъ,
Струи ручьевъ прозрачныхъ, вѣтки
Качающiя твой листокъ Дикой богъ
Покрытiя миртъ розой и лилей.
Иль какъ Филонъ за Хлои побѣжавъ
Обнимать и въ объятiя стремиться
Зеленой кустъ тебя вдругъ удержавъ....
Она дрожа, отведя, остановившись
Но поздно въ Филонъ и догнавъ
Съ ней на траву душистую валится
И пламенна, дрожащая рука
Щастливаго любовью пастуха
Тебя за край тихонько поднимаетъ....
Она ему взоръ томный осклабляетъ,
И онъ.... но нѣтъ; не смѣю продолжать.
Я трепещу и сердце сильно бьется
И можетъ быть, читатели, васъ знобъ?
И ваша кровь и стремленьемъ разольется
и проч.



Но нашъ монахъ о юбкѣ разсуждалъ
Не такъ какъ я (я молодъ, не постриженъ
И щастiемъ не мало не обиженъ)
Онъ не былъ радъ что юбку увидалъ
И въ тотъ-же часъ смекнулъ и догадался
Что въ когти онъ нечистаго попался.

Монахъ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Святой Монахъ, Грѣхопаденіе, юбка.

Хочу воспѣть какъ духъ нечистый Ада
Осѣдланъ былъ брадатымъ старикомъ;
Какъ овладѣлъ онъ черным клабукомъ
Какъ онъ втолкнулъ Монаха грѣшныхъ въ стадо.
Пѣвецъ любви фернейской старичокъ
Къ тебѣ Волтеръ я нынѣ обращаюсь
Куда скажи дѣвался твой смычокъ
Которымъ я въ Жанъ д'Аркѣ восхищаюсь
Гдѣ [1]) кисть твоя, скажи, ужели ввѣкъ
Ихъ ни одинъ не найдетъ человѣкъ?
Волтеръ! Султанъ французкаго Парнасса
Я не хочу сѣдлать коня Пегаса
Я не хочу изъ музъ надѣлать дамъ
Но дай лишь мнѣ твою златую лиру
Я буду съ ней всему извѣстенъ миру,
Ты хмуришься и говоришь: не дамъ.
А ты поэтъ, проклятый Аполлономъ
Изпачкавшій простенки кабаковъ
Подъ Геликонъ упавшій въ грязь съ Вильономъ
Не можешь-ли ты мнѣ помочь Барковъ?
Съ усмѣшкою даешь ты мнѣ скрыпицу
Сулишь вино, и музу пол-дѣвицу
«Послѣдуй лишь примѣру моему». —
Нѣтъ, нѣтъ, Барковъ! скрыпицы не возьму
Я стану пѣть что въ голову придется
Пусть какъ нибудь стихъ за стихомъ польется.

---

[1]) Первоначально: „Скажи“.

Не въ далекѣ отъ тѣхъ прекрасныхъ мѣстъ
Гдѣ дерзостный восталъ Иванъ-великой
На головѣ златой носящій крестъ
Въ глуши лѣсовъ въ пустынѣ мрачной, дикой
Былъ монастырь въ глухихъ его стѣнахъ
Подъ старость лѣтъ одинъ сѣдой Монахъ
Святымъ житьемъ, молитвами спасался
И дней къ концу спокойно приближался.
Нашъ труженикъ неслишкомъ былъ богатъ
За пышность онъ не могъ попасться въ адъ
Имѣлъ кота имѣлъ псалтирь и чотки
Клабукъ, стихарь, да штофъ зеленой водки.
Взошедши въ домъ гдѣ мирно жилъ монахъ
Не золота увидели-бъ вы горы
Не мраморъ тамъ прельстилъ-бы ваши взоры
Тамъ не висѣлъ Рафаель на стѣнахъ.
Увиди-либъ вы стулъ объ трехъ ногахъ
Да въ уголку скамѣйка въ пол-аршина
На коей спадъ и завтракалъ Монахъ
Тамъ пуховикъ надъ лавкой не вздувался
Хотя монахъ онъ въ пухѣ не валялся
Межъ двухъ простынь на мягкихъ тюфякахъ.
Весь круглой годъ святой Отецъ постился
Весь божій день онъ въ кельи провождалъ
Помилуй мя въ полголоса читалъ
Ѣлъ плотно спалъ и всякой [1]) часъ молился.
А ты Монахъ мятежный езуитъ!
Краснѣй теперь коль ты краснѣть умѣешь
Коль совѣсти хоть капельку имѣешь;
Краснѣй и ты богатый Кармелитъ
И ты стыдись Печерской Лавры житель
Сердецъ и душъ смиренной повелитель....
Но, лира! стой! — Далёко занесло
Уже меня противу рясокъ рвеніе;
Бѣсить поповъ не наше ремесло.
Панкратій жилъ щастливъ въ уединеніи
Надѣялся увидѣть вскорѣ рай
Но ни одинъ земли безвѣстной край

[1]) Первоначально: „цѣлой".

Защитить насъ отъ Дьявола не можетъ. —
И въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ черной Сатана
Подъ стражею, отъ злости когти гложетъ
Узнали вдругъ что разгорожена
Къ монастырямъ свободная дорога
И вдругъ талпой всѣ черти поднялись
По воздуху на крыльяхъ понеслись
Иной въ Парижъ къ плѣшивымъ Картезіанцамъ [1])
Съ копѣйками, съ червонцами полезъ
Тотъ въ Ватиканъ къ брюхатамъ Италіанцамъ
Бургонскаго и макарони несъ;
Тотъ дѣвкою съ прелатомъ повалился
Тотъ молодцомъ къ монашенкамъ пустился.
И слышалъ я, что будто старый попъ
Одной нагой уже вступившій въ гробъ
Двухъ молодыхъ вѣнчалъ передъ налоемъ
Чортъ прибѣжалъ Амуровъ съ цѣломъ роемъ
И вдругъ Діачокъ на крылосѣ взхрапѣлъ
Попъ замолчалъ — на дѣвицу глядѣлъ
А дѣвица на Дьякона глядѣла
У жениха кровь сильно закипѣла
А бѣсъ всѣхъ ихъ къ себѣ-же въ адъ повелъ.
Ужъ темна ночь на небеса всходила
Ужъ въ городахъ утихъ вседневный шумъ
Луна въ окно Монаха освѣтила. —
Въ Молитвенникъ весь устремившій ум
Панкратій нашъ Николы предъ Иконой
Со вздохами земные клалъ поклоны. —
Пришолъ Молокъ (такъ діавала зовутъ)
Панкратія подъ черной ряской скрылся.
Святой Монахъ молился ужъ молился
Вздыхалъ, вздыхалъ, а Діаволъ тутъ какъ тутъ.
Бьетъ часъ Молокъ не хочетъ отцѣпиться
Бьетъ два, бьетъ три нечистый все сидитъ
Ужъ будешь мой онъ самъ съ сабой ворчитъ
А нашъ старикъ ужъ пересталъ креститься
На лавку сѣлъ, потеръ глаза, зѣвнулъ
Съ молитвою три раза протянулся

[1]) Первоначально: „Картезіанам“.

Зѣвнулъ опять, и.... чуть чуть не заснулъ
Однакожъ нѣтъ! панкратій вдругъ проснулся
И снова бѣсъ Монаха соблазнять
Чтобъ усыпить Баброва сталъ читать
Монахъ скучалъ, монахъ тому дивился
Вѣкъ не зѣвалъ какъ Богу онъ молился
Но — нѣтъ ужъ силъ, кресты, Псалтирь слова
Все позабылъ, сѣдая голова
Какъ яблоко по груди покатилась
Со лбу рука въ калѣни опустилась
Малитвенникъ, упалъ изъ рукъ подъ столъ
Святой вздремалъ, всхропѣлъ какъ старый волъ
Нещастный! спи... Панкратій вдругъ проснулся
Въ задъ — и впередъ со страхомъ оглянулся
Перекрестясь съ пастели онъ встаетъ
Глядитъ вокругъ — свѣтильня нагорѣла;
Чуть слабый свѣтъ вокругъ себя льетъ;
Что то въ углу какъ будто забѣлѣло
Монахъ идетъ что-жъ юбку видитъ онъ
«Что вижу я!..» иль это только сонъ
Вскричалъ монахъ остолбеневъ блѣдиѣя
«Какъ! это что?...» и продолжать не смѣя
Какъ вкопаный предъ бѣлой юбкой сталъ
Молчалъ, краснѣлъ, смущался, трепеталъ.
Огню любви единственна преграда,
Любовника сладчайшая награда,
И прелестей единственный покровъ,
О юбка! рѣчь къ тебѣ я обращаю
Строки сіи тебѣ я посьѣщаю,
Одушеви перо мое, любовь!
Люблю тебя о юбка дорогая
Когда меня подъ вечеръ ожидая
Наталья снявъ парчовый сарафанъ
Табою лишь окружитъ тонкій станъ
Что можетъ быть тогда тебя милѣе
И ты віясь вокругъ прекрасныхъ ногъ
Струи ручьевъ прозрачнѣе, сьѣтлѣе
Касаешься тѣхъ мѣстъ гдѣ юный богъ
Пакоится межъ розой и лилей.

Иль какъ филонъ за хлоей побѣжавъ
Прижать ее въ объятія стремится
Зеленой кустъ тебя вдругъ удержавъ.... —
Она должна, стыдясь, остановиться
Но поздно все Филонъ ее догнавъ
Съ ней на траву душистую валится
И пламенна, дрожащая рука
Щастливаго любовью пастуха
Тебя за край тихонько поднимаетъ....
Она ему взоръ томный осклабляетъ
И онъ.... но нѣтъ; не смѣю продолжать
Я трепещу и сердце сильно бьется
И можетъ быть, читатели, какъ знать?
И ваша кровь съ стремленьемъ страсти льется.
Но нашъ монахъ о юбкѣ разсуждалъ
Не такъ какъ я (я молодъ, не постриженъ
И щастіемъ ни мало не обиженъ)
Онъ не былъ радъ что юбку увидалъ
И въ тотъ-же часъ смекнулъ и догадался
Что въ когти онъ нечистаго попался.

Из записной книжки архивиста.

Автографы членов Уфимского Совещания.

8—23 сентября 1918 г. в Уфе происходило так наз. «Государственное совещание». В итоге «работ» этого Совещания явилась на свет «Директория» в составе Н. Д. Авксентьева, Н. И. Астрова, В. Г. Болдырева, П. В. Вологодского и Н. В. Чайковского. Директория — «Временное Всероссийское Правительство» — по мнению создателей этого учреждения, должна была являться «единственным носителем верховной власти на всем пространстве государства Российского». Неудивительно, что участники Совещания смотрели на происходившее в Уфе как на событие величайшей исторической важности и на самих себя как на людей, имена которых одним фактом участия в столь необычайном историческом событии должны явиться достоянием истории. Как и подобает историческим фигурам, эсеры из Комуча и др. «демократических» правительств 1918 года поспешили тогда же увековечить себя, оставив на память потомству свои автографы. Этот лист с автографами «уфимцев» находится теперь в Архиве Октябрьской Революции, поглотившем в своих хранилищах немало подобного рода памятников, творцы которых предпочли бы, конечно, менее внимательное и бережное со стороны советской власти обращение с архивными документами.

Что же писали десять лет назад творцы «Всероссийского Правительства», собравшиеся в г. Уфе?

Первая надпись на этом листе с автографами сделана «самим» Н. Д. Авксентьевым — председателем «Всероссийского Правительства»: «Да здравствует свободная независимая Россия! Н. Авксентьев».

Ровно через два месяца Н. Авксентьев, глава правительства «свободной независимой России», сидел в казармах отряда атамана Красильникова и под угрозой штыков красильниковских солдат подписывал той же рукой другой документ — отречение от всякой политической деятельности.

Вслед за Авксентьевым дали свои автографы: ген. Болдырев, Владимир Зензинов, В. Сапожников, А. И. Коробов, Я. Роговский, Нил Фомин (через три месяца после этого ставший жертвой взлелеянной им и его соратниками по Уфимскому Совещанию колчаковской диктатуры), Б. Моисеенко (разделивший участь Н. Фомина), М. Линдберг, В. Утгоф, В. Алексеевский, М. Кроль, Б. Черненков, Егор Лазарев, Брешковская, Л. Ефремов и др.

«Уральские (Яицкие) казаки И. Хорошихин и А. Михеев» выразили пожелание: «Пусть созданная нами власть будет тверда и непреклонна в строительстве России!» Тут же стоят подписи А. Аргунова, В. Архангельского, Н. Здобнова, И. Огановского.

Д. Розенблюм почему-то счел необходимым формально сбросить с себя поношенную и в достаточной мере испакощенную к этому времени социалистическую хламиду: «В настоящее время я прежде всего русский, а потом социалист», — пишет он. За его подписью следует подпись П. Суханова, смиреннейшего думского трудовика,

которого вряд ли кто-либо когда-либо мог подозревать в принадлежности к какой-либо социалистической партии...

Петр Мурашев пишет: «Порабощенная родина не даст счастья демократии, а потому прежде всего — борьба за единую, великую и свободную Россию». Надо было бы прибавить: «неделимую»... тогда было бы полное совпадение эсеров с деникинцами. Это добавление делают квалифицированные ренегаты,— известные еще по 1905 году,— братья Шендриковы: «Прежде всего — единая, нераздельная, великая Россия», — пишут Степан и Илья Шендриковы от имени семиреченских казаков.

Какой-то делегат «земского-городского съезда освобожденной России изобразил с большим пафосом настроения свои и своих сотоварищей по Уфимскому Совещанию: «Древние старухи рассказывают, — пишет он, — что в ночь создания правительства с самой высокой в Уфе горы на западе были видны верхушки башен московского Кремля. Из книги легенд изд. 1958 года». Под этой поистине «легендарной» записью имеется подпись «члена Учредительного Собрания, члена Центрального Комитета партии социалистов-революционеров Н. Иванова.»

Шлиссельбуржец В. Панкратов, которого Романовы довольно крепко, без сантиментальничания, держали в казармах Шлиссельбургской крепости, оказавшийся при Керенском никуда негодным, сантиментально-плаксивым комендантом арестованных Романовых, записал: «Люди должны помнить всегда и всюду две задачи, которые они должны осуществлять в жизни, — это бороться с своими собственными недостатками и с внешними препятствиями, мешающими устроить жизнь для всех по-хорошему. Не может быть социализма среди людей, если они сами плохи, а также не может быть социалистического строя, когда царит тирания или анархия».

«Всякая власть да подчинится верховной воле народа в лице Всероссийского Учредительного Собрания данного созыва», — записал член Учред. Собрания Лавр Ефремов.

Член Учредительного Собрания Ломшаков пишет: «Товарищи. Потерявший голову по волосам не плачет». И подписывает: «Valent. Lomschacov». Очевидно — для конспирации...

«Чтобы добиться освобождения своей родины, нужно забыть и пожертвовать не только своими личными интересами, но и интересами отдельных групп и областей во имя спасения целого. Только таким путем можно совершить великое дело спасения России. П. Маслов».

«Прежде всего — Россия. Прежде всего — государственность. Только в независимой России при могучем государственном аппарате народ сможет устроить счастливую жизнь для себя. Войсковой старшина Е. Березовский».

Кто-то из «уфимцев» почему-то вспомнил Крылова: «Да не забудем слов великого Крылова: «Сколько раз твердили миру, что лесть гнусна, вредна...» Тут же значатся подписи членов ЦК эсеров Д. Ракова и Флор. Федоровского.

Член Учред. Собрания от Рязанской губернии, член ЦК партии эсеров Гендельман процитировал самого себя: «Совершенно неправильно переносить здесь, в согласительной комиссии, вопрос в область какого-то соперничества и бросать упрек, что, тогда как одна сторона идет на уступки, другая стремится ко все большим домогательствам. Здесь не может быть речи о сделках. Мы пришли сюда творить государственное дело, искать общих путей для спасения родины. Если нас обвиняют, что мы требуем больших уступок, то мы ответим, что это — уступки интересам родины, уступки правильным путям ее спасения, и их мы действительно от вас требуем».

Это им было сказано в согласительной комиссии Уфимского Совещания, и это он записал на листе с автографами.

Об «Учредилке» 1917 г. вспомнил председатель Комуча и Уфимского Совещания В. К. Вольский. «Да не забудет признанное Госуд. Совещанием правительство своей ответственности перед Всероссийским Учредительным Собранием созыва 1917 г.! В. Вольский».

А представитель Оренбургского казачества Н. С. Анисимов рядом с напоминанием Вольского записал: «Да будет крепка та власть, которая создана здесь тяжелыми усилиями, пусть у этой власти лозунгом будет «демократическая Россия», а не одна «революция»!»

Известный меньшевик Б. Кибрик записал: «Пусть рожденная в муках падающей революции власть явится новым толчком для народных масс в строительстве свободного государства— единой и независимой России».

«Быть может, мы сделали мало, но сделали все, что могли», — записал Ипп. Войтов.

«Из искры возгорится пламя» — записал В. Гуревич. «Великая Россия разложилась с центра, и вновь она могла создаться только с окраин. Мы вот ее создали», — гласит другая запись.

«Учредительное Собрание откроется 1 января 1919 г. в Москве», — это записано В. Филипповским и подписано членами Учред. Собрания Ф. Чернышевым, И. Алкиным, Павлом Масловым. «Никто не заходит так далеко, как тот, кто не знает, куда он ходит», — следует меланхолическая запись члена Комуча И. Брушвита.

Член Учред. Собрания от Казанской губ. Ив. Васильев привел татарскую пословицу: «Один плюнет — подсохнет; народ плюнет — море рождается».

«Плевки» учредиловцев высохли. Рабоче-крестьянское море смыло и учредиловцев и колчаковцев. Сброшенные в мусорный ящик истории учредиловские мумии с их кудряво-сантиментальной декламацией сейчас, на 11-м году ликвидации «Учредилки», кажутся только смешными.

В церковных кругах перед революцией.

(*Из писем архиепископа Антония волынского к митрополиту киевскому Флавиану.*).

В секретном отделении б. синодского архива (Ленинградский Центр. Истор. Архив) хранятся два объемистых пакета, на которых рукой б. управляющего синодальной канцелярией П. В. Гурьева сделана надпись: «Вскрывать лишь по особому распоряжению г. обер-прокурора».

Уже самый способ хранения этих пакетов, — в особом шкапу, под ключом заведывавшего архивом, в отдельных, наглухо запечатанных конвертах, — показывает, что заключающимся в них бумагам синод придавал чрезвычайно важное значение.

После Февральской революции, снявшей покровы со всевозможных тайн (в том числе и синодских), верхние оболочки этих пакетов были вскрыты и под ними оказались другие конверты, на которых тем же П. В. Гурьевым было написано: «Письма архиепископа Антония волынского к митрополиту киевскому Флавиану».

Письма эти найдены были между бумагами, оставшимися после смерти Флавиана, который тоже признавал их, повидимому, очень ценными, что видно из того, что он тщательно подбирал и сберегал их, в то время как другую переписку, даже с очень видными архиереями и митрополитами, в большинстве случаев уничтожал.

Антоний, в мире Алексей, Храповицкий принадлежит к старинному дворянскому роду. Из предков его особенно известен Александр Васильевич Храповицкий, статс-секретарь Екатерины II, пользовавшийся исключительным доверием императрицы и оставивший любопытнейшие записки об ее времени. Антоний родился 17 марта 1863 года в Новгородской губернии, где у родителей его было довольно крупное имение.

Среднее образование он получил в одной из петербургских гимназий, а затем поступил в Петербургскую духовную академию, которую и окончил в 1885 г. со степенью кандидата богословия.

Тотчас же по окончании курса он постригся в монахи и был оставлен при академии профессорским стипендиатом, а затем определен помощником академического инспектора.

Монашество дало Антонию возможность совершить свою карьеру с головокружительной быстротой.

В 1888 году он представил требуемую законом магистерскую диссертацию и, хотя она признана была профессорами очень слабой, но тем не менее он утвержден был синодом в звании доцента.

В следующем, 1889 году, Антоний назначен был исправляющим должность инспектора академии (пост, который поручался обыкновенно заслуженным профессорам), а к началу 1890 учебного года определен был ректором петербургской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита, что было уже последним этапом на пути к архиерейству.

В том же 1890 году он переведен был на должность ректора Московской духовной академии.

9 августа 1897 г. состоялось «высочайшее повеление» о назначении его епископом чебоксарским.

В 1900 г. он получает самостоятельную кафедру уфимскую, а в 1902 г. назначается на одну из самых видных епархий — волынскую.

1905 год застал Антония на Волыни. Чрез подведомственное ему духовенство и разных «подручных» (вроде небезызвестного архимандрита Виталия, редактора черносотеннейшего издания «Почаевский Листок»), он быстро организовал из всевозможных проходимцев и темных невежественных крестьян целую клику монархистов, носившую название «истинно-русских людей».

К великому удовольствию Николая II, эти «истинно-русские» люди стали засыпать царя и его правительство требованиями об отмене манифеста 17 октября 1905 года и возвращении к «исконным русским началам» — самодержавию, православию и народности.

Такая деятельность Антония была замечена правительством и, при содействии последнего, волынский «владыка» в 1906 г. 22 апреля был избран членом Государственного Совета, а Николай возвел его в сан архиепископа.

Антоний скоро однако понял, что возвращение к дореформенному строю уже невозможно, и 13 января 1907 г. сложил с себя звание члена Государственного Совета.

По инициативе Антония с Волыни посылались буквально тысячи петиций, требовавших отмены манифеста 17 октября 1905 г. [1]). Почаевская Лавра затопляла юго-западную Русь черносотенными изданиями явно погромного характера; для возбуждения «патриотических» чувств среди довольно равнодушного населения Петербурга туда была привезена даже «чудотворная» Почаевская икона и т. п.

Столь усердные труды волынского «владыки» на пользу самодержавия не остались, разумеется, не оцененными, и 6 мая 1912 года он был назначен постоянным членом синода.

В России уже чувствовалось однако приближение войны, которая, по предположениям, должна была начаться прежде всего с Австриею. Тягости военных действий вовсе не улыбались волынскому «архипастырю», и за два месяца до открытия их, 14 мая 1914 г., Антоний поспешил перебраться на Харьковскую кафедру.

Забронировавшись в тылу, Антоний начал энергично помогать Николаю в осуществлении его империалистических замыслов, подогревая в посылаемых на мировую бойню солдатах, «патриотические» чувства, произнося им соответствующие речи, раздавая крестики и иконы, посылая в действующую армию дешевенькие подарки, собранные со своей паствы, и т. д.

К свержению Николая Антоний, как и большинство русских архиереев, отнесся однако довольно равнодушно. Повидимому, он вполне был уверен, что дело ограничится простой заменой Николая Михаилом, и потому устремил все свое внимание, главным образом, на то, чтобы под шумок добиться восстановления московского патриаршества.

Идея эта крепко сидела в голове его, и еще в 1904—1905 г.г. он вместе с некоторыми другими архиереями горячо ратовал за то, что «необходимо

[1]) Одна из таких петиций хранится в б. синодском архиве и содержит в себе 20 томов более чем с 40 000 подписей.

увенчать здание российской церкви достойною главою», подразумевая под последней патриарха.

Николай, вынужденный событиями 1905 г. согласиться и на эту реформу, с началом реакции поспешил однако взять свои обещания обратно и заявил, что сам созовет собор в то время, какое признает подходящим. Но как только он был свергнут, духовенство тотчас же заговорило о восстановлении патриаршества, и Антоний сделался одним из виднейших руководителей этого движения.

Временное Правительство отнеслось к этой затее весьма предупредительно и, при содействии его, в 1917 году в Москве был созван всероссийский поместный собор, который и вынес постановление о восстановлении московского патриаршества.

Антоний, собравший вокруг себя довольно многочисленных сторонников, уже чувствовал на себе патриаршеский белый клобук «с воскрилиями», но, к своему глубокому огорчению, встретил энергичный протест, главным образом, со стороны мирян, выдвинувших на ряду с ним и кандидатуру московского митрополита Тихона Белавина.

Пришлось решать вопрос жеребьевкой, и счастье выпало на долю Тихона.

Раздосадованный неудачей Антоний, возведенный в это время в сан митрополита киевского, как только началась Октябрьская революция, и немцы двинулись на Украйну, поспешил скрыться на Афон, где и стал открыто во главе контрреволюционного движения.

Митрополит киевский и галицкий Флавиан, в мире Николай Городецкий, которому адресованы письма Антония, происходил также из дворян, и это-то обстоятельство, повидимому, послужило главным основанием к установлению дружеских отношений между этими двумя архиереями, столь не соответствующими друг другу по возрасту.

Флавиан учился в Московском университете, но пред окончанием курса, в 1863 году, вышел из него и поступил рядовым послушником в московский Симонов монастырь. Здесь его целых три года продержали под «искусом», пока, наконец, 17 февраля 1866 года не постригли в монашество с возведением в сан иеродиакона.

19 января 1885 года он назначен был епископом аксайским, викарием донской епархии; 29 июня того же года перемещен на такую же должность в Люблин, холмской епархии; 14 декабря 1891 года получил самостоятельную кафедру холмско-варшавскую; в 1892 году 15 мая возведен в сан архиепископа; 21 февраля 1898 г. был назначен экзархом Грузии.

Это был пост, равный митрополичьему, но ввиду явно антирусского настроения грузинского духовенства Флавиан 10 ноября 1901 г. поспешил перебраться на кафедру харьковскую, откуда 1 февраля 1904 года назначен был митрополитом киевским. На этом посту 5 ноября 1915 года он умер.

Переписка Антония с Флавианом началась, повидимому, давно. Это видно из первого же письма, имеющегося в этом деле.

— «Ваше высокопреосвященство, милостивый архипастырь и отец!» пишет Антоний 31 мая 1905 года: «уже две недели, как я водворился в Почаевской Лавре, охраняемой солдатами от опасений со стороны Австрии и польского восстания!»

И затем немедленно же приступает к изложению текущих новостей.

Цитируемые ниже письма, в количестве 119 штук, обнимают время с 31 мая 1905 г. по 6 июня 1915 года и отличаются самым разнообразным содержанием.

Антоний, бывший за последнее десятилетие пред революцией в курсе всех синодских дел, касается в них и разных новостей по ведомству православного исповедания, и интриг между высшими представителями духовенства, и всевозможных скандальных историй среди архиереев, и откликов на политические события, и дел Госуд. Думы и Госуд. Совета, и академической автономии, и войны, и отношений к Столыпину, Трепову, Варнаве, Распутину и пр. И так как Антоний был одним из руководителей церковной политики последних 10—15 лет,

то письма его не имели характера простой информации, а служили скорее указаниями к тому или иному направлению дел. В письмах Антоний то-и-дело замечает Флавиану, как тот должен поставить данный вопрос, к кому обращаться за поддержкой, как парализовать действия противников и т. п.

Благодаря этому, вся закулисная сторона церковной политики последних лет становится совершенно явной, и потому предлагаемые письма Антония получают особенную ценность.

Так называемое «освободительное» движение 1905 года, охватившее все слои населения, не могло, конечно, не коснуться и духовенства.

Первыми откликнулись на него высшие духовно-учебные заведения, потребовавшее себе, по примеру университетов, — автономии.

Но если автономия была крайне нежелательна правительству Николая II и в светских учебных заведениях, то в духовных академиях требование ее вызвало целую бурю протестов со стороны архиереев и ученого монашества.

Антоний предлагает различные меры борьбы с беспорядками и просит Флавиана скорей прибыть в синод. 8 октября 1905 года он пишет ему:

«Московская академия закрыта, Киевская и СПБ-ая наполовину закрыты, если не вполне. О Казанской сведений не имею. Если св. синод поступится наглыми и противоканоническими желаниями профессоров беспоповской автономии, то забастовка охватит все семинарии, а затем начнет переходить на приходское духовенство. Я не пишу ни митрополиту [1]), ни Константину Петровичу [2]) по сему поводу, ибо они не верят мне, но желал бы вашему высокопреосвященству поведать, что теперь, по моему мнению, нужно сделать: все академии закрыть, а затем собрать в одну или в две академии профессоров, не сочувствующих автономии, и студентов, а прочих профессоров выгнать по 3-му пункту и студентов исключить навсегда. Оставшиеся академии обставить строгими правилами, а профессоров обязать новою вероисповедною присягой. Момент теперь благоприятный: плохо, если его упустим. Ведь московские профессора просят «свободы преподавания», т.-е. права отрицать в своих (конечно, плагиатированных) курсах божество Иисуса Христа и вообще символ веры. Если мы будем плодить еретиков в церковной школе, то что нам ждать за это на страшном суде? В предпоследней книжке «Богосл. Вестника» проф. Мышцын (тупой нигилист и адультер) нахально отрицает пророчества Исаии о Мессии и толкует их (совершенно бездоказательно), как жиды — в отношении не к Мессии, а к еврейскому народу; вслед за новотюбингенцами он признает двух Исаий, и второго (главы 41—66) после плена. Это уже прямой библейский нигилизм; и так пойдет далее? Не соблаговолите ли вы, владыко, поехать в Петербург и поддержать православие в синоде теперь же? Ведь дела серьезные, а кто там будет ратовать, при болезненности и слабохарактерности владыки [1]) и прочего состава? — У нас 6 октября гимназисты обеих гимназий сделали забастовку, ворвались во все три женские гимназии, вбегали в классы и требовали прекратить ученье, чего и добились. Затем они устраивают теперь митинги в гимназиях и на улице, а полиция смотрит и молчит. Я приехал 7-го и жалею что приехал».

Манифест 17 октября побуждает Антония подробно изложить Флавиану (в письме от 20 октября 1905 г.), что происходило в эти дни на Волыни, и, нимало не стесняясь, рассказывает, какую роль намерен он играть в контрреволюции.

«Сегодня я перед панихидой за Александра III говорил ультра-реакционную проповедь, а вчера на молебне в первый раз за три года не сказал ничего и мой молебен был более похож

[1]) Антоний, митрополит петербургский.

[2]) Победоносцев, обер-прокурор синода.

[1]) Антоний, митрополит петербургский.

на панихиду по России. Евангелие взамен десяти прокаженных я читал Иоан. 8,31—42, а молитву читал не благодарственную, а за царя, что положена на литургии.

Здесь говорят, будто в Киеве русские убили 1 500 евреев и побросали в Днепр, а жилища их на Подоле зажгли. Горе нам, если народ не вступится за себя и за царя: иначе Витте доведет его до эшафота. Ибо сбывается все, о чем я говорил в речи 20 февраля. — Киевские академисты подписывали петицию не дружно, а многие подписывали только потому, что заранее обещали подчиниться давлению большинства. Совет Казанской академии, судя по газетам, отнесся честнее других: «Мы не имеем права обсуждать и требовать автономии.» — Плохо, если не скоро заменят К. П-ча Владимиром Карловичем [1]): владыка Антоний, едва ли теперь нормальный, окончательно продаст церковь. Как было бы хорошо, если б поскорее вызвали ваше высокопреосвященство и владыку Владимира. Еще предполагается Харьковский. Завтра губернатор устраивает, по желанию русских, патриотическую процессию; семинаристы (40 ч-к пока съехались) и ученики церковно-учительской школы будут нести портрет царский и петь гимн. Однако боюсь, что прямо после сей процессии люди пойдут бить жидов. Озлобление страшное, и жиды трепещут. Но все-таки Россия продана и погребена; погребена заживо. Думал, было, писать Ширинскому, чтобы не пропускал белых архиереев, да остановился: неловко обнаруживать наше разделение перед мирскими, да и толк был ли бы? Но противостоять необходимо всячески».

В письме от 7 ноября 1905 года Антоний пишет Флавиану, что отправил многолистные послания Победоносцеву и митрополиту московскому Владимиру, убеждая их не сдаваться и итти против течения.

«Дальше в лес, больше дров. Что будет с Россией через год? Пришло время, когда хорошие люди говорят горам: «Падите на нас, и покройте нас.» А манифесты так и сыплются с поблажкой революционерам. Затем идут телеграммы первенствующего члена [1]): «Св. синод поручает вам озаботиться немедленным прочтением в храмах манифестов 17 октября и 3 ноября». Не знаю, циркулярные ли то телеграммы, или только мне? Не откажите, владыко святый, черкнуть, получаете ли и вы таковые? Мои проповеди собирают в собор небывалое множество народа, и слушают смиренно, хотя я безжалостно громлю революционеров, забастовщиков и современные нравы. Третью записку (о дух.-уч. заведениях) начал, но руки не доходят: служения и епархиальные дела задерживают до часу ночи, а там до того умаешься, что уже не до писания. Многие (до двадцати) пишут ответы и выражают солидарность. В третьей записке я раскатываю автономистов и мажу их навозным помелом по физиономии... Из Киева я получил от «профессора» Благовещенского (конечно, псевдоним) грубо ругательное письмо за осуждение громил и другой листок — воззвание от «Киевопеч. отшельника», конечно, вымышленного. Я против избиения жидов ни слова не говорил, и когда мне приписывают заслугу в том, что в Житомире не было избиений, то не знаю, радоваться ли сему или скорбеть. Ведь тот маленький просвет поворота к благоразумию, что наблюдается в последние дни у графа Витте, и некоторая осторожность революционеров зависят не от чего иного, как от мужицких мордобитий и «красных петухов». Мужички за себя постояли».

Сделав объезд епархии, Антоний 30 ноября 1905 г. спешит поделиться с Флавианом впечатлениями. Картины, которые он видел, заставили бы другого, более вдумчивого наблюдателя, призадуматься, но Антоний усматривает во всем только бездействие или попустительство власти:

«Я на-днях ездил по селам. Повсюду забастовки, а где и попытки разгра-

[1]) В. К. Саблер, тов. обер-прокурора синода.

[1]) Антоний, митрополит петербургский.

бления. Я горячо обличал крестьян и они, повидимому, смирились, но надолго ли? Революция работает, а правительство графа Витте бездействует, может быть, нарочно. Семинария и прочие духовные заведения у нас учатся, а 4 гимназии обоего пола бастуют с 5 октября».

Обнародование положения о Госуд. Думе и, в особенности, дополнительный циркуляр министра внутренних дел о привлечении к выборам приходского духовенства, подал Антонию мысль заполнить ряды «народных представителей»... монахами. И даже не теми учеными иноками, перед которыми он пресмыкался, а рядовыми монахами, т.-е. самой темной и совершенно несознательной массой.

Расчет его был довольно прост: монашество было самым крупным землевладельцем, и, естественно, должно было противиться всем попыткам нарушения прав собственности.

Письмом от 10 февраля 1906 года Антоний сообщает об этих соображениях Флавиану и попутно рассказывает, как ему удалось затормозить введение академической автономии.

«Получив циркуляр министра внутренних дел с дополнительными сообщениями о Думе в пользу приходского духовенства и обрадовавшись ему, конечно, — я не утерпел написать кн. Оболенскому [1]) о безумной и бесчеловечной несправедливости в отношении земель монастырских — единственных лишенных представительства в Думе, тогда как именно монастырское духовенство есть выразитель религиозных идей народа, а духовенство белое и ученое монашество — выразитель идей сословия и оторванной от народа латинизированной школы. Не соблаговолите ли, владыко, и вы при случае сказать ему два слова. Кто подпакостил монашеству по Думе? Не П. И. Остроумов ли? [2]) А как хорошо сделал государь, приостановив полное утверждение академической автономии! По секрету сказать, я послал свои 4 докладные записки великой княгине Милице и получил благодарственную телеграмму. Также разослал их патриархам и автокефальным митрополитам. Скорблю о составе поповской и профессорской части комиссии.

1) Почему нет в ней ученых монахов, напр., архиеп. Михаила?

2) Есть прямые атеисты (Ключевский, Мащанов) и протестантствующие (Голубинский, Светлов, Рождественский), много дураков, очень много горьких пьяниц (Ключевский, Машанов, Иванов, Чистяков, Заозерский, Глубоковский, Голубев, Буткевич), а главное

3) все они — либералы ли, консерваторы ли — все *кутейники*.

Это не комиссия соборная, а комиссия сословная».

Созыв церковного собора для восстановления патриаршества составляет заветную мечту Антония, и он, при помощи Извольского, пробирается к всесильному тогда Столыпину, чтобы потолковать об этом вопросе, да кстати, пользуясь удобным случаем, и несколько вооружить последнего против митр. Антония.

«23 числа, до заседания, я был у г. Извольского [1]) и говорил между прочим, что владыка Киевский не прочь уже вселиться на зимнюю квартиру. Он отнесся к этому весьма доброжелательно, сперва упомянул о том, что снесется с владыкой Антонием, а затем решил, что это вовсе не нужно и обещал доложить е. и. в. на-днях.

По рекомендации Извольского, меня приглашал Столыпин толковать о церковных делах 17 сентября. Он боялся собора и особенно боится патриарха. В безопасности первого я его убедил, а о втором едва ли он мечтает».

В письме от 25 июня 1907 года приводятся весьма любопытные сведения о том, как тонко и настойчиво добивался В. К. Саблер поста синодского обер-прокурора.

[1]) Обер-прокурор синода.

[2]) П. И. Остроумов, товарищ обер-прокурора синода.

[1]) П. П. Извольский, обер-прокурор синода, назначенный после ухода в отставку кн. Ширинского-Шихматова.

«Владимир Карлович давно не пишет, но к матушке Елене ездил на троицу. Думаю, что это, равно как и его книга о «Христианском социализме на Западе», — не без практических целей в отношении к Столыпину и государыне. И дай бог, конечно! Матушка Елена в великой силе: не только себе крест с бриллиантами нацепила, но и своему архипастырю выхлопотала звезду».

Какая это «матушка Елена», из письма, к сожалению, не видно.

Два весьма характерные письма Антоний посвящает студентам духовных академий. 22-го ноября 1907 года он пишет:

«Академии так низко пали за эти 3 года, так далеко отошли от своей задачи, что хоть архангела Гавриила посылай туда ректором — все равно толку не будет. Конечно, вам, владыко, известно, что 50 студентов с учащимися попами ходили по пещерам, и никто ни к одним мощам не приложился; на сходке вотировали требование об отмене постов в академии, а попы перед служением литургии едят колбасу с водкой при всех. Я подумываю подать в синод рапорт о необходимости составить правила для поведения академического духовенства, ибо прочие студенты, какими бы они не были, в большинстве своем освободят от себя церковь и бесследно исчезнут в помойной яме, именующейся светским обществом, а эти духовные подонки революционных академических клоак вернутся опять в клир и получат законоучительские места и все удобства для повторения гапоновщины».

А в письме от 28 ноября того же года он сообщает Флавиану:

«Все, что я написал о Киевской академии, знаю от верных свидетелей, как и то, что учащиеся в академиях попы целыми месяцами не ходят в церковь, а штатских студентов во всех академиях на воскресных обеднях бывает 7—10 человек. Попы едят перед служениями колбасу с водкой (утром) демонстративно, гурьбами ходят в публичные дома, так что, например, в Казани один из таковых известен всем извозчикам под названием *«поповский б.»* и так их и называют вслух. На сходках бывает по нескольку попов в крайней левой, а в левой большинство: это во всех четырех академиях. В Казанской вдовые попы пригласили весной 1907 г. женатых с женами; один вдовец начал целовать и мять чужую попадью, получил от мужа по морде, дал сдачи, тот снова, и пошла поповская драка с десятками участников, на полу остались клочья волос, кровь и зубы, а затем студенты объявили попам выговор за поведение, закончив его стихами, коих последняя строфа:

Вперед наука, переи!
К чужим женам не приставайте,
Поменьше пейте, будьте скромны,
И церковь чаще посещайте!

Когда благоразумные студенты возражают попам на сходке: «это несогласно с основными догматами христианской веры», — то им отвечают: «я догматов не признаю». И вот толпы таких звероподобных экземпляров наполнят наши школы в виде законоучителей: «o, tempora! o mores!» Если вашему высокопреосвященству угодно будет заявить о необходимости учредить дисциплинарные правила для учащегося в академиях духовенства, с ссылкой на мои сообщения или без упоминания обо мне, то я буду считать себя свободным от нравственной обязанности писать о сем рапорт, которым, пожалуй, ничего не добьюсь, кроме неприятностей себе и волынской епархии. С октября я снова еженедельно бываю в семинарии и посещаю все прочие учебные заведения духовные и светские. Все тихо, но все омертвело в церковном отношении. 13 ноября в Московской академии на акте доцент читал о Златоусте как о сатирике, один студент как о республиканце, а другой как о социальном анархисте. — Благоволите взглянуть на архим. Феодора — моск. семин. [1]) Это звезда восходящая. Он может повернуть жизнь академии. А то ведь только 4 профессора правых осталось, а

[1]) Арх. Феодор Подзеевский, впоследствии епископ волоколамский.

прочие все левши. Конечно, наилучше было бы закрыть 2 академии; а консервативные силы сосредоточить в двух, изгнав всех нигилистов, но этого при вел. святителе [1]) сделать невозможно».

К началу 1908 года реакция идет вовсю, но Антоний уже не верит в возможность «вразумления».

«Теперь уже открыто говорят, что забастовку 1905 г. сделали профессора, особенно же рехнувшийся к старости Завитневич [2]). Везде говорят о реакции, о вразумлении, но не верю я в ее прочность. Дела идут скверно, особенно церковные: церкви все более пустуют, а люди все более становятся бессовестными. Если до революции мы были недовольны раздвоенным настроением русской жизни, то теперь это время нам представляется как бы потерянною навсегда...»

Как бы в подтверждение этого письма, в волынской семинарии произошли обыски и аресты, но Антоний не проявляет уже при этом той энергии, как в 1905 году. 18 января 1907 года он пишет Флавиану:

«У нас в семинарии были жандармские обыски и сопротивление учеников III и IV классов: арестовано 14 человек, и найдено около 200 революционных брошюр. Я думал, что тех и других будет гораздо более; — видно, плохо искали. В отца Зосиму попала одна из летевших в городовых табуреток — расшибла ему лоб. Потом приходила депутация учеников просить прощения и заявляла, что это случилось нечаянно, в темноте. Меня вся эта история, исключая ушиб Зосимы, нисколько не огорчила, хотя бы зазарестовали всех семинаристов: снявши голову — по волосам не плачут. Все равно будут ведь революционерами, поступив в университет».

Чтобы сделать совершенно невозможным для семинаристов выход в светские учебные заведения, Антоний в августе 1908 года вносит в синод проект нового устава духовных семинарий, предлагая одеть семинаристов в подрясники, преподавателей брать исключительно из монахов и т. п.

Такая затея даже и в синоде не встретила сочувствия, и Антоний, 26 августа 1908 года, с огорчением пишет Флавиану:

«Мой проект в циркуляре синода лишен своего практического содержания, — видимо, синод опасается, как бы в семинариях на самом деле не прекратилась революционная пропаганда, видимо ему желательная, но не в сильных дозах. У нас на Успенье почти не было богомольцев (собрали $^1/_3$ обычного сбора), а на пр. Иова тоже немного — не больше прошлогоднего, так что о. наместник весьма опечален».

В июле 1911 года, совершенно неожиданно для синода, возникает вопрос о назначении епископом полуграмотного Варнавы Накропина, бывш. огородника, сумевшего пролезть в число друзей Распутина.

Архиереи, находящиеся в синоде, недоумевают, кто «ворожит» этому, никому неизвестному, архимандриту, и Антоний 19 июля 1911 г. решается даже запросить о нем Флавиана:

«П. С. Даманский убедил, точнее понудил, преосв. Никанора, аще и не хотяща, представить в архиереи (каргопольские) известного арх. Варнаву. Я уломал Влад. Карловича снять это дело с доклада (уже было в повестку внесено). Если сочтете удобным, не откажите сообщить, что знаете о сем монахе. Очень бы не хотелось быть в числе виновников хиротоний проходимцев».

Однако Распутин победил. 11 августа 1911 г. Антоний пишет Флавиану:

«Уже омокается трость», и завтра государь подпишет о бытии архим. Варнаве епископом каргопольским при 2 000 руб. каз. жалованья и единовременном отпуске хорошей суммы на архиерейский дом; хиротония его в Москве.

Как это произошло?! А вот как. Вл. К. Саблер дважды говорил, что царь интересуется о. Варнавой; наконец заявил, что государь желает

[1]) Митрополит петербургский Антоний.

[2]) Завитневич, профессор Киевской духовной академии.

видеть его епископом. Пр. Димитрий [1]) сказал: «А потом и Распутина придется хиротонисать?». Я начал предлагать разъяснить неудобство сего желания; тогда В. К. вынул из портфеля всеподданнейшее прошение свое об отставке и пояснил, что в отказе синода он усмотрит свою неспособность быть посредником между государем и синодом и предоставит это дело другому. Тогда я от лица иерархов сказал: «Для сохранения вас на посту, мы и черного борова посвятим в архиереи; но нельзя ли его отправить в Бийск, посвятить в Томске и т. п., а предварительно пр. Сергию доложить государю (аудиенция будет 13 августа) о всех неудобствах». В. К. согласился, но через час прикатил ко мне на подворье П. С. Даманский и представил дело так, что В. К. должен в сию пятницу привезти доклад о бытии Варнавы епископом каргопольским, а иначе он уйдет. Тогда вечером 8 августа мы собрались тайно у пр. Сергия и, вознеся немало воздыханий, решили из двух зол избрать меньшее, в уверенности, что вторично показывать прошение об отставке В. К. не будет при подобных случаях. Что делать? Скверная история! Послушание архиереев синоду не укрепляется. Ермоген пишет сумасшедшие укоризненные телеграммы. О. Варсонофий от архиерейства отказался, а о пр. Андрее [2]) казанцы (т.-е. психопаты) упрашивают государя не пускать его из Казани».

18 августа 1911 г. Антоний узнает, наконец, кто выдвинул Варнаву.

«Выясняется, что Варнаву провел в архиереи Распутин. Синод представил его на основании письменного ходатайства еп. Никанора, но оно было почти вынужденное П. С. Д-м [3])— Распутин же был виновником ошельмования св. синода и премьера 1-го апреля. Он — хлыст и участвует в радениях, как и братцы и иоанниты».

Началась империалистическая война 1914 года.

Антоний, добившийся в это время перемещения в Харьков, конечно, усерднейшим образом содействует планам Николая II: говорит на площадях патриотические речи, собирает пожертвования и т. п. 22 июля 1914 г. он пишет Флавиану:

«Мы набрали 40 000 крестиков для всего гарнизона г. Харькова, а с 28 числа начнем надевать их на солдат и говорить им ободряющие речи; кажется, выступление эшелонов продолжено до 3 августа, а может быть и дольше. Мысль и чувство сосредоточены на войне, но что писать об этом, когда ничего не знаешь сверх газет. Странно, что во главе 40 000 харьковского гарнизона пойдет начальник корпуса — природный немец и лютеранин. Я бы на его месте ушел в отставку и сочувствовал бы больше Германии, чем России. Первого он вовсе не думает делать, а второе покрыто мраком неизвестности.

20-го, отслужив обедню, я должен был выехать в Святые Горы, не останавливаясь в Харькове, но дальше Харькова не поехал, узнав о войне, и хорошо сделал, ибо пришлось ораторствовать на площадях, совершая молебны».

Первоначальные успехи русских войск в Галиции окрылили Николая II на скорое присоединение древней Червонной Руси к его империи. Начали уже набирать кадры служащих и, в числе их, многочисленное духовенство. Возглавить последнее синод и Саблер предполагали Антонием Храповицким, но в Царском не забыли, что Антоний был близок с «черногоркой»,— вел. княгиней Милицей Николаевной — и надежды его на галицкую митрополию разлетелись прахом.

19 сентября 1914 года он с грустью пишет Флавиану:

«В Петрограде меня встретили «дядя» и «папаша» чуть не поздравлением с галицкой митрополией, но потом нашли лучшим сделать то, что сделано, а меня отторгли, о чем, конечно, мало жалею, насмотревшись на польские рожи за 12 лет пребывания на Волыни. Думаю, что меня не любят во дворце из-за Распутина, и этим не пе-

---

[1]) Димитрий, епископ херсонский.

[2]) Андрей (князь Ухтомский), впоследствии епископ уфимский.

[3]) Даманский.

чалюсь. Прожил, наверно, гораздо более двух третей своей жизни и нахожу полноту ее в установленном около меня церковном быте. Недавно подтвердил свою просьбу Владимиру Карловичу, чтобы меня и в эту зиму не вызывать в св. синод, в видах ознакомления с новою епархией. Делать в синоде нечего, ибо теперь, т.-е. уже год тому назад, стало ясно, что никаким реформам не бывать и из-под власти Распутина, Думы и прочих заведений нам не выйти. Постараюсь и на будущее время в синод не ездить»

Распутин все бесцеремоннее начинает расправляться с неугодными ему архиереями, и в числе последних оказывается ближайший друг Саблера— митрополит петроградский Владимир.

«Владимиру Карловичу, видимо стыдно»,— пишет Антоний 16 февраля 1915 г. — «что он не отстоял своего приятеля, оберегая собственную шкуру, но он предлагает скорбящему другу совсем неподходящее лекарство — писать докторскую диссертацию! Да пр. Владимиру и кандидатской не написать, а докторскую уместнее предложить преосв. Варнаве, чем Владимиру. Давно не получал от вас весточки. Моему несколько опальному состоянию (по поводу Галиции) злорадствует пр. Сергий сухумский, как прежде Гедеон, и пишет самые дерзкие письма (уже 3); он осмелел со дней воцарения митр. Макария [1]); сему целомудренному старцу судьба определила быть по преимуществу покровителем венериков».

Несмотря на то, что положение наше на фронте было из рук вон плохо, Николай и его правительство все еще не теряли надежд, что захватят Константинополь и проливы. Синод начинает уже обсуждать вопрос об организации «Царьграда» в церковном отношении и приглашает на совещание об этом и Антония. Но последний уже смотрит на все пессимистически:

«Получил сегодня телеграмму от В. К. Саблера: «Св. синод поручил просить вас прибыть в Петроград на несколько дней к 18 апреля для обсуждения доклада проф. Соколова» [1]). Я ответил: «Прибуду 17 апреля». Соколов, конечно, будет докладывать о Царьграде, которого русским все равно не отдадут англичане, — да и лучше, чтобы не отдавали, ибо что хорошего обращать св. град тот во второй Петербург и уничтожать там патриаршество, плодить наши глупые семинарии, часовые всенощные и концерты Бортнянского. Но ехать все-таки надо, а кстати я буду покорнейше просить вас пожаловать в Петровом посту в Харьков. Здесь ожидается проезд государя; но, вероятно, только на вокзале он будет встречен губернатором и проследует в Николаев Херсонской губ.».

Начинается пресловутая министерская «чехарда»: министры чуть не ежемесячно летят со своих постов. О некоторых переменах Антоний считает не лишним сообщить 6 июня 1915 года Флавиану:

«Не знаю, что за князь Щербатов назначен министром вн. дел: он помещик наш, Лебед. уезда, но я его не видал. Хорошо то, что Маклакова турнули и вполне понятно, что он хотел сесть на место В. К-ча, чувствуя свою непрочность, — Распутин не отстоял его: не пришел ли конец и сему мерзавцу?

У нас довольно дружно провожают губернатора, а ожидают из Самары Протасьева; наш окончательно выезжает, кажется, 9-го числа. Он предсказывал отставку Маклакова, своего близкого приятеля, и, может быть, убрался по добру, по здорову. Оказывается, что докторство «дяди» устроил пр. новгородский Арсений, понаписав письма своим бывшим собутыльникам».

Антоний Храповицкий и Флавиан считались при Николае столпами церкви, на которые опирался царский трон. Мудрено ли, что при первом же натиске революции «столпы» эти разлетелись впрах?

---

[1]) Московский митрополит, ставленник Гр. Распутина.

[1]) И. П. Соколов, профессор Петерб. дух. академии.

К истории освобождения Н. Г. Чернышевского.

В бумагах известного деятеля «Священной Дружины» графа Павла Петровича Шувалова («Бобби») сохранились некоторые документы, связанные с историей хлопот об освобождении из ссылки Н. Г. Чернышевского. Это, во-первых, письмо гр. Шувалова к Н. Я. Николадзе от 18 февраля 1883 г., во-вторых — ответ Н. Я. Николадзе от 20 февраля того же года, и, наконец, в-третьих — анонимный и недатированный проект «записки» о необходимости смягчить участь Н. Г. Чернышевского. — Эти документы напрашиваются на сопоставление с данными, имеющимися в печати по этому вопросу [1]).

Как хорошо известно, Н. Я. Николадзе выступил в 1882 году в роли своеобразного «примирителя» между правящими кругами, в лице пресловутой «Священной Дружины», и «Народной Волей». Для этой цели он ездил за-границу на совещание с Львом Тихомировым и вывез оттуда, по его словам, между другими пунктами «соглашения» также и согласие народовольцев на отказ от покушений до и во время коронации Александра III, обусловленное «двумя требованиями: 1) чтобы государь послал доверенное лицо для расследования вопиющих несправедливостей, причиненных в Каре политическим ссыльным, и 2) чтобы освобожден и возвращен был на родину писатель Н. Г. Чернышевский» [2]). Вернулся Н. Я. Николадзе в последних числах декабря 1882 г., т.-е. как раз в то время, когда «Священная Дружина» была ликвидирована и ее деятели прямо заявляли, что «навряд ли теперь удастся хоть что-нибудь сделать в смысле прежних предположений» [1]). Однако некоторые переговоры с флигель-адъютантом гр. П. П. Шуваловым еще продолжались. Шувалов сетовал Николадзе, что «Народная Воля» «упустила редчайший случай» путем нажима на правительство установить в России парламентарный строй, а «переходя к представленным требованиям — «ce sont des misères» — он заявил... что гр. Воронцов-Дашков уже добился повеления государя отправить на Кару флигель-адъютанта барона Нольде. Для освобождения же Чернышевского требуется подача всеподдан-

---

[1]) Н. Николадзе. «Переговоры «Священной Дружины» с партией «Народной Воли» в 1882 г.», П. 1917 г. (ранее было напечатано в журнале «Былое», 1906 г., сентябрь, под заголовком «Освобождение Н. Г. Чернышевского»; в дальнейшем цитируется по отдельному изданию 1917 г.).

Печатаемые ниже материалы хранятся в Ленинградском Центральном Историческом Архиве, Архивохранилище Нар. Хоз., Быта, Культуры и Права, II Экономич. Отдел, «Фамильный архив графов Шуваловых».

[2]) Н. Я. Николадзе, op. cit., стр. 30.

В только что опубликованных записках («Неизданные записки Л. Тихомирова», «Красный Архив», 1928 г., т. IV (XXIX), стр. 129—174) Тихомирова дан ряд поправок к сведениям, сообщаемым Николадзе. То, что последний выставил как «требования» народовольцев, в действительности было лишь «залогом со стороны влиятельных лиц», что будут выполнены настоящие требования «социально-революционной партии» (амнистия, некоторые политические свободы, расширение самоуправления городов и земств). Более того, Николадзе совсем не упоминал о данном «залоге», который обязаны были внести «влиятельные лица», по соглашению его с Л. Тихомировым. Идея освободить Н. Г. Чернышевского исходила от самого Н. Я. Николадзе: Тихомиров предоставлял ему свободу выбора Н. К. Михайловский, повидимому, подсказал Николадзе имя Чернышевского, точно так же, как и необходимость «расследования бесчинств, произведенных незадолго перед тем на Каре» («Былое», 1907 г., № IX, «Документы и материалы к истории переговоров Исполнительного Комитета со Священной Дружиной», стр. 213—214).

[1]) 26 ноября 1882 г., по приказанию «Совета первых старшин», приступлено было к ликвидации дел «Священной Дружины» («Общество Священной Дружины», «Красный Архив», 1927 г., т. XXI, стр. 206).

нейшего прошения его детьми и обождание коронационного манифеста» [1]). В дальнейшем Николадзе приходилось еще много раз видеться с графом Шуваловым, стараясь повлиять на облегчение участи арестованных тогда и приговоренных к смерти Ю. Богдановича и В. Н. Фигнер. Когда это было достигнуто, «осталось достигнуть главного — освобождения Н. Г. Чернышевского». «Я не отставал от гр. Шувалова, — пишет Н. Я. Николадзе, — и многократно виделся с ним то у него на дому, то у себя на квартире. Речь у нас, главным образом, шла об оформлении дела насчет освобождения Чернышевского. Я ему доставил биографические сведения о личности и о процессе этого писателя, сообщенные мне А. Н. Пыпиным, и проект докладной записки. Последняя была написана А. Н. Пыпиным очень сильно и сжато, но в полемическом тоне против приговора Сената. В ней доказывалось, как дважды два — четыре, что Чернышевский пострадал невинно (записка эта сохранилась у меня. Не печатаю ее потому, что теперь ее доводы и данные общеизвестны). Гр. Шувалов через несколько дней привез ее мне обратно, заявив, что ее представление неминуемо погубит дело. Он предложил мне, взамен, каллиграфически переписанное на великолепнейшей бумаге всеподданнейшее прошение от имени сыновей Чернышевского. В нем говорилось, что, как бы велики ни были преступления их отца, он их искупил двадцатилетними страданиями, безропотно перенесенными с беспримерным смирением. В заключение просилось о помиловании страдальца и о возвращении его на родину, дабы семья могла окружить заботами последние дни его уже окончательно разбитой жизни» [1]). Прошение было подписано сыновьями Чернышевского, а в конце марта 1883 г. гр. Шувалов привез Н. Я. Николадзе и «проект той статьи коронационного манифеста, которая распространяла помилование на случаи, подходящие к положению Чернышевского» [2]).

Таковы, в общих чертах, сведения, сообщаемые Н. Я. Николадзе, об его участии в деле освобождения Н. Г. Чернышевского.

Из публикуемых ниже документов любопытна прежде всего «Записка» № 3. Она писана на 4 листах бумаги довольно хорошего качества, писарским почерком (но некаллиграфическим) и носит поправки рукою графа П. П. Шувалова. По своему содержанию документ этот безусловно очень близок к проекту всеподданнейшего прошения, представленному Шуваловым Николадзе. Вместе с тем в нем имеются и некоторые пункты, почти буквально совпадающие с запиской А. Н. Пыпина, 1881 г., опубликованной Ю. М. Стекловым [3]). Так как записка

[1]) Н. Я. Николадзе, op. cit., стр. 27—37.

[1]) Ibid., стр. 37. Разрядка наша. *П. С.*

[2]) Ibid., стр. 38.

[3]) Ю. Стеклов, «Записка А. Н. Пыпина по делу Н. Г. Чернышевского» («Красный Архив», т. XXII, стр. 210—235). Записка эта явно не та, которая была подана Пыпиным через Николадзе в 1883 г. и затем, как свидетельствует сам Николадзе, вернулась к нему обратно и хранилась у него, а не в делах III отделения, откуда извлечена «записка», напечатанная Ю. М. Стекловым. Совпадение нашей, «Шуваловской», записки с запиской Пыпина 1881 г. — см. в выписке из письма Н. Г. Чернышевского к жене: «Чернышевский с негодованием писал жене о людях, злоупотребляющих его именем, и чтобы дать понять, о чем он говорит, замечал, что если ему суждено когда-нибудь оставить Вилюйск, он уедет из него не иначе, как тем же способом, каким в него приехал...» («Записка А. Н. Пыпина» 1881 г., «Красный Архив», т. XXII, стр. 228) «...в письмах к жене он отзывался с искренним негодованием о подобных услугах, оказываемых ему анархистами, и прямо высказывал, что

Пыпина 1883 г., возвращенная затем обратно Николадзе, также некоторое время была у графа Шувалова, то напрашивается предположение, что совпадающие места были взяты именно из нее, а она, в свою очередь, была сокращением и переделкой «Записки» 1881 г. Очевидно, что Шувалов, получив «Записку» А. Н. Пыпина 1883 г. и биографические сведения о Чернышевском, отдал их для переработки кому-либо из своих знакомых чиновников и затем сам уже выгладил из этого последнего труда наиболее «опасные» места (о «молодых интеллигентных силах»).— Какое же назначение мог иметь означенный «труд»? Первый ответ должен быть таков: это — основа для всеподданнейшего прошения детей с прибавкой в начале и конце необходимых «клаузул» для подобного рода документов. «Записка» Шувалова, по всей видимости, переписанная «каллиграфически», и сыграла последнюю роль. Но она могла иметь перед этим и другое назначение, может быть, по обстоятельствам момента не приведенное в исполнение: в письме Шувалова от 18 февраля (ниже — № 1) есть интересное упоминание о каком-то предполагавшемся ходатайстве за Чернышевского ко дню коронации, причем нет никаких оснований думать, что это ходатайство должно было исходить от детей в порядке мольбы о «государевой милости». Деятели «Священной Дружины» в начале 1883 г. еще не все сложили, повидимому, оружие в борьбе за влияние на царя, а такой человек, как граф Павел Петрович Шувалов, носившийся со своими «конституционными» проектами и усиленно в этом направлении пытавшийся связаться через Николадзе с Исполнительным Комитетом «Народной Воли», конечно, понимал хорошо, какие личные выгоды мог он получить, добившись с а м согласия правительства на выполнение одного из двух условий террористов и тем самым будучи в состоянии, так сказать, щегольнуть перед обоими лагерями. «Записка» его могла, в таком случае, явиться и докладом Александру III по этому же острому вопросу. Попытка самостоятельного ходатайства за Чернышевского почему-то, видимо, не была приведена в исполнение, и тогда обратились к обычному пути — на стезю «монаршего милосердия».

Письма П. П. Шувалова (№ 1) и Н. Я. Николадзе (№ 2) дают и еще несколько штрихов к истории освобождения Н. Г. Чернышевского. Во-первых, в письме Шувалова определенно указывается, что назначение лица расследовать историю на Каре еще не было произведено до 18 февраля 1883 г., и тем самым вносится хронологическая поправка в приведенные выше заметки Н. Я. Николадзе о его встречах с Шуваловым, когда последний заявил ему о назначении на Кару флигель-адъютанта бар. Нольде (см. стр. 214). Во-вторых, из ответа Н. Я. Николадзе (от 20 февраля) видно, что освобождение Чернышевского после ареста В. Н. Фигнер (10 февраля 1883 г.) и других «существенных изменений обстоятельств дела» (очевидно — дела о переговорах о неприменении террористических актов до коронации) как бы отходило на второй план и в сознании автора письма: насущным казалось спасение от правительства деятелей настоящего момента или облегчение участи пострадавших непосредственно в ближайшее время — для этого и необходимо было добиваться свидания с арестованной В. Н. Фигнер и освобождения на поруки Софьи Никитиной. Близкое, естественно, заслоняло дальнее.

Эти письма дают также материал и для суждения о характере отношений, завязавшихся между Н. Я. Николадзе и «Священной Дружиной», одним из самых ярких представителей которой являлся граф Павел Петрович Шувалов.

П. Садиков.

«если ему суждено когда-нибудь оставить Вилюйск, то он уедет из него не иначе, как тем же способом, каким в него приехал». («Записка» гр. П. П. Шувалова, см. ниже, стр. 219).

№ 1.

Милостивый государь
Николай Яковлевич.

Мне известно из вполне достоверного источника, что по случаю коронации будет представлено на высочайшее имя всеподданнейшее ходатайство о смягчении судьбы государственного преступника Чернышевского, а именно, о переводе его из Сибири в г. Саратов. Можно надеяться, что означенное ходатайство будет милостиво принято е. и. в.

Что же касается до предполагаемого расследования беспорядков, имевших место в Карской тюрьме, то, насколько мне известно, лицо, имеющее произвести упомянутое расследование, еще не назначено.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности

гр. П. Шувалов.

18 февр. 1883 г. СПБ.

№ 2.

Ваше сиятельство
Милостивый государь
граф Павел Петрович.

Ознакомившись с содержанием письма, которым вам вчера угодно было почтить меня, я не могу утаить от вашего сиятельства, что существенное изменение обстоятельств дела осуждает меня начать сызнова работу, мною предварительно доведенную, было, до благоприятного окончания, и начать при крайне затрудненных условиях, имея перед собою ограниченный срок, а под собою шаткую почву. Вследствие этого мне вновь придется убеждать и уговаривать террористов, употребляя в дело новые аргументы, существенно отличные от тех, какие мною прежде пущены были в ход. Несмотря на то, что теперь я принимаюсь за дело, не имея возможности предложить им никаких существенных надежд, так сказать, с пустыми руками, я надеюсь, что достигну прежней цели— убежду их отказаться от замыслов на особу государя, до коронации включительно. Могу уверить вас, граф, что для достижения этой цели я употреблю все возможные усилия, все свои силы.

Раньше, чем в этих видах мне удастся списаться с главарями движения, находящимися за границей, на что понадобится немало времени, я не упущу ни единого благоприятного случая повлиять на здешние кружки, по крайней мере на некоторые из них, хотя круг деятельности здешних второстепенных деятелей довольно ограничен. При выполнении этой последней задачи мне доставило бы огромное облегчение свидание с г-жею Филипповою (В. Н.), [1]) о недавнем аресте которой ходят слухи, и освобождение на поруки г-жи Никитиной (Софьи) [2]).

Если б вашему сиятельству возможно было выхлопотать мне исполнение этих двух просьб, вы тем самым значительно подвинули бы дело умиротворения, которому я готов ревностно служить всеми своими силами.

Прошу вас, граф, принять уверение в глубоком к вам уважении и совершеннейшей преданности.

Вашего сиятельства покорнейший слуга

Н. Николадзе.

20 февр. 1883 г. СПБ.

№ 3.

Отставной титулярный советник Николай Чернышевский, по высочайше утвержденному мнению Государственного Совета, основанному, в свою очередь, на определении 5-го департамента Правительствующего Сената, признан был в 1864 году виновным в составлении возмутительного воззвания, в передаче оного для тайного напечатания с целью распространения и в принятии мер к ниспровержению существующего в России порядка управления.

Вследствие сего Государственный Совет мнением положил: на основании 283 и 284 ст. кн. I-й, т. XV св. зак. уголов., лишив Чернышевского всех прав состояния, сослать в каторжную работу в рудниках на 14 лет, а затем поселить в Сибири навсегда.

---

[1]) Филиппова — Фигнер, Вера Николаевна, арестованная 10 февраля 1883 г.

[2]) Никитина, Софья Васильевна, арестована 9 июня 1879 г.

При утверждении этого мнения ныне в бозе почивающий государь император высочайше повелеть соизволил: срок нахождения Чернышевского в каторжных работах сократить на половину.

В исполнение сего государственный преступник Чернышевский сослан был первоначально в Нерчинские рудники. Там застал его всемилостивейший манифест 28 октября 1866 года, по которому срок работ Чернышевского сокращен был еще на ¼.

Затем по воспоследовании высочайшего повеления от 25 мая 1868 года о даровании милостей политическим преступникам, осужденным до 1 января 1866 года, Чернышевский, по 1-му п. сего повеления, подлежал освобождению от работ с обращением на поселение.

Но обращение это, в общем порядке, из разряда ссыльно-каторжных в ссыльно-поселенцы в то время признано было неудобным, так как обнаружены были со стороны сочувствовавших Чернышевскому злоумышленников из партии Ишутина (по делу Каракозова) попытки освободить его из Сибири с целью побега за границу.

На этом основании и в силу высочайше утвержденного в 1-й день января 1871 года положения Комитета Министров, Чернышевский, по освобождении от работ, причислен был на поселение в Вилюйский округ Якутской области, где 11 января 1872 года поселен в самом Вилюйске.

В этом последнем городе Чернышевский находится и в настоящее время.

Фактически преступления Чернышевского выразились в следующих деяниях: 1) во время происходивших в 1861 году беспорядков в здешнем университете, Чернышевский, пользуясь огромным влиянием своим на молодежь, которая вообще увлекалась его сочинениями, появился среди волновавшихся студентов и, когда они окружили квартиру бывшего попечителя учебного округа, генерала Филипсона, подстрекал их к сопротивлению; 2) стремясь вообще к перевороту, Чернышевский в том же 1861 году составил воззвание к дворовым людям («Великоросс») возмутительного содержания и намеревался напечатать таковое в тайной типографии в Москве, как это доказывалось собственноручным письмом его к некоему Плещееву, пересланным через посредство отставного поручика Всеволода Костомарова, который и выдал его затем правительству, и, наконец, 3) Чернышевский образом жизни, связями знакомства, сочинениями своими, преимущественно экономическо-социалистического содержания, как равно и всем вообще поведением своим, явно доказывал, что он принимал меры к ниспровержению существующего в России порядка управления.

В свое время преступные деяния эти, бесспорно, могли представляться опасными по своему характеру. Совершаясь как раз в период великой реформаторской деятельности начала прошлого царствования, преступления эти с их возможными последствиями в состоянии были сериозно и надолго отвлечь внимание правительства от главной его задачи, если бы не были своевременно парализованы и наказаны. Правительство обнаружило их, признало опасными, и потому Чернышевский понес заслуженное им возмездие.

Но с тех пор прошло уже 20 лет. Осужденный отбыл свое наказание и отбыл, не воспользовавшись, не по своей вине, вторичным облегчением, которое ниспослало ему монаршее милосердие в 1868 году. Чернышевский выдержал продолжительное испытание с истинно христианским смирением и, можно сказать, с достоинством, оставаясь все время на высоте своего хотя и заслуженного, но тем не менее несчастного положения. Он ни разу сам непосредственно не подал ни малейшего повода к стеснению его участи. Если последняя и была по временам в известной степени ограничиваема, то отнюдь не по причинам, исходящим от самого Чернышевского, а напротив, по поводу посторонних, непрошенных им попыток к его освобождению, попыток, скорее вредивших ему, чем приносивших пользу. Сам лично Черны-

шевский даже возмутился этими попытками. Так, известно, что в письмах к жене он отзывался с искренним негодованием о подобных услугах, оказываемых ему анархистами, и прямо высказывал, что «если ему суждено когда-нибудь оставить Вилюйск, то он уедет из него не иначе, как тем же способом, каким в него приехал». Вообще, как удостоверяют местные генерал-губернаторы, Чернышевский безропотно и с покорностью нес и несет до сих пор кару, возложенную на него законом.

Достигнув ныне уже преклонных лет (55 лет) и имея двух взрослых сыновей и больную жену, Чернышевский, надо надеяться, не в состоянии уже превратиться в ожесточенного преступника, каких, к прискорбию, привыкло видеть наше отечество в последние годы. Самое преступление его, в особенности по сравнению с ужасающими злодеяниями современных политических преступников, не представляется уже столь опасным, каким по справедливости могло почитаться 20 лет назад. Сверх того, семейное положение Чернышевского может само по себе уже служить лучшим ручательством его будущей благонадежности. Известно, что старший сын его, Александр, по окончании курса в здешнем университете, пожелал в 1877 году отправиться волонтером в действовавшую армию на Дунае, чтобы кровью искупить смягчение участи отца, но, поступив рядовым в Невский пехотный полк (13-го корпуса 1-й дивизии), заболел тифом и остался в госпитале в Фратешти. Подобный благородный порыв, зависи, конечно, главным образом, от добрых качеств самого Александра Чернышевского, не может, однако же, не свидетельствовать и о благотворном влиянии на юношу со стороны его родителей.

При таких условиях монаршая милость Чернышевскому не будет, надо ожидать, омрачена неблагодарностью. Возвратить к жизни и к тихому семейному счастью когда-то заблудшегося отца семейства есть подвиг, который не может не вызвать чувств самой глубокой признательности и благоговения перед тем, кто его совершит. Неблагодарность в этом случае была бы противна природе человеческой. С другой стороны, высокая милость монарха отразится благотворно и на остальной части общества: помимо человеколюбивой меры по отношению к Чернышевскому, как к отцу семейства, освобождение его может повлечь за собой новые труды его в области литературы и науки, что, при известном развитии его и знаниях и при несомненно ожидаемом благонамеренном направлении его, не может остаться без полезных последствий в будущем. Молодые интеллигентные силы возблагодарят руку, пощадившую для них талантливого писателя [1]).

Предоставление Чернышевскому права поселиться в доме, принадлежащем ему в г. Саратове, было бы, кажется, мерой вполне целесообразной.

Побег Сергея Дегаева.

Известно, что тотчас после своего ареста, еще в декабре 1882 г. Сергей Дегаев написал ту тетрадь своих разоблачений, которые погубили народовольческую организацию. Однако от него требовали, — и он на это пошел,— отнюдь не одних только разоблачений. Он должен был активно содействовать розыскным (а потом и не только розыскным) планам Судейкина и, прежде всего, аресту В. Н. Фигнер. Но для этого он должен был находиться на свободе и иметь возможность действовать, не теряя своего революционного имени. Однако арест Дегаева с типографией, в которой он был хозяином, создал для него слишком отягчающие условия, чтобы его

[1]) Эта фраза первоначально была исправлена карандашом (рукою гр. П. П. Шувалова) следующим образом: «Молодое поколение возблагодарит руку, пощадившую для них [sic!] талантливого писателя», а затем была вся вычеркнута им же.

могли под каким бы то ни было предлогом выпустить на волю, и для того, чтобы Дегаев мог оставаться незапятнанным в глазах своих товарищей, оставалось лишь одно средство — освобождение заменить побегом. И, как известно, Сергей Дегаев 14 января 1883 г. «бежал».

В. Н. Фигнер приводит ту версию рассказа о побеге, которую она слыхала от самого Дегаева, когда он явился к ней в Харьков. «После ареста, задумав бегство, он указал на Киев, как на свое местожительство до Одессы, и выразил желание дать показание именно там. Жандармы долго не соглашались, но потом решили удовлетворить это требование. Когда же с двумя жандармами его отправили вечером в пролетке на вокзал, то, проезжая по пустырю, отделяющему город от вокзала, он бросил горсть табаку в глаза жандармов, и, соскочив с экипажа, скрылся в темноте». «В Одессе, — продолжал он, — я нашел приют у офицеров, с которыми познакомился при объезде военной организации. Через несколько дней один из них проводил меня на лошадях в Николаев, в тот офицерский кружок, в котором я был при объезде, а затем вчера „приехал сюда“ [1]).

В. Н. Фигнер точно передает этот рассказ Дегаева, в чем нетрудно убедиться, заглянув в показания именно тех офицеров, о которых упоминал в своем рассказе Дегаев. После своего побега он, действительно, явился к члену одесского военного народовольческого кружка Дм. Чижову. Привлеченный к делу в качестве свидетеля А. И. Соллогуб, офицер, живший на одной квартире с Чижовым, показал, что явившийся к Чижову Дегаев был «плохо и неряшливо одет» и что на другой день Чижов купил Дегаеву «штатский костюм». От Чижова Дегаев перешел к шт.-капитану Б. Крайскому, как об этом рассказал детально сам Крайский в своем показании от 11 июля 1883 г. «В феврале месяце, если не ошибаюсь [Крайский действительно ошибается, ибо это было в январе], в городе стали говорить, что один из политических арестованных бежал с вокзала железной дороги; следующего, кажется, дня, пришел ко мне Чижов и сказал, что бежал Дегаев, в настоящее время находившийся у него, но что неудобно ему так долго оставаться в одном месте, что поэтому необходимо, чтобы я принял его к себе. Я условился быть у него вечером и взять Дегаева к себе, что мною и было сделано. Дегаев оставался у меня целые сутки, а вечером следующего дня ушел, взяв у меня пятьдесят рублей. В то время, когда Дегаев находился у меня, ко мне заходили офицеры Ланге, Стратонович и, кажется, Чижов, что наверное не помню; из них Ланге заходил совершенно случайно и Дегаева вовсе не знал, Стратонович же знал, что Дегаев есть бежавший. Приехавши в Одессу, Дегаев был у меня, но о намерении открыть тайную типографию ничего мне не говорил, и об отношении его к типографии я узнал от него самого в то время, когда он у меня скрывался после побега. Уходя от меня после побега, Дегаев говорил, что намерен отправиться в Николаев. Я спрашивал его, будет ли он видеться с Верой Филипповой, на что он ответил утвердительно».

Содействие Крайского побегу Дегаева этим не ограничилось. Когда ему были предъявлены показания Стратоновича, о которых у нас сейчас пойдет речь, он 2 августа дополнительно показал, что дал еще двадцать пять рублей из переданных ему моряком И. П. Ювачевым денег Стратоновичу для переправки Дегаева в Николаев. Дальнейший путь Дегаева ведет нас, таким образом, к показаниям Стратоновича.

«Не помню, — пишет Стратонович в своем показании 15 июля 1883 г., — которого числа и какого месяца пришел ко мне Крайский и, сообщив, что бежал Дегаев и находится у него, предложил мне провезти его в Николаев, так как мне было удобнее всего взять отпуск, потому что в Николаеве у меня были родственники; я согласился, взял отпуск, отправился на

[1]) В. Н. Фигнер. Запечатленный труд, т. I. М. 1928, стр. 341—342.

почтовую станцию, где взял лошадей, заехал к Крайскому, взял Дегаева и привез его в Николаев, где высадил его на Большой Морской улице около парикмахера, куда он зашел поправиться, а сам я отправился к капитану Прагского полка Маймескулову, своему знакомому, у которого и остановился; когда настало время отхода поезда, я отправился на вокзал, чтобы проследить, благополучно ли Дегаев уедет. Куда поехал Дегаев, мне неизвестно, так как на мое предложение даже купить ему билет, чтобы ему не дефилировать перед публикой, он отказался и предпочел, чтобы ему купил билет швейцар. Давал ли Крайский Дегаеву 50 рублей, я не знаю; мне же сам Дегаев дал 25 рублей на дорожные расходы» (об этих 25 руб. см. выше, в показании Крайского). Итак, мы смогли проследить путь, который проделал Дегаев для того, чтобы видимыми пособниками его побега явились прежде всего именно те, которых он поспешил предать в первые же дни своего ареста.

Естественно, что Дегаев им рассказывал и об обстоятельствах своего побега. Со слов Стратоновича об этом повествует в своем показании шт.-кап. Н. С. Талашиндов, которого Стратонович встретил у Маймескулова: «Улучив минуту, Стратонович сообщил мне, что приьез в Николаев и отправил далее Сергея Петровича (т.-е. Дегаева), который был арестован и бежал из Одессы, и просил меня дать рублей 5—6 ему на обратный путь, что я и исполнил. Желая узнать подробности побега, я пригласил Стратоновича зайти на следующий день ко мне и сообщил ему мой адрес. Зайдя на следующий день ко мне, Стратонович сообщил, что в Одессе имела быть открыта типография, но что часть этой типографии арестована и что при этом, кажется, на улице арестованы были Сергей Петрович и тот другой статский, которого я видел у Ашенбреннера [1]), что оба они содержались в № 5, но что Сергей Петрович с целью побега дал какое-то ложное показание и, когда его отправили в Киев, кажется, то по дороге к вокзалу он бежал от сопровождавших его жандармов, засыпав одному из них табаком глаза». Вся совокупность этих показаний, вполне совпадающая с версией В. Н. Фигнер, вскрывает факты, которые должны были обеспечить Дегаева от каких бы то ни было подозрений в революционной среде, и, как видно, ни у офицеров, ни у В. Н. Фигнер пережитые Дегаевым перипетии побега не вызвали подозрений; наоборот, то, что Дегаев сумел самих преданных им офицеров втянуть в пособники своего побега, было удачным ходом, так как это должно было у них рождать психологическое состояние удовлетворения участников успешного дела [1]).

Однако роль, которая предназначалась Дегаеву, требовала двойной конспирации: не только от революционеров, но и от самой полиции. Как существенно и важно было последнее, явствует из того, что именно из полицейской среды и вышел первый разоблачитель сыгранного спектакля побега. Два рассказа, один общее (Е. А. Серебряковой), другой детальнее (В. И. Сухомлина), но согласные между собою в основных чертах, повествуют о том, что первое известие о фиктивности побега Дегаева шло от официального лица (по одной версии, — от «полицейского чиновника», по другой — от «полковника»), которое сообщало свои сведения со слов «жандармского полковника Катанского» уже вскоре после мнимого побега Дегаева в присутствии отца А. М. Гальперин, близкой к одесским народовольцам и ставшей год спустя женою В. И. Сухомлина [2]). Однако Судейкин, в полном согласии и с местным начальством — полковни-

[1]) А. А. Спандони.

[1]) См. дознание по делу В. Н. Фигнер, т. 25, л. 181 об. (Соллогуб); т. 21, л. 158 об. — 159 об., 181 об. (Крайский); т. 22, л. 12 (Стратонович); т. 22, л. 226 об.—227 (Талашиндов).

[2]) В. И. Сухомлин. Из эпохи упадка партии «Народная Воля», «Каторга и Ссылка», 1926 г., № 3, стр. 87; Е. А. Серебрякова. Встреча с Дегаевым, «Былое», 1924 г., № 25, стр. 66.

ком Катанским, и с центром розыска— департаментом полиции, стремился предусмотрительно принять меры именно к достижению того, чтобы «побег» Дегаева показался действительным побегом также и для всех, кто по обязанностям знал тайны полицейских и жандармских канцелярий. Лишь подобного рода задачею можно объяснить ту небольшую, но энергичную переписку, которую вызвал побег Дегаева и которую мы сейчас процитируем.

В 12 часов ночи 15 января 1883 г. начальник одесского губернского жандармского отделения Катанский телеграфировал в департамент полиции, что «государственный преступник Сергей Дегаев сегодня вечером бежал». Две резолюции наложены на эту телеграмму. Плеве пометил: «Циркулярно, розыск», Дурново—«Экстренно». И 20 января был издан циркуляр о розыске бежавшего Сергея Дегаева, разосланный, как это и полагалось, по всей полицейско-жандармской России. Однако этого мало. В последовавшем от Катанского подробном донесении, отправленном почему-то только 19 января, были рассказаны обстоятельства побега Дегаева, причем интересно то, что в официальном сценарии этого спектакля мы находим такие «сильно-драматические» моменты, как стрельбу, которую даже сам Дегаев не считал нужным вводить в свои рассказы офицерам и В. Н. Фигнер. Вот текст донесения Катанского от 19 января:

«14 сего января в 7 часов вечера государственный преступник Сергей Дегаев бежал при следующих обстоятельствах: быв отправлен на вокзал железной дороги, под конвоем двух унтер-офицеров, Дегаев, при въезде на Куликово поле, столкнул сидевшего рядом с ним унтер-офицера с дрожек, а другому бросил в лицо горсть курительного табаку, соскочил с дрожек и скрылся в здании вновь строящегося вокзала, оставив в экипаже чемодан с вещами и верхнее платье. За принятыми полицией мерами, при участии нижних чинов казачьего полка, Дегаев разыскан не был. Конвоировавшие его унтер-офицеры сделали по нему несколько выстрелов, но безуспешно» [1]).

Все это донесение — не литература, а лишь отчет о действительно сыгранном публично спектакле. О той же сцене около строящегося вокзала мы находим рассказ в уже упоминавшихся ранее воспоминаниях В. И. Сухомлина: «Легко понять мою радость, когда однажды, выйдя рано утром из дому, я встретил одного обывателя, рассказавшего мне о побеге хозяина тайной типографии Дегаева, засыпавшего жандармам глаза табаком. Он как очевидец рассказал, с каким усердием полиция с фотографией в руках до поздней ночи рыскала меж стен начатого постройкой нового здания вокзала, близ которого произошел побег. Я сейчас же пошел к А. М. Гальперин, чтобы сообщить радостную новость. Оказалось, что она уже слыхала об этом. Новость облетела город с быстротою молнии, благодаря лукавству жандармов, заставивших общую полицию понапрасну провести бессонную ночь» [2]).

Что произошло в действительности, это мы теперь знаем из только что опубликованного рассказа Дегаева Тихомирову об этом эпизоде (см. «Красный Архив», т. XXIX). В краткой сжатой форме Дегаев говорит: «Ну, конечно, как же я бы мог убежать! Наши агенты вытребовали меня из тюрьмы и будто бы повели, куда приказано, а потом отпустили на все четыре стороны».

Однако и сведения революционеров, и официальные документы, и обывательская молва ширили одну и ту же весть: об удачном побеге Сергея Дегаева. Именно это и нужно было для успеха Дегаева в его роли агента-провокатора.

С. Валк.

---

[2]) Все только что цитированные документы хранятся в деле архива департамента полиции, 3 делопроизводство, 1884 г., № 1028, ч. I. «О лицах, обвиняемых в принадлежности к террористической фракции соц.-рев. партии», лл. 36—39. (Архив Рев. и Внешней Политики).

[1]) Цитированные воспоминания В. И. Сухомлина, стр. 86—87.

Из истории борьбы с социалисткческим движением в царской России.

Успех германской социал-демократической партии на выборах в рейхстаг в 1877 г. и два покушения на жизнь Вильгельма I в 1878 г. создали Бисмарку благоприятную почву для наступления на рабочий класс и проведения исключительного закона против социалистов. Белый террор против заподозренных в участии в с.-д. организациях рабочих, увольнение «политически неблагонадежных» рабочих с фабрик и заводов вызвали стремление среди германских рабочих к эмиграции в поисках заработка в пределы русских губерний бывшего царства Польского. Это было тотчас замечено бдительным оком русского правительства.

8(20) июня 1878 г. российский генеральный консул в Данциге, барон Фрейтаг фон Лорингофен, доносил в министерство иностр. дел [1]) о возможном переселении немецких рабочих, принадлежащих к социал-демократической партии, в пределы России и предлагал принять меры против грозящей опасности.

«В борьбе с социалистической пропагандой, — писал консул, — прусское правительство, а также многие фабриканты и заводчики увольняют фабричных и заводских рабочих, принадлежащих к партии социал-демократов или ей сочувствующих. Надо полагать, что многие из этих рабочих, лишась заработка, постараются найти его в России. Так как наши посольства и консульства не в праве отказывать им в визе их паспортов, коль скоро они не значатся среди лиц, высланных из России с запретом въезда в нее, я почел своим долгом обратить внимание императорского правительства на это обстоятельство на случай, если оно признает нужным принять в этом отношении какие-либо меры предосторожности. Если бы немецкие чиновники при выдаче лицам, едущим в Россию, паспортов делали на них отметку вроде следующей: «Предъявитель удостоверяет, что не принадлежит к социал-демократической партии и не разделяет ее принципов», то, по крайней мере, была бы некоторая гарантия, которой не могут дать наши консульства, так как большая часть паспортов доставляется для визы из провинций по почте. Полагаю, что одной публикации нашего посольства о необходимости для рабочих, едущих в Россию, запастись вышеуказанным удостоверением, будет недостаточно, потому что такая публикация может не дойти до сведения заинтересованных в том лиц. Целесообразнее обратиться к содействию имперского канцлера, который мог бы предписать местным властям всякий раз при выдаче паспорта требовать от заинтересованных лиц вышеуказанную подписку».

8-го июля министр иностранных дел сообщил русскому послу в Берлине Убри содержание донесения Фрейтага и предложенный им способ к предотвращению въезда в Россию «опасных элементов». «Находя, — пишет министр, — мысль эту заслуживающей внимания, я имею честь сообщить вашему высокопревосходительству на случай, если бы вы признали возможным, при случае, объясниться по этому поводу доверительно с германским правительством».

Опасения, высказанные генеральным консулом Фрейтагом, подтвердились. Это видно из помещаемого ниже отношения варшавского генерал-губернатора гр. Коцебу от 28 августа 1878 г. за № 507 на имя управляющего министерством иностранных дел.

---

[1]) Помещаемые в тексте выдержки из документов взяты из дела деп. внутр. сношений мин. ин. дел, 1878 г., XV, № 44, озаглавленного: «По отношению нашего генерального консула в Данциге касательно могущей угрожать России опасности от наплыва лиц рабочего сословия, принадлежащих к партии социалистов». Донесение Фрейтага от 8(20) июня помечено № 19. (Архив Рев. и Внешней Политики).

Секретно.

«Господину управляющему министерством иностранных дел.

Более строгие меры, принятые в последнее время в Германии противу социальной пропаганды между рабочим классом, побудили многих из владетелей фабрик и заводов исключить из числа своих рабочих лиц, принадлежащих к интернациональному обществу рабочих. Эти рабочие, лишенные, таким образом, заработков и не находя возможности снискивать себе средства к существованию на своей родине, начинают прибывать в пределы Царства Польского и, отличаясь большей развитостью, охотно принимаются здешними фабрикантами и заводчиками. Таких рабочих принято довольно значительное число в последнее время, как дошло до моего сведения, на заводы преимущественно г. Томашева Петроковской губ., а также г. Варшавы, Варшавской губ. и г. Лодзи.

Хотя социальная пропаганда найдет здесь вообще мало подготовленную почву, тем не менее однако их зловредное, но соблазнительное лжеучение для мало развитого польского рабочего населения может произвести величайшее зло, которое нужно остановить в самом начале его появления, а потому, сообщив начальникам губерний вверенного моему управлению края о необходимости строго следить за означенными рабочими на самых фабриках и заводах и высылать немедленно за границу всех таких рабочих, которые останутся здесь без средств к существованию, я имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не изволите ли вы признать возможным сделать с своей стороны распоряжение, дабы наши посольства и консульства визировали паспорты иностранных рабочих с крайней разборчивостью и отказывали в визе тем из них, которые отправляются в Царство Польское, не имея здесь заранее определенных занятий. О последующем я буду ожидать уведомления вашего высокопревосходительства.

Генерал-адъютант гр. К о ц е б у».

23 сентября министр ин. дел, препровождая копию с вышеприведенного отношения российскому поверенному в делах в Берлине Арапову, предлагает ему «войти в сношение с германским правительством для обсуждения мер к устранению наплыва лиц такой категории (социалистов) в Россию».

Вместе с тем 29 сентября министерство уведомило и. д. главного начальника III отделения о своей переписке с российским посольством в Берлине, касающейся «мер для ограждения государства от проникновения социалистических идей».

Н. Беляевский.

Неопубликованное письмо А. И. Герцена.

Воспроизводимое ниже письмо А. И. Герцена адресовано на имя известного деятеля революционного движения 60-х годов А. А Черкесова.

Как известно, весной 1862 г. Черкесов выехал за границу. В Лондоне он познакомился и сблизился с Герценом, Огаревым и Бакуниным. С апреля 1863 г. и по январь 1865 г. Черкесов прожил в Цюрихе, откуда часто предпринимал поездки в разные города Европы в связи с поручением, возложенным на него тайным обществом «Земля и Воля».

Поляки, имевшие верные и надежные пути для сношений с Россией, встретили обратившегося к ним за помощью Черкесова с нескрываемым недоверием, заподозрив в нем русского шпиона.

Черкесов обратился к Герцену, прося его прислать на имя одного из членов польского комитета в Швейцарии или гр. Платера несколько строк, удостоверяющих, что Черкесов — «человек, готовый честно работать для русского и польского освобождения» *).

*) Выдержки из этого письма опубликованы М. К. Лемке в XV т. собр. сочинений Герцена, стр. 543.

К сожалению, неизвестно, исполнил ли Герцен эту просьбу.

Летом 1865 г. Черкесов решил возвратиться в Россию. При переезде русской границы в Вержболове 15 августа 1865 г. Черкесов был арестован. Ему инкриминировалось два преступления. Во-первых, то, что он знал о тайном приезде в Россию весной 1862 г. эмигранта В. Кельсиева, который в бытность свою в Петербурге останавливался на квартире у Н. А. Серно-Соловьевича. Во-вторых, то, что Черкесов весной 1862 г. помог студенту Гюбнеру увезти из Петербурга и скрыть тайно приобретенный Гюбнером типографский станок *).

Арестованный Черкесов был предан суду. 16 марта 1866 г. Сенат, рассмотрев его дело, освободил его от ответственности, признав обвинение его по обоим пунктам недоказанным.

Печатаемое ниже письмо было написано Герценом 8 февраля 1863 г. и отправлено в Гейдельберг, куда Черкесов, живший в то время в Сорренто, приезжал на время.

К сожалению, подлинника письма Герцена нам найти не удалось. Возможно, что его и не было в распоряжении III отделения, из архива которого мы заимствуем это письмо. Возможно, что агент III отделения доставил туда лишь копию его. Поэтому мы вынуждены воспроизводить письмо Герцена по записке **) о Черкесове, составленной III отделением для следственной комиссии после ареста Черкесова в августе 1865 г. В этой записке письмо Герцена приведено целиком и, повидимому, довольно точно.

Б. Козьмин.

Любезный Черкесов!

Письмо ваше получил. Вы в нем пишете обо всем, кроме одного, и С. [1]) пишет обо всем, кроме одного. Да получили ли вы деньги, высланные на неаполитанского Ротшильда, 600 фр.—или нет? С. пишет только, что он получил мой телеграмм, — мне нужно знать для счетов с здешним Ротшильдом. Деньги можете отдать моей дочери, когда будете там, — это как хотите,— разумеется, если вы их получили. Прибавьте 13 фр. за телеграмм (11 шил. 6 п.).

Итак вы в Гейдельберге; здесь слухи о дуэли Блюммера [2]) с Новицким [3]);— досадно, время ли теперь заниматься этими феодальными расправами.

Если вы знакомы с Владимировым [4]) (если нет — познакомьтесь), поблагодарите его за письмо и скажите, что пока книг из Гейдельберга не нужно нам

Правда ли, что Милорадовича [5]) потребовали? Кстати, — мы вчера получили длинное письмо из Петербурга; напрасно всех в Гейдельберге потревожили черным глазом графини [6]). Совсем напротив — дела идут хорошо; правительство глупо, оторопело — и срезалось перед Европой польским набором [7]). Кстати, еще несколько отдельных случаев жестокостей со стороны поляков правительство раздуло в намерение вырезать всех русских и в анекдоты о разрезанных... солдатах. Солдаты сначала во многих полках молчали, не дрались, давали себя брать врасплох. Но грубая штука удалась, и они говорят офицерам: «Что же нам их щадить»; — это верно [8]).

Кланяйтесь Лугинину [9]), — зачем он предается нигилизму? Прощайте; дружески жму вам руку.

А. Герцен [10]).

*) Юлий Юльевич Гюбнер, студент медико-хирургической академии, член кружка Рымаренко, заказавшего и получившего от мастера этот станок.

**) В той же записке мы находим упоминание о другом письме Герцена, известном III отделению и не вошедшем в собрание сочинений Герцена. Это письмо было отправлено Герценом 26 декабря 1863 г. в Цюрих на имя того же Черкесова, но, судя по содержанию, предназначалось А. А. Серно-Соловьевичу. Из этого письма записка III отделения приводит лишь одну фразу: «Кланяйтесь Чер[кесову], если он с вами». Записка, о которой мы говорим, находится в деле высочайше учрежденной следственной комиссии 1865 г., № 155: «Об отставном губернском секретаре Александре Черкесове» (Архив Революции и Внешней Политики).

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Александр Александрович Серно-Соловьевич.

[2]) Блюммер, Леонид Петрович (1840—1888), известный эмигрант, издававший в 1862—1863 г.г. в Берлине журнал «Свободное Слово», а в 1865 г. исхлопотавший себе разрешение на возвращение в Россию.

[3]) Новицкий, Петр Васильевич (1835—1886), публицист, сотрудник «Голоса», в 1874—1875 г.г. редактор газеты «Новости». В № 7—8 «Свободного Слова» за 1862 г. Блюммер напечатал список лиц, подозреваемых в сношениях с тайной полицией; в этом списке был упомянут некий Новицкий. П. В. Новицкий, живший в то время в Гейдельберге, принял это указание на свой счет. В № 151 «Колокола» за 1862 г. напечатан его резкий протест против Блюммера. Был ли П. В. Новицкий действительно агентом III отделения, нам установить не удалось, но слухи о его сношениях с этим учреждением носились как за границей, так и в России, и несомненно, что Блюммер, печатая свой список, имел в виду именно этого Новицкого, а не какого-либо другого.

[4]) Владимиров, Николай Львович, студент Гейдельбергского унив., в 1866 г. арестованный в России по делу о читальне, открытой русскими студентами в Гейдельберге.

[5]) Милорадович, Леонид Александрович (1841—1908), секретарь русского посольства в Штутгардте. В январе 1863 г. Милорадович был в Лондоне и посетил Герцена. По возвращении в том же году в Россию он был подчинен секретному надвору. Впоследствии — каменец-подольский губернатор.

[6]) Возможно, что речь идет о графине Елизавете Васильевне Саллиас де-Турнемир (1815—1892), писавшей под псевдонимом — Евгения Тур.

[7]) Герцен имеет в виду рекрутский набор, произведенный в Варшаве русским правительством в ночь на 3 января 1863 г. и послуживший толчком к началу восстания раньше предполагавшегося поляками срока.

[8]) Польское восстание 1863 г. началось с того, что в ночь на 11 января в разных местах Польши повстанцы внезапно напали на застигнутые врасплох русские войска, которые, по официальным сведениям, в эту ночь понесли потери в 30 убитых и до 400 раненых. Русское правительство усиленно раздувало слухи о творимых повстанцами жестокостях для того, чтобы «поднять дух» в русских войсках.

[9]) Лугинин, Владимир Федорович (1834—1911), известный химик.

[10]) На письме Герцена сделана приписка рукою, неизвестной III отделению: «Здесь приехала бездна поляков — молодцы! Крепко жму вам руку. Да, о фонде похлопочите; он теперь больше нужен, чем когда-либо». И затем другая приписка: «Здравствуйте. Время настало бурное. Не знаем только, буря это или только предбурье. А вы как живете? вы и ваш друг [А. А. Серно-Соловьевич. *Б. К.*], которому усердно кланяюсь. М. Б а к у н и н».

От редакции. Материалы «К истории национальной политики Врем. Правительства», опубликованные в V (30) томе «Красного Архива», подготовлены к печати И. Тоболиным.

Ответственная редакция: { В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский. В. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Дневник мин. иностранных дел за 1915—1916 гг.	3— 50
Развал колчаковщины (из дневника В. Н. Пепеляева).	51— 80
Борьба С. Ю. Витте с аграрной революцией. С предисл. *И. Татарова.*	81—102
П. Л. Антонов в Петропавловской крепости. С предисл. *С. Валка.*	103—117
Конституционные проекты 80-х гг. XIX в.	118—143
Московский адрес Александру II в 1870 г. С предисл. *А. Преснякова.*	144—154
Новые пушкинские рукописи и материалы. *М. Цявловский.*	155—159
Поэма А. С. Пушкина «Монах». *П. Щеголев.*	160—175
Факсимиле первой песни поэмы А. С. Пушкина «Монах	177—195
«МОНАХ». Песнь первая.	197—201

Из записной книжки архивиста.

Автографы членов Уфимского Совещания	201—204
В церковных кругах перед революцией.	204—213
К истории освобождения Н. Г. Чернышевского. Сообщил *П. Садиков.*	214—219
Побег Сергея Дегаева. Сообщил *С. Валк.*	219—222
Из истории борьбы с социалистическим движением в царской России. Сообщил *Н. Беллвский.*	223—224
Неопубликованное письмо А. И. Герцена. Сообщил *Б. Козьмин.*	224—226

ГОСИЗДАТ РСФСР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1929 ГОД

НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ВЫХОДИТ РАЗ В 2 МЕСЯЦА

Под редакцией

В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского и В. М. Фриче.

Журнал ставит своей задачей опубликование неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, Октябрьской революции и гражданской войны, истории литературы, быта и культуры.

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим обществам, отделам истпарта облкомов и губкомов, педагогам, газетным работникам и др.

В 1929 году в „Красном Архиве“ в числе других будут опубликованы следующие материалы и статьи:

Внешняя политика: 1) Дневник министерства иностранных дел за 1916 г. 2) Парижская Коммуна 1871 г. в донесениях русских дипломатов. 3) Берлинский конгресс 1878 г. 4) Революция 1848 г. в донесениях русских дипломатов.

Октябрьская революция и гражданская война: 1) Документы об Уфимском совещании. 2) Английская интервенция на севере. 3) Переписка ген. Миллера с „союзниками“. 4) Временное Правительство Автономной Сибири. 5) 1919 год по дневникам и запискам белогвардейцев. 5) Колчак и Семенов и др.

Революционное движение до Октября: 1) Из переписки членов ц. к. кадетской партии перед Февральской революцией. 2) Балтийский флот в 1916—1917 гг. (дневник Ренгартена). 3) Документы деп. полиции о рабочем движении в годы реакции. 4) Показания Халтурина. 5) Показания Якубовича. 6) Покушение А. К. Соловьева на Александра II. 7) Распад „Народной Воли“. 8) 80-ые годы по документам из фондов Зимнего дворца, Лорис-Меликова и др. 10) Всеподд. ежегодные отчеты шефа жандармов за первую половину XIX ст.

Кроме того, в 1929 г., в „Красном Архиве“ будут напечатаны: 1) Переписка Александра III с Марией Федоровной. 2) Переписка С. Ю. Витте с В. Н. Коковцовым, П. А. Столыпиным, К. П. Победоносцевым и др. 3) Дневник А. А. Половцева за 80-ые годы XIX в., а также ряд вновь найденных историко-литературных материалов:

1) Поэма А. С. Пушкина „Монах“ (песни II и III), новые материалы о дуэли и смерти А. С. Пушкина и др. документы о нем (из фондов Зимнего дворца, архива Волконских, Остафьевского архива и др.). 2) Неизданные произведения и письма А. С. Пушкина, А. Одоевского, П. Вяземского, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Чехова и др. 3) Неопубликованные показания Ф. М. Достоевского на процессе петрашевцев.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Центр, Никольская ул., д. 9-а.

Подписная цена: на год — 15 руб., на полгода — 8 руб.

Цена отдельного номера — 3 рубля

Подписку направлять: Москва, Центр, Ильинка 3, Периодсектор, тел. 4-87-19. Ленинград, Проспект 25 Октября, 28, Ленотгиз, телеф. 5-48-05. В отделения, магазины и киоски Госиздата, уполномоченным, снабженным специальными удостоверениями, во все киоски Всесоюзного контрагентства печати, во все почтово-телеграфные конторы, а также через письмоносцев.